
Слуцкія
паясы

ІНСТЫТУТ

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІІ

І ФАЛЬКЛОРУ АН БССР

Л. И. ЯКУНИНА

СЛУЦКИЕ ПОЯСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК БССР
МИНСК · 1960

Л. І. ЯКУНІНА

СЛУЦКІЯ ПАЯСЫ

ВЫДАВЕЦТВА АКАДЭМІІ НАВУК БССР
МІНСК · 1960

Рэдактары:
А. І. ЗАЛЕСКІ, К. П. КАБАШНІКАЎ

СЛУЦКІЯ ТКАЧЫХІ

Ім не пабачыць роднай хаты,
Не ўчуць ім дзетак галасы.
Яны у панскі двор узяты
Ткаць залатыя паясы.
І цягам доўгія часіны,
Аб шчасці ўжо забыўшы сны,
Свае шырокія тканіны
На лад персідскі ткуць яны.
А за сцяной шляхі у поле,
Шуміць чарэмха ля акна,—
І думкі мкнуцца мімаволі
Туды, дзе расцвіла вясна.
Там так вясёла і прыгожа:
Зіяюць срэбрам ручайкі,
І у зялёных хвалях збожжа
Закрасавалі васількі.
Там шчыры бор шуміць сувора...
Ты тчэш, бязвольная рука,
Заміж персідскага узора,
Цвяток радзімы васілька.

Максім Багдановіч.

ПРАДМОВА

Сярод розных відаў прыкладнога мастацтва нашай краіны мастацкае ткацтва займае адно з галоўнейшых месц. Дываны, дэкаратыўныя тканіны для заслон, абіўкі сцен, мэблі, абрусы, ручнікі, посцілкі здаўна ўпрыгожвалі жыллё чалавека. Вялікая ўвага звярталася на тканіны, якія ішлі на адзенне і павінны былі ўпрыгожваць самога чалавека.

Ткацкія вырабы адрозніваліся па каштоўнасці матэрыялу, па майстэрству яго апрацоўкі і мастацкім выкананнем тканіны. Ткацкае майстэрства пастаянна ўдасканальвалася ў тонкасці выпрацоўкі, у прыгожасці афарбоўкі і арнаментацыі. Тканіны і розныя тканыя рэчы — хусткі, ручнікі і інш., якія выйшлі з рук умелага майстра, нярэдка дасягалі сапраўды мастацкага ўзроўню.

Да ліку вырабаў, у якіх асабліва праяўлялася майстэрства ткача, належаць шаўковыя тканыя паясы-кушакі.

Пояс-кушак складаў неабходную частку рускага, украінскага і беларускага адзення. Таму ён меў вялікае дэкаратыўнае значэнне і багата арнаментаваўся. Упрыгожванне адзення найбольш ярка выражалася ў распрацоўцы каларыту і арнаментацыі пояса.

Матэрыял, размер і назначэнне пояса давалі магчымасць майстру-ткачу выявіць свае мастацкія здольнасці. Кожны пояс-кушак можна разглядаць як узор ткацкага майстэрства свайго часу.

У цяперашні час у сувязі з ростам цікавасці да помнікаў нацыянальнай культуры пачата сур'ёзнае вывучэнне слуцкіх паясоў як узораў беларускага мастацкага шаўкаткацтва.

Наяўны шматлікі матэрыял па гэтаму пытанню яшчэ мала вывучан. Літаратура па шаўковых паясах-кушаках вельмі бедная. На рускай і беларускай мовах маюцца толькі асобныя брашуры і артыкулы ў розных часопісах. Няма яшчэ манаграфіі па вывучэнню паясоў-кушакоў, якія выраблялiся ў нашай краіне.

Пытанне аб гісторыі слуцкіх паясоў з'яўляецца пытаннем аб ролі беларускага народа ў стварэнні гэтых цудоўных узораў дэкаратыўнага прыкладнога мастацтва.

Вывучэнне слуцкіх паясоў мае таксама і практычнае значэнне. Расфарбоўка паясоў і іх арнаментацыя, распрацаваныя беларускімі майстрамі XVIII ст., могуць быць з поспехам прыменены ў сучаснай тэкстыльнай прамысловасці.

Народныя майстры-ткачы мелі высокаразвітае адчуванне матэрыялу і яго фактуры і дасканала валодалі тэхнікай вырабу. Таму тэхніка вырабу слуцкіх паясоў прадстаўляе значную цікавасць.

Асабліва важна вывучэнне паясоў-кушакоў для мастакоў-прыкладнікаў. Авалоданне багаццем каларыстыкі, уласцівай народным майстрам, іх майстэрствам арнаментацыі можа паслужыць справе абагачэння новага народнага стылю.

Перад савецкім прыкладным мастацтвам стаіць вялікая, сур'ёзная задача — стварэнне савецкага народнага стылю, адпавядаючага новым формам быту. Асноўнымі рысамі гэтага стылю павінны быць адчуванне сучаснасці, сувязь з народнымі традыцыямі і дасканаласць вырабу. Вывучэнне мастацкага народнага ткацкага майстэрства адкрывае магчымасці для яго творчага асваення. Яно дазволіць нам узяць са скарбніцы народнай творчасці тое, што каштоўна для савецкага прыкладнога мастацтва.

Паясы-кушакі прадстаўляюць сабой багаты матэрыял і для даследчыка, які займаецца вывучэннем ткацкай вытворчасці рускага і беларускага народаў.

Вывучэнне гэтага матэрыялу дазволіць асвятліць і рад іншых пытанняў, у тым ліку культурныя і гандлёва-прамысловыя сувязі паміж народамі Расіі, Беларусі і Рэчы Паспалітай, а таксама іх сувязі з краінамі Усходу і Захаду.

Мэтай данай работы з'яўляецца выяўленне мастацкага ткацкага майстэрства рускага і беларускага народаў. У цэнтры даследавання стаіць пытанне аб развіцці вытворчасці шаўковых паясоў у Беларусі — у Слуцку.

Матэрыялам для работы паслужылі калекцыі паясоў Дзяржаўнага Гістарычнага музея ў Маскве, Дзяржаўнага музея этнаграфіі народаў СССР і рада іншых музеяў нашай краіны.

Да работы прыкладваецца значны ілюстрацыйны матэрыял (у выглядзе фотаздымкаў).

* * *

Як асаблівасць тэрміналогіі трэба адзначыць ужыванне тэрмінаў «пояс» і «кушак».

Звычайна пры апісанні музейных экспанатаў ужываецца тэрмін «пояс». Ён прымяняецца як родавае паняцце і да скураных, і да металічных, і да тэкстыльных паясоў. Між тым для абазначэння шырокага тканага пояса ў рускай мове прывіўся спецыяльны тэрмін «кушак», запазычаны з татарскай мовы. Майстры, якія выраблялі падобныя паясы, называліся «кушачнікамі». Тканіны, якія ішлі на кушакі, атрымалі назву «кушачных».*)

У рускім дакументальным матэрыяле, які адносіцца да шырокіх тканых паясоў, ужываецца тэрмін «кушак». Аднак у музеязнаўстве да падобных паясоў тэрмін «кушак» не ўжываецца. Гэта тлумачыцца тым, што шаўковыя паясы данага тыпу прыпісваліся вытворчасці заходніх фабрык з галоўным цэнтрам у Слуцку і таму называліся слуцкімі. Кушакі маскоўскай вытворчасці не былі выяўлены.

З устанаўленнем групы маскоўскіх паясоў, якія называюцца ў дакументах «кушакамі», узнікла неабходнасць абазначаць маскоўскія паясы тэрмінам «кушак».

У Беларусі замацаваўся выраз «пояс». Паколькі ў музейных інвентарных кнігах ужываецца тэрмін «пояс», то ў пачатку кожнага апісання гэты тэрмін захаван, каб пазбегнуць разыходжання з інвентарным вопісам.

---

*) Гл. «Толковый словарь» Ул. Даля.

ЗНАЧЭННЕ ПОЯСА Ў БЫТУ РУСКАГА І БЕЛАРУСКАГА НАРОДАЎ

ускае і беларускае народнае дэкаратыўнае мастацтва мае агульныя корані, якія вядуць у глыбокую старажытнасць. Знешнія ўмовы, што аказвалі некаторы ўплыў па фарміраванне мастацтва кожнага народа ў паасобку, не маглі парушыць яго самабытнасці.

Народныя майстры-мастакі тварылі на аснове старадаўніх традыцый. Яны карысталіся таксама іншаземнымі ўзорамі і прыёмамі, падвяргаючы іх самастойнай перапрацоўцы. Прыкладам такой самастойнай перапрацоўкі чужаземнага ўзору могуць служыць тканыя шырокія шаўковыя паясы-кушакі, запазычаныя з Усходу.

Вытворчасць гэтых паясоў-кушакоў узнікла амаль адначасова ў Расіі і Беларусі, цэнтры — Масква і Слуцк. Абедзве вытворчасці развіваліся незалежна адна ад другой. Паясы ткаліся народнымі майстрамі-мастакамі. Рускія і беларускія майстры, кожныя па-свойму, перапрацоўвалі ўсходнія арыгіналы і надавалі ім свае нацыянальныя рысы.

Аднак, нягледзячы на знешняе адрозненне, паміж маскоўскімі і слуцкімі паясамі ёсць унутраная агульнасць. Яна можа быць выяўлена толькі ў працэсе параўнальна-гістарычнага вывучэння мастацкага ткацтва абодвух народаў.

* * *

Пояс з'яўляецца неад'емнай часткай рускага, украінскага і беларускага народнага адзення, як мужчынскага, так і жаночага. Практычнае назначэнне пояса заключаецца ў тым, каб трымаць адзенне на стане.

У быту і абраднасці Старажытнай Русі значэнне пояса было вельмі вялікае. Аб гэтым сведчаць шматлікія словаўтварэнні, моўныя звароты, звязаныя са словам «пояс». Напрыклад, «паясажней», г. зн. павідней, пабольш; «распаясацца», г. зн. страціць усякую стрыманасць, распусціцца, прычым гэта разумеецца ўжо не толькі ў прамым сэнсе, у сувязі з адзеннем, але і ў пераносным, маральным. Так, у старадаўнерускім вершы падкрэсліваецца амаральнасць паводзін Марыны Ігнатаўны, якая прымала ў сябе Змея Гарыныча:

А молода Марина Игнатьевна,
Она высунулась по пояс в окно
В одной рубахе без пояса.*)

З поясам звязаны розныя абрады, павер'і, загаворы і гаданні.[1]

Самуіл Колінс, які дзевяць год пражыў у Маскве пры двары Аляксея Міхайлавіча, піша, напрыклад: «Рускія амаль ва ўсіх сваіх дзеяннях адрозніваюцца ад іншых народаў. Яны носяць кашулю паверх споднікаў, падпяразваюцца ніжэй пупа, таму што пояс, на іх думку, надае сілы. Ні мужчыны, ні жанчыны не ходзяць без паясоў пад страхам нябеснай кары».**)

Гэту асаблівасць нашэння пояса ніжэй паясніцы яшчэ раней адзначыў Герберштэйн. «Яны (рускія),— пісаў ён,— падпяразваюцца не па жывату, а па клубах і нават спускаюць пояс да пахвіны, каб жывот больш выдаваўся. І гэты звычай перанялі цяпер італьянцы, іспанцы і нават немцы».***) [2]

У беларускай вёсцы звычай нашэння пояса ніжэй жывата назіраўся яшчэ ў канцы XIX ст.****)

У Беларусі пояс з'яўляўся ахвярным прадметам, які прыносіўся ў дар па абяцанню. Многа такіх паясоў паступала як «ахвяры» ў цэрквы і касцёлы — «ахвярныя» паясы.

Сярод абрадаў, прыкмет і прадвесцяў існаваў абрад «апаясвання» дзіцяці праз шэсць тыдняў пасля нараджэння.*****) [3]

---

*) Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание Суворина, М., 1878, стар. 155.

**) Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, Самуила Коллинса (перевод Киреевского). «Чтения», кн. I, 1846, стар. 20.

***) Герберштейн. Записки о Московских делах. Издание Суворина, СПб., 1908, стар. 80.

****) Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стар. 107.

*****) И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. I, М., 1837, стар. 210.

Звычай «апаясвання» лічыўся ў народзе адметнай рускай рысай, уласцівай таксама беларусам і ўкраінцам. Зяленін гаворыць, што «велікарусы называюць мужчыну без пояса ў неадабральным сэнсе — «бяспоясны татарын...». Пояс служыць талісманам, які мужчына павінен хаваць ад чорта, асабліва ж ад лесуна і дамавіка».*) [4]

Пояс меў важнае значэнне і ў вясельных абрадах. «Выпіла дзяўчына віна з бутэлькі, прынесенай жаніхом, зняла з сябе пояс, абматала ім тую бутэльку і ў такім выглядзе вярнула пасудзіну таму, хто прынёс,— значыць, згодна на шлюб, зрабілася нявестай, падпісала кантракт і з прычыны непісьменнасці вузялком пояса паказала месца пячаці (у некаторых мясцінах Велікаросіі гэты звычай заменен пасылкаю жаніху белага ручніка (шырынкі.— *Л. Я.*) нявесцінага рукадзелля.**) Цяпер яна ні ў якім выпадку не мае права адмовіць жаніху, які пачынае рабіць затраты, рыхтуючыся да вясельнага балю».***)[5]

Значэнне пояса ў быту відаць і з таго, што ён адыгрываў вялікую ролю ў народных гаданнях. [6]

Пояс ужываўся таксама як засцярога ў многіх замовах.[7]

У старажытнасці лічылі, што можна пашкодзіць чалавеку, зрабіўшы над яго поясам розныя вядзьмарскія дзеянні. Напрыклад, пасля раптоўнай смерці жонкі Івана III Марыі яе прыбліжаную Наталлю Палуеўктаву падазравалі ў тым, што яна пасылала пояс вялікай княгіні да якойсьці варажбіткі.****)

Былі замовы на поясе.[8]

Выраблялiся паясы з самых розных матэрыялаў: каваныя з дабрароднага металу — залатыя і срэбраныя, скураныя («с ременем») з усялякімі ўпрыгожваннямі, плеценыя і, нарэшце, тканыя.

---

*) Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunda, Leipzig, 1927, стар. 221.
**) Вл. Даль. Пословицы русского народа т. III, 1904, стар. 11.
***) Максимов. Крылатые слова. СПб., 1890, стар. 417.
****) Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. VI, 1892, стар. 7.

ПАЯСЫ НА МАСКОЎСКАЙ РУСІ

начэнне пояса ў адзенні маскоўскіх людзей было вялікім. У духоўнай грамаце Івана Каліты, пісанай у 1328 г., пояс упамінаецца адным з першых: «А из золота дал есмь сыну своему Івану («Краснаму»): чеп золоты, пояс большый с жемчугом, с каменьем, пояс золот с капторгами (засцёжкамі.— *Л. Я.*), пояс сердоличен, золотом окован». *)

Пояс служыў і як бацькоўскае благаславенне. Іван Красны ў духоўнай грамаце, пісанай у 1356 г., пры перадачы пояса старэйшаму сыну Дзімітрыю (у далейшым Данскому) адзначае гэта значэнне пояса: «...пояс вялікі залаты з каменнем з жэмчугу, што мяне благаславіў бацька мой князь Вялікі».**)

У XV ст. адзін пояс нават выклікаў спрэчку паміж членамі маскоўскай велікакняжацкай сям'і. [9]

У духоўнай грамаце Дзімітрыя Данскога мы бачым цэлы пералік розных паясоў, якія перадаваў ён сваім сынам. Пры гэтым тут паведамляюцца і тыя

---

*) Духовная грамота вел. князя Ивана Даниловича Калиты (первая). Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стар. 32.

**) Духовная грамота вел. князя Иоанна Иоанновича (первая). Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стар. 40.

асаблівасці, якія выдзяляюць паясы, напрыклад дадзены сыну князю Пятру — «с калитою да с тузлуки».*)

Пояс здаўна з'яўляўся хавальнікам каліты, г. зн. кашалька.**)

Тут жа мы сустракаем своеасаблівую назву пояса. Так, пояс, дадзены вял. князем Дзімітрыем Іванавічам сыну князю Івану, называецца — «татаур».***)

На поясе і за поясам насілася зброя.

У асноўным разнастайныя віды паясоў выраблялася рускімі майстрамі. У духоўнай грамаце Дзімітрыя Іванавіча ўпамінаюцца імёны майстроў, якія выраблялі княжацкія паясы — «пояс Макарава дзела», «Шышкіна дзела».****)

Тканыя паясы на Маскоўскай Русі ўпамінаюцца яшчэ і ў іншых духоўных граматах.

На іконаграфічным помніку старадаўняга жывапісу канца XIII — пачатку XIV ст.— «Никола с житием» — ёсць малюнак «сточнага» пояса. У кляйме з тэмай пакарання трох ваявод кат адзет у пунсовую кашулю, падпяразаную шырокім тканым белым поясам у чорную палоску.*****) Гэта адзін з найбольш старадаўніх малюнкаў тканага пояса і спосаба яго нашэння.

Можна сказаць, што на Русі ў XIII—XIV стст., калі не раней, існавала вытворчасць тканых паясоў.

Акрамя паясоў мясцовага вырабу, на Маскоўскай Русі бытавалі прывазныя паясы ўсходняга паходжання — кушакі.

Паясы прывозіліся на Маскоўскую Русь з розных краін Усходу.[10] З усходніх асабліва шырока былі распаўсюджаны паясы іранскага паходжання. У XVI—XVII стст. славіліся кізылбашскія — персідскія кушакі (назва па краіне Кізылбашы — Персія). У XVIII ст. сталі вядомы таксама мячэцкія кушакі (назва па гораду Мяшхет).******)

Гандаль усходнімі паясамі вёўся як рускімі, так і замежнымі купцамі. Цана ўсходніх паясоў была вельмі значнай. Напрыклад, у XVII ст. у Маскве

---

*) Духовная грамота вел. князя Димитрия Иоанновича (вторая). Писана в 1389 году. Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стар. 61.

**) «Плату ж, якую атрымліваюць грашыма, завязваюць (рускія) моцна ў паясы свае». (Ибн-Даста. Книга сокровищ; Гаркави. Сказания мусульманских писателей о России).

***) Новае «катаур», у манголаў «татаур» — пояс, зацяжка, скураны пояс, іншы раз шыты шоўкам і золатам, часам з накладнымі металічнымі ўпрыгожваннямі, залатымі і срэбранымі.

****) Духовная грамота вел. князя Димитрия Иоанновича (вторая). Писана в 1389 году. Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стар. 61.

*****) Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

******) Мяшхет — буйны гандлёва-прамысловы цэнтр у правінцыі Харасан (паўн. Персія) — быў вядомы сваёй ткацкай шаўковай вытворчасцю, вёў ажыўлены гандаль з народамі Закаўказзя.

«кушак Кашчанскага дзела» каштаваў 1 руб. 50 кап., «польскія шаўковыя кушакі» прадаваліся па цане ад 45 кап. да 2 руб.*)

У XVI—XVII стст. усходнімі кушакамі апаясвалася верхняе мужчынскае адзенне.

Існавалі розныя спосабы завязвання кушака. Гэта можна, напрыклад, назіраць на партрэтах XVII ст.[11]

У музеях СССР сустракаюцца розныя ўзоры ўсходніх паясоў, якія бывалі ў нашай краіне ў вельмі далёкія часы.[12] У Дзяржаўным Гістарычным музеі захоўваюцца ўсходнія кушакі, якія адносяцца да XVI—XVIII стст. Яны прадстаўляюць сабой шаўковыя палотны рознай даўжыні і шырыні. Усходнія кушакі па выпрацоўцы могуць быць аднабаковымі і двухбаковымі, адналіцавымі і двухліцавымі, цэлымі і сшыўнымі. Яны ткаліся альбо на шырокіх станах (шырыня 60—70 см), альбо на вузкіх (шырыня 30—35 см) і затым сшываліся ва ўсю даўжыню.

Усходні кушак па характару арнаментацыі дзеліцца на тры часткі — сярэднік, канцы і аблямаванне. Сярэднік пояса бывае заткан дробным узорам — траўным, кветкавым, лускаватым, у гарошак, геаметрычным і інш. Часам ён заткан папярочнымі палосамі, запоўненымі арнаментам, або гладкімі. Радзей сярэднік бывае аднаколерным, без арнаменту.

Найбольш бачнай часткай кушака з'яўляюцца яго канцы, на якія пры выпрацоўцы звярталася асаблівая ўвага. Арнаментацыя канцоў звычайна складаецца з рытмічна ідучых па чарзе асобных кветак, букетаў або вянкоў (ад трох да сямі). Радзей сустракаюцца разеткі і фігуры.

Аблямаванне пояса часта пераходзіць на канцы. Узор звычайна траўны.

У вуглу аблямавання канца кушака часта ставілася метка. Метка часам мела культавае значэнне.

Усходнія кушакі як каштоўная тканіна ўжываліся для пашыву адзення, а таксама прадметаў свецкага і царкоўнага быту.

Найбольш раннім узорам ужывання кушатчатай тканіны на пашыў царкоўнага адзення з'яўляецца падрызнік, або «падрызны стыхар», мітрапаліта Алексія (1290—1375 гг.).**) [13] Пазней, ужо ў XVI ст., часта ўпамінаецца свецкае мужчынскае адзенне, на пашыў якога ішлі шаўковыя ўсходнія кушакі.[14] К пачатку XVII ст. адносіцца ўпамінанне аб жаночым адзенні, сшытым з шаўковых усходніх кушакоў.[15]

Прывазныя ўсходнія кушакі, акрамя мастацкай каштоўнасці, цікавы нам таму, што яны доўгі час бытавалі на Маскоўскай Русі, Беларусі, Украіне. Яны паслужылі прататыпам для вытворчасці паясоў маскоўскіх і слуцкіх.

---

*) Пад словам «польскія» трэба разумець прывазныя з Усходу і толькі бытаваўшыя ў Польшчы ў XVII ст.

**) Аружэйная палата, № 12062.

У XVIII ст. у Расіі паяўляецца імкненне арганізаваць уласную вытворчасць шаўковых кушакоў. Пачатак паклалі астраханскія армяне, якія гандлявалі шоўкам. Затым вытворчасць шаўковых кушакоў перайшла да рускіх прадпрыемцаў.

Спачатку «кушачная» вытворчасць узнікла ў Астрахані. Горад гэты з'яўляўся цэнтрам транзітнага гандлю Расіі з Усходам, у прыватнасці з Персіяй. З таго часу вядома кушачная мануфактура армяніна Рэвіза Зеліева,*) заснаваная ў 1752 г.[16], а таксама мануфактура братоў Буніатавых (1760 г.).**)

Далейшае развіццё вытворчасць шаўковых кушакоў атрымала ў Маскве і яе ваколіцах. У 1730—1760 гг. у Маскве было заснавана звыш дваццаці шаўкаткацкіх прадпрыемстваў. Масква станавілася цэнтрам складваўшайся рускай тэкстыльнай прамысловасці.

Асаблівасцю вытворчасці паясоў у Маскве з'яўлялася тое, што яны выраблялiся не спецыяльна «кушачнымі» мануфактурамі — «персіярнямі», а складалі частку шаўкаткацкай вытворчасці. Гэта тлумачыцца тым, што ў XVIII ст. у Расіі стала развівацца тэкстыльная прамысловасць наогул і шаўкаткацкая ў прыватнасці. Рускія шаўковыя мануфактуры выраблялі тканіны розных відаў і гатункаў, а таксама разнастайныя шаўковыя рэчы — хусткі, стужкі і г. д. Таму арганізаваць на мануфактуры выраб шаўковых паясоў можна было без вялікай цяжкасці.

Апрача мануфактурнай вытворчасці кушакоў, тут мелася таксама шырокая саматужная вытворчасць. Яна часта служыла асновай для ўзнікнення мануфактур.

У дакументах, якія закранаюць саматужную вытворчасць у Маскве і Маскоўскай губерні, пастаянна ўпамінаюцца майстры-кушачнікі, працаваўшыя на 1—3 станах.***)

У першай палавіне XVIII ст. у Маскве сярод шматлікіх цэхаў, якія аб'ядноўвалі майстроў па спецыяльнасці, меўся кушачны цэх.

Трэба адзначыць, што ў XVIII ст. у выніку адмовы дваранства ад рускага нацыянальнага адзення шаўковыя кушакі бытавалі амаль выключна сярод купцоў і заможнага сялянства. Гэта вызначыла характар выпрацоўкі маскоўскіх кушакоў, разлічаных на параўнаўча шырокага спажыўца.

---

*) М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Гос. Имп. Петру В. и ныне благополучно царствующей Гос. Имп. Екатерины В. М., 1785, стар. 619.

**) Там жа.

***) И. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века, т. II, М.—Л., 1950, стар. 54, 57, 58, 98 і наступныя.

Маскоўскія кушакі не здзіўляюць ні раскошай, ні насычанасцю залотнай ніткай і не вызначаюцца выдасканаленасцю арнаментацыі і расфарбоўкі. Яны дабротныя, залотная нітка прымяняецца рэдка і ў малой колькасці, галоўным чынам на канцах. Расфарбоўка і арнамент маларазнастайныя. Аднак маскоўскія паясы, безумоўна, з'яўляюцца ўзорамі ткацкага майстэрства па тонкасці выпрацоўкі, па расфарбоўцы, падабранай з вялікім густам, і па простай прыгожай арнаментацыі.

Гэтыя кушакі знаходзілі шырокі попыт на ўнутраным рынку і нават вывозіліся ў Польшчу, дзе ўжо меліся свае мануфактуры.[17]

У сярэдзіне XVIII ст. рускі ўрад абавязаў уладальнікаў тэкстыльных мануфактур абазначаць прадукцыю сваёй вытворчасці асобым вытканым на тканіне таварным знакам, кляймом. Увядзенне таварных знакаў павінна было павысіць адказнасць прадпрыемца за сваю прадукцыю, служыць парукай за яе якасць. Забаранялася выдаваць сваю прадукцыю за вырабы другога прадпрыемства, рускага ці замежнага.

На шаўковых кушаках у большасці выпадкаў таксама ставіўся таварны знак. Ён меў розныя віды. Метка размяшчалася альбо па чатырох вуглах кожнага канца пояса, радзей па двух ніжніх, альбо па яго ніжняму краю ва ўсю шырыню. Па гэтых таварных знаках можна ўстанавіць назву і месца вытворчасці, імя і прозвішча ўладальніка мануфактуры.

Адным з старэйшых рускіх шаўкаткацкіх прадпрыемстваў, выпускаўшых кушакі, была маскоўская мануфактура Данілы Якаўлевіча Земскага.*) У 1745 г. з дазволу Мануфактур-калегіі яна была пераведзена ў сяло Купаўна пад Багародскам.[18]

Да вырабу мануфактуры Д. Я. Земскага можна аднесці пояс № 127/27253 з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея (I).**) Пояс гэты двухбаковы, двухліцавы, тканы ў блекла-пунсовых танах з характэрным для XVIII ст. шашачным узорам па краю (разм. 2,92×0,48). Сярэднік яго ў папярочных палосах з кветкавым узорам цёмна-блакітных і зялёных тanoў. На канцах па чатыры круглыя разеткі, запоўненыя кветкавым арнаментам. Па чатырох вуглах канца пояса ткана метка, якая складаецца з дзвюх літар «Д. З.» (Даніла Земскі). Махры не прышытыя, а зробленыя з нітак асновы, што характэрна для маскоўскіх паясоў.[19]

У 1775 г. Купавінская мануфактура адышла да дзяржавы і як дзяржаўнае прадпрыемства існавала да 1803 г.[20] У 1803 г. яна перайшла да князя Юсупава, прэзідэнта Мануфактур-калегіі. Час уладання Купавінскай фабрыкай Юсупавымі з'яўляецца апошнім перыядам яе шаўкаткацкай вытворчасці.[21]

*) «Русская Старина», 1883, кастрычнік, стар. 67.
**) Рымскія лічбы ўказваюць узоры паясоў.

Кушакі тут вырабляліся двух тыпаў — персідскія і мячэцкія. Персідскі кушак прадстаўляў сабой шаўковае цэльнае палотнішча з тканым узорам. Даўжыня і шырыня яго розныя. Ён мог быць двухбаковым і чатырохбаковым, г. зн. ліцавы ўзор на кожным з бакоў або на кожным з бакоў па два ліцавых узоры.

Мячэцкі кушак таксама прадстаўляў сабою шаўковае цэльнае палотнішча, але аднабаковае, даўжыня і шырыня якога маглі быць розныя.

Персідскі і мячэцкі, як і ўсходнія кушакі, складаюцца з 3 частак — сярэдніка з аблямаваннем і двух канцоў. Арнаментацыя сярэдніка адзначаецца вялікай устойлівасцю. Яна складаецца з папярочных палос, запоўненых траўным узорам. Поле сярэдніка і палосы бываюць самых розных колераў і адценняў. Траўны ўзор часцей за ўсё карычневы. Арнаментацыя канцоў больш разнастайная. Яна складаецца альбо з некалькіх зорак, альбо з трох ці пяці разетак, якія чаргуюцца з свяцільнікамі, альбо з раслінных матываў. Раслінныя матывы прадстаўлялі сабой букеты кветак (часам у вазонах ці вазах), часцей за ўсё звернутыя венчыкамі да ніжняга краю канца пояса.

Канец пояса звычайна не меў махроў. Але ў асобных выпадках канцы пояса заканчваліся махрамі. Гэтыя махры складаюць арганічнае адзінства з тканінай пояса. Яны з'яўляюцца працягам асновы. Як выключэнне сустракаюцца паясы з прышыўнымі махрамі. Прыкладам можа служыць пояс № 83/42269 з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея (II). Па чатырох вуглах канца яго ў два радкі выткана метка „К.Н.Ю./К.Ф.", г. зн. «князя Юсупава Купавінская фабрыка».[22]

У 1833 г. Купавінская фабрыка князя Юсупава перайшла да купцоў Бабкіных — суконшчыкаў. Выпуск мастацкай прадукцыі фабрыка спыніла.

Усходнія кушакі выпускалі таксама маскоўскія фабрыкі Андрэева, Дудышкіных, Жывова, Жыгарава, Карпава, Кірыякава, Калакольнікава, Кандрашава, Левіна і рад іншых. Сярод іх адным з буйнейшых прадпрыемстваў была фабрыка Якава Карпава.

Якаў Карпаў заснаваў сваю фабрыку ў сяле Хамутове ў 1792 г., калі быў яшчэ эканамічным селянінам. Паступова ўдасканальваючы вытворчасць і паляпшаючы вырабы, ён давёў сваё прадпрыемства да бліскучага стану. Росквіту фабрыкі садзейнічаў і сын Я. Карпава — Ілья.[23]

Прадукцыя фабрыкі Карпава па якасці не ўступала замежнай. Нярэдка маскоўскія і пецярбургскія купцы перапрадавалі вырабы гэтай фабрыкі пад выглядам замежных, галоўным чынам французскіх. *)

У 1833 г. на выстаўцы ў С.-Пецярбургу Карпаў атрымаў за вырабы сваёй фабрыкі вялікі залаты медаль. Фабрыка выраблялa кушакі тыпу ўсходніх.

---

*) «Журнал мануфактур и торговли за 1828 г.», СПб., № 4, стар. 102.

Гэтыя кушакі адзначаліся высокай якасцю выпрацоўкі, прыгожасцю расфарбоўкі і багаццем узора. Прыкладам вырабу гэтай фабрыкі можа служыць пояс № 119/15897 з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея (III).

Другім буйным шаўкаткацім прадпрыемствам, дзе выраблялі паясы, была фабрыка Кандрашава.[24] Прыкладам вырабаў гэтай фабрыкі можа служыць пояс № 340/59400 з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея (IV). Пояс гэты шаўковы, аднабаковы (разм. 2,65×0,38). Сярэднік яго паласаты. Палосы чаргуюцца сінія, зялёныя, жоўтыя, па іх ткан траўны ўзор чорнага, пунсовага і светла-пунсовага колераў. На канцах па жоўтаму полю ткана па тры матывы стылізаваных кветак (хутчэй за ўсё — гваздзікі). У аблямаванні канцоў па чатырох вуглах ёсць метка. У ніжнім вуглу ў тры радкі выткана: у першым радку «Ф. К.», у другім — «К. Ф.», у трэцім — «Ш.», г. зн. «фабрыканта Кірыла Кандрашава фабрыка шаўковая».[25]

Буйным прадпрыемствам XVIII—XIX стст. была і шаўкаткацкая фабрыка Грыгора Кірыякава. Кушакі, якія выпускала гэта фабрыка, ёсць у калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея, напрыклад пояс № 22/21947.[26] На абодвух канцах гэтага пояса, у аблямаванні, па чатырох вуглах выткана метка. Метка складаецца з чатырох пачатковых літар „М.К./Г.К.“, якія трэба чытаць: «Маскоўскі купец Грыгор Кірыякаў».

Другі пояс (№ 86/18897) — двухбаковы (разм. 3,44×0,58).[27] Ва ўсю шырыню на канцах ніжняй паласы выткана: «Р. Ш. Ф. С. М. К. Г. К.» — «Расійскай шаўковай фабрыкі ўладальнік маскоўскі купец Грыгор Кірыякаў».

У 70-х гадах XVIII ст. паявілася шаўкаткацкая фабрыка Герасіма Міронава ў сяле Пакроўскім Маскоўскай губерні. Яна таксама выпускала шаўковыя кушакі.

Пры вывучэнні паясоў мы сустракаемся са з'явамі, калі вядомы фабрыкі або імёны асоб, якія ткалі паясы, але прадукцыя невядома. Да такіх прадпрыемстваў належыць фабрыка маскоўскага купца Івана Калакольнікава. Гэта прадпрыемства існавала з 1798 г. Яно знаходзілася ў Маскве.

Фабрыка выпускала шаўковыя тканіны высокай якасці. На выстаўцы 1831 г. сярод рада экспанатаў вытворчасці Калакольнікава быў выстаўлен «кушак персідскі».*) За вырабы сваёй фабрыкі Калакольнікаў атрымаў на выстаўцы медаль.[28]

У Купаўна, акрамя фабрыкі Юсупава, знаходзілася фабрыка, якая належала маскоўскай купчысе Зенінай. Гэта мануфактура таксама выраблала шаўковыя паясы-кушакі.[29]

Адным з старэйшых шаўкаткацкіх прадпрыемстваў была фабрыка купцоў

---

*) Указатель произведений отечественной промышленности, находившихся на 1-й Московской выставке 1831 года. Стар. 43 і 49.

братоў Дудышкіных — Ерафея і Казьмы. Гэта фабрыка знаходзілася ў падмаскоўным сяле Пакроўскім. Прадпрыемства Дудышкіных мела 51 стан і выпускала высакаякасную прадукцыю, сярод якой былі і кушакі.[30]

Вытворчасць шаўковых кушакоў у XVIII ст. распаўсюдзілася і сярод сялянства. Вядома значная колькасць такіх прадпрыемстваў. У далейшым некаторыя з іх ператварыліся ў буйныя прадпрыемствы, а іх уладальнікі сталі купцамі.[31]

Часам сустракаюцца кушакі, на якіх адсутнічаюць меткі. Па характару расфарбоўкі і ўзора гэтыя кушакі, безумоўна, маскоўскай вытворчасці. Адсутнасць меткі дазваляе меркаваць, што яны адносяцца да вытворчасці дробных саматужнікаў, што працавалі «безуказна» і таму не выстаўлялі сваіх метак.

У XVIII і XIX стст. кушакі маскоўскай выпрацоўкі дзякуючы прыгожасці каларыту і арнаментацыі знаходзілі прымяненне ў царкоўным быту як каштоўная мастацкая тканіна.[32]

Дасягнуўшая значных размераў вытворчасць кушакоў на маскоўскіх фабрыках з'явілася вынікам высокага развіцця рускага шаўкаткацтва, якое ўходзіла сваімі каранямі ў народнае ткацтва. Сотні і тысячы народных майстроў, што прыйшлі на гэту вытворчасць, а ў асобных выпадках і ўзначалілі яе, прынеслі з сабой не толькі майстэрства, але і густы народа. Натуральна таму, што маскоўскія кушакі мелі многа своеасаблівых рыс, якія адрознівалі іх ад усходніх. Па такому ж шляху перапрацоўкі ўсходніх узораў у духу сваіх народных традыцый развівалася вытворчасць паясоў у Беларусі. Маскоўскія кушакі і слуцкія паясы з прычыны духоўнай агульнасці двух брацкіх народаў мелі многа агульных рыс. Іх няцяжка заўважыць і ў элементах, з якіх складваўся арнамент, асабліва раслінны, і ў кампазіцыі рысунка, і ў расфарбоўцы. Аднак агульныя рысы не засланяюць спецыфічных рыс гэтых выдатных узораў прыкладнога мастацтва рускага і беларускага народаў.

ВЫТВОРЧАСЦЬ СЛУЦКІХ ПАЯСОЎ

Асаблівага росквіту дасягнула вытворчасць шаўковых паясоў у Беларусі. Гэтыя паясы атрымалі назву «слуцкіх» (па месцу вытворчасці — г. Слуцк). Высокая тэхнічная і мастацкая якасць выканання хутка прынесла паясам, якія вырабляліся ў Слуцку, шырокую вядомасць. Назва «слуцкія паясы» замацавалася за ўсімі доўгімі, шаўковымі паясамі.

Такі росквіт вытворчасці паясоў узнік на аснове высокаразвітага народнага мастацкага ткацтва.

У старадаўняй «Калыханцы» пяецца:

Пайшоў Лёнік у лясок,
Знайшоў сабе паясок
Слуцкае работы.*)

Высокая якасць пояса падкрэсліваецца словамі «слуцкае работы».

---

*) Р. Шырма. Беларускія народныя песні, загадкі і прыказкі, т. I, Мінск, 1947, стар. 166.

БЕЛАРУСКАЕ НАРОДНАЕ МАСТАЦКАЕ ТКАЦТВА

Ткацтва — адно з старадаўніх рамёстваў у Беларусі. Яно ўходзіць сваімі коранямі ў глыбіню стагоддзяў. Археалагічныя даныя дазваляюць меркаваць аб наяўнасці тут ткацтва ў X—XII стст. Матэрыялам для ткацтва з'яўляўся лён. Пры раскопках знойдзены таксама фрагменты тканін, выробленых з воўны.

Ткацтва ў Беларусі займала значнае месца ў народнай гаспадарцы. У XVI—XVII стст. ткацтва з сялянскага промысла пачынае перарастаць у гарадское рамяство. У некаторых гарадах і мястэчках узнікаюць ткацкія цэхі. У 1605 г. такі цэх узнік у Слоніме. Яго далейшае існаванне пацвярджаецца граматамі 1609 і 1679 гг. У 1652 г. ткацкі цэх быў арганізаван у м. Капыль. Аб ім упамінаецца ў граматах канца XVII — пачатку XVIII ст.*)

Паралельна развіваецца феадальная эксплуатацыя працы прыгонных ткачоў. У феадальных маёнтках і манастырах ствараюцца ткацкія майстэрні, заснаваныя на працы прыгонных. Гэтыя майстэрні былі даходнымі прадпрыемствамі і служылі сродкам узбагачэння свецкіх і царкоўных феадалаў.

Феадалы-прадпрыемцы ў пагоні за кваліфікаванай рабочай сілай дзейнічалі прымусам. Найбольш багатыя выкрадалі прыгонных ткачоў у больш слабых суседзяў або запрыгоньвалі свабодных. У 1568 г. Андрэй Ціханоўскі, напрыклад, скардзіўся ў Слонімскі земскі суд на Мікалая Сапегу, які напаў на яго маёнтак і выкраў ткачых.**)

Звесткі аб падобных выпадках можна знайсці і ў XVIII ст. у актах літоўскага трыбунала.

Прыгонныя ткачы выраблялі тонкія палотны, узорныя тканіны, абрусы, дываны і інш.

Ткацкія вырабы прыгонных майстроў адзначаліся майстэрствам і вялікай мастацкасцю. Гэта майстэрства мела свае традыцыі і стваралася многімі пакаленнямі. Ільнаводства, прадзенне і ткацтва з'яўлялася адным з галоўнейшых заняткаў беларускіх жанчын. Калі ў Сярэдняй Азіі бавоўна называецца «белым золатам», то такое ж значэнне для Беларусі меў лён.[33]

Аднак тэхніка ткацтва была даволі простая. Усё рабілася на простых ручных станках. На іх ткалі грубыя і тонкія палотны, дзяругу і ўзорныя тканіны. Якасць вырабу залежала ад умення і майстэрства самой ткачыхі.

У беларускай народнай паэзіі гаворыцца аб ткачыхах: «залатыя рукі, што тонка пралі, звонка ткалі да размысна ўзор клалі».

---

*) В. Семенов. Россия, т. IX, СПб., 1905, стар. 527 і наступныя.
**) «Беларусь», 1947, № 3 (артыкул «Ткацтва на Беларусі»).

Тут прымянялася старадаўняя тэхніка ўзорнага ткання — «на дошчачцы», так званая «браная» тэхніка — «бранне», ад слова «браць». Браныя абрусы ўпамінаюцца яшчэ ў былінах.[34] Браная тэхніка садзейнічала выпрацоўцы вопыту ўзорнага ткання. У далейшым гэты вопыт дазволіў беларускім майстрам хутка ўспрыняць складаную ўсходнюю тэхніку ткацтва шаўковых паясоў і давесці сваё майстэрства да высокай дасканаласці.

Пояс у адзенні беларускага народа меў такое ж значэнне, як і ў адзенні рускага народа.

Адзенне беларусаў у сваёй аснове блізкае да рускага. Польскі ўплыў, які праявіўся ў XVII і XVIII стст., не мог парушыць яго самабытнасці: польскае адзенне мае агульныя рысы з адзеннем усходніх славян.

Пояс заканчваў і ўпрыгожваў адзенне беларусаў. Якасць пояса вызначала якасць усяго адзення.

У старадаўняй беларускай песні даецца вобраз маладога чалавека, які паланіў сэрца дзяўчыны:

Вось ідзець маладзец
Цераз матчын дварэц.
Ах, і Дунай!
Ён і тонак і высок,
І шаўковы паясок.
Ах, і Дунай!
Паглядзеўшы на яго,
Можна ісці за яго.
Ах, і Дунай!*)

Песня дае немнагаслоўную характарыстыку і маладога чалавека і яго ўбрання. Упамінаецца толькі галоўнае: «тонак, высок», а з усяго адзення адзін пояс — «шаўковы». Астатняе робіцца зразумелым.

Кожны беларускі селянін заўсёды меў па некалькі паясоў. «Паяўленне без шапкі і порткаў,— гаворыць Нікіфароўскі,— не здзівіць староннiх так, як паяўленне без апаяскі». **)

У беларускіх «радзінных» песнях у жартаўлівай форме паказан разгублены малады бацька, які спяшаецца пазваць павітуху:

Бяжыць Якімка па бабулічку,
Бяз пояса ў адным чобаці.

Або:

Там бяжыць, бяжыць
Андрэй маладэй,
Ён і босы, і праставалосы,
А біс шубкі і біс пояса.***)

---

*) Р. Шырма. Беларускія песні, Мінск, 1955, стар. 108.

**) Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стар. 107.

***) Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. VIII, стар. 336.

У абедзвюх песнях адсутнасць пояса характарызуе бязладдзе ў адзенні.

Матэрыял і знешні выгляд пояса залежалі ад яго назначэння, ад саслоўнага і маёмаснага становішча яго ўладальніка. У народзе былі распаўсюджаны паясы з ільну, воўны, вязаныя, плеценыя і тканыя.

Звычайна ў кожнай гаспадарцы ткаліся паясы жаночыя і мужчынскія, верхнія і ніжнія. Жаночыя ткаліся на «ніту», а мужчынскія — на звычайным ткацкім стане бранай тэхнікай на 3—6—8 дошчачках. Часам стан замяняўся калочкамі, забітымі ў сцяну або зямлю. На гэтыя калочкі нацягвалася паясная аснова.*)

Карыстаючыся такой няхітрай тэхнікай, беларуская ткачыха рабіла ўзорныя паясы, якія адзначаліся высокай якасцю. «У іншых паясоў узоры настолькі чыстыя і добрыя,— заўважае Нікіфароўскі,— што цяжка верыцца ў ручную хатнюю вытворчасць паясоў».**) Узорнасць і расфарбоўка беларускіх паясоў адзначаюцца вялікай разнастайнасцю. Але ёсць і ўстойлівы тып.***)

Матэрыялам для вырабу паясоў звычайна была суканая воўна і лён. Пояс для кашулі ткаўся на белай ільняной аснове чырвонай воўнай. На белым полі выдзяляўся геаметрычны арнамент, зроблены чырвонай ніткай. Канцы ўпрыгожваліся кутасамі («кіцідамі»)****) або махрамі. Такі пояс нявеста дарыла жаніху разам з кашуляй і порткамі.

Паясы для верхняга адзення ткаліся з суканай воўны розных колераў — чырвоныя, чорныя і інш.*****)

Даўжыня мужчынскіх тканых паясоў была вельмі значнай — прыблізна адзін сажань (каля 2,20 м). Меркавалася два паясных абхваты і паўаршына на канцы. Шырыня пояса для верхняга адзення даволі ўмоўная — $1—1^1/_2$ вяршка. На верхнім поясе мужчыны яшчэ ў пачатку нашага стагоддзя насілі каліту, нож і крэсіва.******)

З ГІСТОРЫІ СЛУЦКІХ ПАЯСОЎ

Усходнія шаўковыя паясы былі шырока распаўсюджаны сярод заможных слаёў насельніцтва. Іх насіла шляхта і мяшчанства.

*) Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стар. 23.

**) Там жа, стар. 108.

***) И. А. Сербов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 94, Петроград, 1916.

****) Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, стар. 124.

*****) «Этнография», 1926, № 1—2, стар. 223.

******) Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стар. 23.

Шаўковыя паясы ў вялікай колькасці завозіліся на Украіну і ў Беларусь з розных краін Усходу. Гандаль паясамі ішоў праз Заходнюю Украіну. Заходняя Украіна — Галіцыя з даўніх часоў была эканамічна развітай вобласцю і вяла гандаль з Усходам. Купцамі былі галоўным чынам армяне, якія яшчэ ў XIV ст. пасяліліся ў Галіцыі, часткова таксама туркі і грэкі. У сваёй гандлёва-прадпрыемніцкай дзейнасці яны былі цесна звязаны з Турцыяй і Персіяй, адкуль прывозіліся ўсходнія паясы.

Армяне, якія пасяліліся ў Львове, вялі самы ажыўлены гандаль гэтымі паясамі.

Канстанцінопаль і Львоў сталі галоўнымі цэнтрамі гандлю. Гандлёвы дом польскіх армян Нікаровічаў зрабіўся буйным прадпрыемствам, якое прывозіла паясы з Усходу. Нікаровічы мелі аддзяленне ў Канстанцінопалі, дзе час ад часу знаходзіліся самі або накіроўвалі туды даверaных асоб.

Рахунковая кніга, якую Нікаровічы вялі з 1753 па 1774 г. то ў Канстанцінопалі, то ў Львове, дае звесткі аб гандлі паміж двума гэтымі гарадамі. У гэтай рахунковай кнізе называецца рад ткацкіх майстэрняў, якія выраблялі ўсходнія паясы. Гэтыя паясы Нікаровічы скуплялі для рынку Рэчы Паспалітай. Майстэрні, размешчаныя ў Канстанцінопалі і яго ваколіцах, належалі туркам, грэкам, армянам і татарам.

Па рахунках, праводзімых у кнізе, можна ўстанавіць, якія цэнтры вытворчасці паясоў на Усходзе забяспечвалі праз Канстанцінопаль рынак. Такімі цэнтрамі былі: у Малой Азіі — Ангора (паясы ангорскія), Бруса (паясы брускія), Марціфун (паясы марціпанавыя); у Сірыі — Алепа (паясы алепскія) і ў Персіі — Іспагань (паясы іспаганскія). Прывозіліся таксама каштоўныя кітайскія паясы.

Вялікі попыт на ўсходнія паясы, іх высокі кошт (ад 4 да 500 дукатаў, дукат — каля 3 залатых рублёў), які павялічваўся дзякуючы значным накладным выдаткам, прымусілі купцоў пераключыцца з гандлю на прамысловую дзейнасць.

Найбольш ранімі фабрыкамі, якія выпускалі ўсходнія тканыя паясы, былі фабрыкі польскіх армян — Якуба Піятровіча ў Канстанцінопалі і Яна Маркановіча ў Львове.

Вытворчасць усходніх паясоў асабліва пачынае развівацца ў абласцях Рэчы Паспалітай, заселеных украінцамі і беларусамі. Яна пачынаецца ў XVIII ст., узнікаючы ў паўднёва-ўсходніх ваяводствах, г. зн. у Галіцыі.

У Галіцыі ўзнікае рад прадпрыемстваў саматужнага тыпу, якія затым развіваюцца ў персіярні. Росту вытворчасці паясоў садзейнічаюць галіцыйскія магнаты. Яны бяруць персіярні пад сваю апеку.

Персіярня, якая выпускала высакаякасныя паясы, прыносіла ўладальніку такую славу, як добры конскі завод або іншыя прадпрыемствы, звязаныя

з бытам феадалаў. Асабліва падтрымліваў развіццё вытворчасці паясоў гетман Юзеф Патоцкі і яго наследнікі. У галіцыйскіх уладаннях Патоцкіх узнікла рад прадпрыемстваў па вырабу паясоў. Вядомы прадпрыемствы саматужнага тыпу ў Станіславе, Бродах, Бучачы і інш. Асабліва вядома была персіярня ў Станіславе. У 40-х гадах XVIII ст. тут пасяліўся армянін Місіяровіч, які паклаў пачатак вытворчасці шаўковых усходніх паясоў. Але больш важнае значэнне для вытворчасці паясоў у Станіславе, а пазней у Слуцку мела дзейнасць Яна Мажарскага.

Ян Мажарскі — таленавіты майстар з Канстанцінопаля. Ёсць меркаванне, што ён быў венгерскі выхадзец, на што ўказвае прозвішча Маджар — Мад'яр. Дзейнасць Яна Мажарскага прынесла славу вытворчасці паясоў у Станіславе. Справы па вырабу паясоў тут ішлі добра, і неўзабаве Станіслаў стаў цэнтрам вытворчасці шаўковых паясоў. Сюды для навучання накіроўваліся майстры з розных месц. Тут намеціўся новы тып пояса, які атрымаў сваё поўнае развіццё ў Слуцку.

Спачатку станіслаўскія майстры прытрымліваліся ўсходніх узораў — стамбульскіх, персідскіх і інш. Але хутка пад уплывам мясцовых густаў і патрэб яны вымушаны былі перарабіць усходнія ўзоры. Былі ўнесены змяненні ў размер пояса, які стаў карацей і многа вузей, і ў структуру арнаменту; канцы пояса атрымалі самастойнае арнаментальнае значэнне; каларыт набыў шматколернасць, вялікую яркасць і пачаў будавацца на рэзкіх кантрастах.

Такая хуткая рэакцыя на запатрабаванні спажыўца тлумачыцца, відаць, не толькі талентам майстра, але і характарам вытворчасці: вытворца спалучаў у адной асобе і мастака, і ткача, і прадаўца сваёй прадукцыі.

У заходніх абласцях Украіны — Галіцыі, Падоліі і Валыні — вытворчасць шаўковых паясоў распаўсюдзілася хутка. Вядомы персіярні ў Пржэворску (у Любамірскіх), Куткожы (пад Злочавым у Лазінскіх), Хелме (у Замойскіх), Угнаве (у Дзержыкаў), у Сокале, Сакалове, у Мендзыбожы (на Падоле ў Сяняўскіх, а пазней — у Чартарыйскіх), у Ціраспалі і Карцы на Валыні (у Чартарыйскіх).

СЛУЦКАЯ ФАБРЫКА

Паясы, якія выраблялiся у Слуцку, як ужо адзначалася, былі вельмі высокай якасці і набылі шырокую вядомасць. Слуцкія паясы служылі ўзорам для іншых фабрык.

Слуцк — старадаўні рускі горад на зямлі Дрыгавічоў. Упершыню ён упамінаецца ў летапісу пад 6624 годам, г. зн. 1116 годам,*) як уласнасць вял. князя Кіеўскага Уладзіміра Манамаха.

*) Указатель к первому тому Полного собрания летописей. СПб., 1907, стар. 428.

У канцы XIII ст. Слуцк адышоў да літоўскіх князёў. У першай палавіне XV ст. ён стаў буйным гандлёва-рамесным цэнтрам і атрымаў Магдэбургскае права. У XVI ст. горад дастаўся князям Радзівілам. Узнікненне вытворчасці паясоў у Слуцку мае сваю прадгісторыю. Відаць, першапачатковы выраб шаўковых паясоў быў заснаван Радзівілам у Нясвіжы, а затым пераведзен у Слуцк. У рэестрах Нясвіжскага архіва 1743 і дадаткова 1751, 1754, 1758 гадоў прыводзіцца спіс паясоў, падараваных Радзівілам розным асобам. У спісе гэтыя паясы вызначаюцца як «багатыя» і «простыя». Аднак гэтым і абмяжоўваюцца звесткі аб нясвіжскіх паясах.

Разам з тым у 40—50-х гадах XVIII ст. у Слуцку ўжо мелася фабрыка, якая выпускала галуны, пазументы і іншыя залотныя вырабы.

Відаць, спалучэнне абодвух прадпрыемстваў (нясвіжскага і слуцкага) і паслужыла асновай для стварэння слуцкай вытворчасці паясоў. Дакладна час яе ўзнікнення не высветлен. Вядома, што ў 50-я гады XVIII ст. князь Міхаіл-Казімір Радзівіл, ваявода віленскі, заснаваў у Слуцку фабрыку паясоў — персіярню.

Для сваёй фабрыкі князь прывёз у Слуцк персаў і турак. Яны спачатку і былі адзінымі работнікамі, якія аднаўлялі на Слуцкай фабрыцы персідскія і турэцкія ўзоры. Але неўзабаве былі накіраваны ў Станіслаў для навучання маладыя работнікі — Томас Хаецкі і Ян Гадоўскі. Яны вось і перанеслі ў Слуцк вопыт Станіслаўскай персіярні. З Станіслава было прывезена таксама і абсталяванне. Праз 10—15 год фабрыка стала абслугоўвацца мясцовымі сіламі, беларускімі рабочымі.

Кадры ўмелых майстроў-ткачоў былі падрыхтаваны ўсім папярэднім развіццём народнага ткацтва. Яны былі здольны хутка асвоіць складаную тэхніку выпрацоўкі шаўковых усходніх паясоў. Ткачоў вербавалі або з прыгонных, або з мяшчан. Вядомы імёны некаторых майстроў — Іосіф Барсук, Міхаіл Баранцэвіч, Канчыла, Лойка і інш.

Беларускія майстры пераймалі і творча перапрацавалі ўсходняе рамяство, надаўшы яму нацыянальны характар. На чале фабрыкі быў пастаўлен Ян Мажарскі. Яму была даручана рэарганізацыя слуцкай вытворчасці.

У дагавор, які быў заключан паміж Радзівілам і Мажарскім, уключалася абавязацельства навучыць «хлопца той рабоце персідскай».

У час, вольны ад заказаў князя, Ян Мажарскі меў права вырабляць на фабрыцы паясы з уласнага матэрыялу і прадаваць іх. Гэта спрыяла хуткаму абагачэнню Мажарскага. Пасля ён нават стаў крэдытoрам наследніка князя Міхаіла Радзівіла — Караля-Кошкі Радзівіла.

Так, каля 1773 г. Ян Мажарскі пазычыў князю 30 тысяч злотых пад заклад фальварка Сёлкі каля Слуцка. Акрамя таго, апошні быў павінен Яну Мажарскаму за паясы, узятыя ў крэдыт у розныя тэрміны. У 1776 г. Ян Ма-

жарскі, карыстаючыся матэрыяльнымі цяжкасцямі князя, атрымаў права на арэнду Слуцкай фабрыкі за 10 тысяч злотых у год.

Каля 1778 г., пасля дванаццацігадовага кіравання, Ян Мажарскі перадаў фабрыку свайму сыну Лявону.

Час, калі кіраваў фабрыкай Мажарскі, быў часам яе росквіту.

У перыяд дзейнасці ў Слуцку Яна Мажарскага быў створан той тып пояса, які зрабіўся вядомым пад назвай «слуцкага пояса». У аснову быў пакладзен пояс, выпрацаваны ў Станіславе. Сувязь з усходнімі ўзорамі стала вельмі далёкай.

Слуцкі пояс набыў гарманічныя суадносіны частак. Выпрацавалася выразная структура арнаменту. Лік арнаментальных матываў на канцах абмяжоўваецца двума, як рэдкае выключэнне сустракаюцца паясы з адным або з трыма матывамі. Арнаментацыя набыла пэўную ўстойлівасць. Улюбёнымі відамі арнаменту канцоў сталі: складаны арнаментальны матыў, які складаўся з авала, акружанага лісцем з адыходзячымі сцяблямі і кветкамі; кветкі на доўгім сцябле з адгаліненнямі, выходзячыя з зямлі або ваз; букеты кветак, заключаныя ў хвалепадобнае абрамленне.

Нярэдка ў арнамент пачалі ўключацца кветкі мясцовай флоры — васількі, незабудкі і інш.

Арнаментацыя ўсіх частак пояса страціла ўсходнюю стылізацыю і нерухомасць. Яна набыла рэалістычныя рысы ў трактоўцы, становячыся больш свабоднай.

Значным дасягненнем ткацкага майстэрства на Слуцкай персіярні было ўвядзенне двухбаковых чатырохліцавых паясоў. Магчыма, да таго часу можа быць таксама аднесена абшыўка канцоў махрамі.

Узорам вырабаў Слуцкай персіярні перыяду дзейнасці Яна Мажарскага могуць служыць два паясы (V і VI) з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея.

Пояс № 8/20094 (V). Гэты пояс шаўковы, залотны, аднабаковы (разм. 3,43 × 0,28). Сярэднік яго заткан залотнай луской па пунсоваму полю. Па краю пояса зроблен узор з букетаў пунсовых і блакітных кветак з зелянінай на залотным полі. На канцах — па залотнаму полю два букеты блакітных і пунсовых кветак галоўкамі да сярэдніка. На адным канцы па двух вуглах у вертыкальным напрамку да ўзора канца ў два радкі ткана метка: у верхнім радку «me fecit», у ніжнім — «Sluciae». На другім канцы ў тым жа напрамку ў два радкі ткана: у верхнім «Ioannes», у ніжнім — «Madzarski».

Пояс № 106/20087 (VI). Пояс гэты залотны, аднабаковы, аднаколерны (разм. 3,19 × 0,29). Сярэднік яго ў папярочных палосах.[35] У двух ніжніх вуглах аблямавання ткана метка: «me fecit Sluciae» — «мяне зрабіў Слуцк». Канцы абшыты залотнымі махрамі.

Рэдкімі ўзорамі вырабаў фабрыкі гэтага перыяду з'яўляюцца наступныя паясы з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея (VII і VIII).

Пояс № 42/20419 (VII). Пояс гэты шаўковы, з залотнай ніткай, аднабаковы (разм. 3,65×0,20). Тканы ён у няяркіх пунсовых, сініх і зялёных танах. Сярэднік яго ў папярочных палосах, гладкіх і запоўненых кветкавым арнаментам. Край залотны, арнаментаваны асобнымі невялікімі букетамі. На канцах па залотнаму полю выткана па аднаму арнаментальнаму матыву. Матыў складаецца са сцябла з кветкамі розных відаў. Кветкі звернуты галоўкамі да сярэдніка.

Па абодва бакі арнаментальнага матыву, у двух верхніх вуглах, ткана па адной невялікай птушцы. Па двух ніжніх вуглах тканы невялікія малюнкі жаночай фігуры і якойсьці жывёлы, якія звернуты да арнаментальнага матыву. На абодвух канцах па двух ніжніх вуглах абрамлення ў вертыкальным напрамку да ўзора ткана метка — на адным канцы ў два радкі: у верхнім радку «me fecit», у ніжнім — «Sluciae»; на другім канцы таксама ў два радкі: у верхнім радку «Ioannes», у ніжнім — «Madzarski». Як асаблівасць пояса варта адзначыць яго нязначную шырыню (20 см) і рэдкі выпадак арнаментацыі канца — адзін матыў і невялікія малюнкі чалавечых фігур, жывёл і птушак.[36]

У гады кіравання фабрыкай Лявона Мажарскага вытворчасць развівалася. Рэформы ў 90-х гадах XVIII ст. у Рэчы Паспалітай адбіліся на становішчы самога Лявона Мажарскага. Канстытуцыя 3 мая 1791 г. адкрыла яму доступ у рады шляхты. У 1792 г. ён стаў камергерам пры двары Станіслава Аўгуста. Палітычныя падзеі ў краіне і палітычныя сімпатыі ўладальніка фабрыкі адбіліся і на прадукцыі Слуцкай персіярні. Пасля знішчэння аўтаноміі Літвы, у склад якой уваходзіла Беларусь, і поўнага аб'яднання яе з Польшчай, Слуцкая фабрыка выпусціла паясы з меткай у выглядзе польскага дзяржаўнага герба — аднагаловага арла з каронай (гл. XLI).

Адмена канстытуцыі 3 мая была адзначана выпускам зялёных паясоў, затканых серабром. Зялёны колер сімвалізаваў надзею і месяц май. Такія паясы насіліся прыхільнікамі канстытуцыі 3 мая ў знак пратэсту і называліся «пазітыўкамі». Пасля далучэння цэнтральнай часткі Беларусі да Расіі ў 1793 г. гэтыя зялёныя паясы былі забаронены.

Палітычныя ўмовы, якія неспрыяльна скаліся для Польшчы, прымусілі Лявона Мажарскага спачатку згарнуць вытворчасць напалавіну, а затым, у 1792 г. зусім ад яе адмовіцца.

Дзейнасць Лявона Мажарскага як кіраўніка прадпрыемства выражалася ў далейшай распрацоўцы атрыманай ім спадчыны. Ён прыступіў да кіраўніцтва персіярняй, калі тып слуцкага пояса набыў поўную закончанасць. Таму Лявон Мажарскі заняўся распрацоўкай арнаментацыі сярэдніка — той часткі

пояса, якой раней удзялялася найменшая ўвага. Замест чаргавання аднолькавай шырыні палос, якія адрозніваліся колерам і арнаментам, Лявон Мажарскі ўводзіць складаную сістэму паслядоўных комплексаў палос рознай шырыні, колеру і арнаменту. Гэтыя комплексы будаваліся на кантрасце памераў, адценняў і арнаментацыі ўваходзячых у іх палос. Прымянялася супастаўленне геаметрычнага арнаменту з кветкавым.

Арнаментацыя канцоў па-ранейшаму захоўвала ўлюбёныя матывы. Каларыт пояса набываў больш яркія тоны, арнамент канцоў абводзіўся чорнай контурнай лініяй. У арнамент пастаянна ўваходзілі кветкі мясцовай флоры. Махры сталі неад'емнай часткай пояса.

Да пачатковага перыяду самастойнай дзейнасці Лявона Мажарскага адносіцца пояс № 408/79510 (XII) з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея. Пояс гэты шаўковы, залотны, двухбаковы, чатырохлiцавы (разм. 2,68 × 0,34). Сярэднік яго ў папярочных палосах. На адным баку дзве ліцавыя палавіны — аранжавая і палевая з залотнай раздзяляльнай палоскай. З адваротнага боку ліцавыя палавіны — светла-сіняя і палевая, таксама з раздзяляльнай залотнай палоскай.

Край залотны, з цёмна-зялёным парасткам, на другім баку размалёўка адваротная. На канцах па залотнаму полю каляровым шоўкам ткана па два букеты кветак. Кветкі звернуты галоўкамі да сярэдніка. На адным канцы па двух ніжніх вуглах абламавання ткана па-латыні метка ў прамым і адваротным парадку — «Sluck». На другім канцы ў абламаванні па двух ніжніх вуглах тканы літары «S. F.» — «Sluck fecit» — «Слуцк зрабіў».

Да гэтага ж перыяду адносяцца і наступныя паясы з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея (XIII—XX).[37]

З далучэннем Беларусі да Расіі Слуцк у 1795 г. робіцца павятовым горадам Мінскага намесніцтва. У рапарце Мінскага губернскага праўлення 1797 г. ёсць ведамасць аб мануфактурах за 1796 г. У гэтым дакуменце ўпамінаецца «ў мястэчку Слуцку належачая малалетняму князю Дамініку Радзівілу мануфактура польскіх кушакоў шляхціча Лявона Мажарскага».*)

За час свайго існавання Слуцкая фабрыка, акрамя паясоў, часам выраблялa залотныя шаўковыя тканіны і асобныя тканыя рэчы.

У Яраслаўскім краязнаўчым музеі, напрыклад, захоўваюцца два амафоры (частка праваслаўнага культавага адзення), нібы літыя, сярэбраныя, з маляўнічым каляровым шлячком. Адзін з іх — № 1796 (XXI). У шлячку — кветкі блакітныя і светла-пунсовыя. У вуглу маецца метка «Sluck». Відаць, гэтыя амафоры вытканы па спецыяльнаму заказу. Метка па-латыні «Sluck»

*) И. Зеленский. О мануфактурах Минской губернии. Описание Минской губернии. 1864.

дае падставу аднесці амафоры да часу не пазней сярэдзіны 80-х гадоў XVIII ст.

У Дзяржаўным Гістарычным музеі маюцца два фрагменты кароткага адзення, відаць, жаночага (№ 1593/20751 і № 1596/2075). На абодвух фрагментах па краю праходзіць шырокая белая атласная стужка-беражок з тканым надпісам рускімі літарамі «Слуцкъ». Тканіна можа быць аднесена да канца XVIII ст.

У 1807 г. тэрмін арэнды Лявона Мажарскага скончыўся і фабрыка перайшла ў непасрэднае падначаленне Радзівілаў. Кіраўніком быў назначан беларус, былы пісар Фама Барсук.

Слуцкая фабрыка працавала да 1844 г. Аднак характар прадукцыі апошняга перыяду (1807—1844 гг.) зусім мяняецца. Пасля далучэння Беларусі да Расіі ў пачатку XIX ст. было забаронена насіць кафтаны (кунтушы). У сувязі з гэтым адпала неабходнасць у слуцкіх паясах, і вытворчасць іх спынілася. Слуцкая фабрыка пачала выпускаць узорыстыя і залотныя тканіны, галоўным чынам для патрэбы царквы.

Аб размеры вытворчасці Слуцкай персіярні можна меркаваць па архіўных даных. У рапарце Мінскага губернскага праўлення 1797 г. у ведамасці аб мануфактуры за 1796 г. гаворыцца, што фабрыка Лявона Мажарскага вырабляе паясоў «шаўковых з золатам да 200 штук у год».*)

Зарнавецкі ў сваёй рабоце**) адзначае, што на персіярні Мажарскага мелася 24 ручных станы для вытворчасці паясоў. Калі супаставіць прыводзімыя даныя, то атрымаецца, што на кожным стане за год выраблялася ў сярэднім 45 м тканых паясоў. Вышэй намі ўжо паведамлялася аб колькасці прадукцыі, якая выпрацоўвалася кожным ткачом шаўковых паясоў на фабрыцы князя Юсупава. Кожны ткач вырабляў за месяц каля 3 аршын, г. зн. 2 м 16 см, што складае каля 26 м у год. Неабходна ўлічваць, што выраб маскоўскіх паясоў быў менш працаёмкім, чым выраб слуцкіх, таму можна дапусціць, што ў Слуцку на кожны стан прыпадала ў сярэднім па два ткачы. Значыць, у 1796 г. агульная колькасць ткачоў на Слуцкай персіярні была прыблізна 48 чалавек. Калі прыняць пад увагу, што яшчэ да 1792 г. вытворчасць была згорнута напалавіну, то, відаць, агульная колькасць рабочых у перыяд росквіту фабрыкі дасягала 100 чалавек і больш.

Для мануфактурнай вытворчасці Слуцкую персіярню можна лічыць буйным прадпрыемствам.

Нам невядома паходжанне ткацкіх станаў. Магчыма, што яны былі зроб-

---

*) И. Зеленский. О мануфактурах Минской губернии. Описание Минской губернии. 1864.

**) D-r Longin Zarnowiecki. Historya tkanin jedwabnych, Kijów, 1915, стар. 114.

лены на месцы. Частка інструментарыя дастаўлялася з-за граніцы. Напрыклад, металічныя каткі для пракатвання залотных паясоў літых былі па частках тайна прывезены з Канстанцінопаля Янам Мажарскім. Пазней гэтыя каткі рабіліся мясцовымі майстрамі ў Слуцку.

Матэрыял для ткацтва — шоўк, залотную нітку і інш. прывозілі з-за граніцы праз Гданск.

ПРАДУКЦЫЯ СЛУЦКАЙ ФАБРЫКІ

Слуцкія паясы вырабляліся на ручных станах. Аснова ў слуцкіх паясоў была заўсёды шаўковая, уток — або шаўковы, або залотных нітак. Перапляценне асновы і ўтку армюрнае, т. зн. вытворнае ад гарнітура. Часта тканіна пояса была двухліцавая. Гэта дасягалася тым, што на адной аснове тут два ўткі розных колераў.

На гарызантальным стане з бёрдам магло працаваць па чатыры чалавекі. Таму тканіна пояса часам мае два ліцавыя бакі — розныя па колеру і рысунку. Такія паясы па ўсёй даўжыні маюць дзве палавіны. Кожная палавіна мае па два розных па колеру ўткі. У гладкіх палосах адзін уток праходзіць зверху, другі — знізу. Пераменаю месц утку дасягалася ўзорыстасць.

Для больш дакладнага азнаямлення з тэхнікай ткацтва слуцкага пояса прыводзім тэхнічны аналіз. Аналіз зроблен выкладчыкам ткацкай вытворчасці і загадчыкам ткацкімі майстэрнямі Маскоўскага мастацкага прамысловага вучылішча імя Калініна В. С. Малчанавым.

Для аналізу ўзят фрагмент сярэдніка слуцкага пояса № 150/20102 (XXII) з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея. Тканіна яго шаўковая, залотная, аднабаковая, у папярочных палосах. Гладкія сінія палосы чаргуюцца з залотнымі, запоўненымі траўным узорам. Узор зроблен пунсовым, зялёным і светла-сінім шоўкам.

ТЭХНІЧНЫ РАЗЛІК ЗАПРАЎКІ

Будова тканіны: тканіна па перапляценню адналіцавая і складаецца з дзвюх асноў і двух уткоў з некалькімі дадатковымі ўткамі «броше». Адна аснова прыціскная, другая запаўняючая. Адносіны нітак асноў як 1:1.

На правым баку пояса ўзор зроблен каляровымі ўткамі, якія зусім закрываюць ніткі асновы.

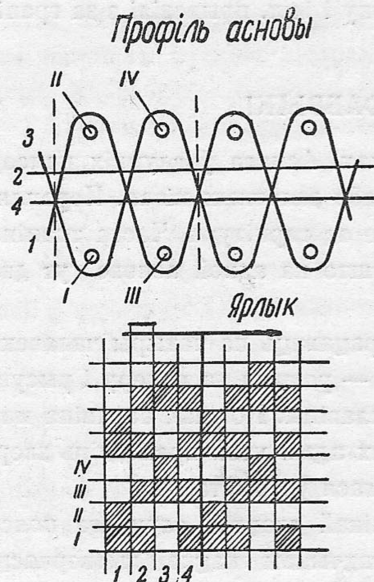
Прыціскная аснова пераплятаецца з уткамі палатняным перапляценнем, а запаўняючая, знаходзячыся ў сярэдзіне, падзяляе ўткі на верхні і ніжні.

Выпрацоўка пояса на стане вядзецца ліцавым бокам уніз. Узор робіцца трыма перапляценнямі:

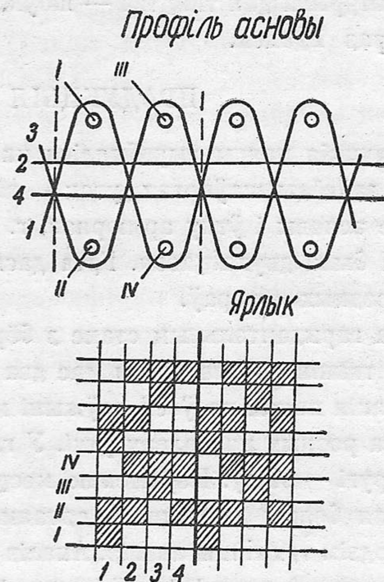
1-е перапляценне — фон з мішуры (рыс. 1). Профіль і канвовы рысунак перапляцення (ярлык).

2-е перапляценне — акантоўка фігур (рыс. 2). Профіль і канвовы рысунак перапляцення.

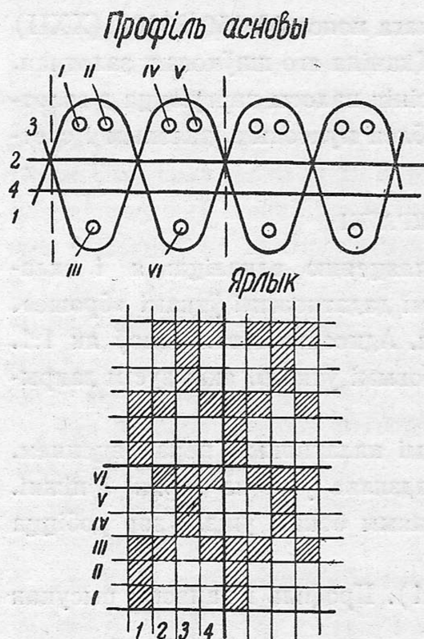
3-е перапляценне — для ўткоў «броше» (рыс. 3). Профіль і канвовы рысунак перапляцення, ён жа ярлык.

Рыс. 1.

Рыс. 2.

Рыс. 3.

Заправачны запіс: пояс слуцкі шаўковы з мішурой, шырыня 32 см, даўжыня 3—4 м.

Шчыльнасць асновы: 36 нітак на 1 см, з якіх 18 нітак прыцiскной асновы, шоўк натуральны № м — 450, і 18 нітак запаўняючай асновы, таксама шоўк натуральны № м — 450, тры за адну.

Шчыльнасць утку: 88 пракідак на 1 см, з якіх 44 пракідкі мішуры залатой або сярэбранай № м — 18 і 44 пракідкі шоўк натуральны № м — 310, фарбаваны.

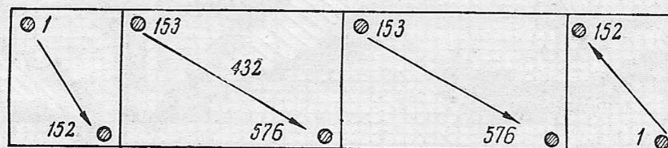
Перапляценне: жакардавае, тыпу двухліцавых з утку з дадатковымі ўткамі «броше» і з запаўняючай асновай.

Сярэдзіна ўзора (пояса) складаецца з 2 радковых частак па 12 см шырынёй; па краях ідуць шлячкі з абодвух бакоў сіметрычныя, па 4,2 см шырынёй — гэта вызначае праборку касейнай дошкі ў ткацкім стане.

Сноўка: I навой запаўняючай асновы — 576 нітак 3/1 (тры за адну); II навой прыціскной асновы — 576 нітак + для закраек па 2 ніткі 8/1 (восем за адну) з кожнага боку.

Жакардавая машына: 6-сотка. 576 кручкоў пад рысунак, па 2 канцы арката на кожны, усяго 1156 канцоў арката.

Касейная дошка: 1156 адтулін, праборка, змешаная па рысунку (гл. рыс. 4), шырыня 32 см.

Рыс. 4.

Праборка асновы: у ліца жакардавай машыны радковая; парадак праборкі асноў: адна нітка прыціскной асновы, адна нітка запаўняючай асновы і г. д.— у такім парадку вядзецца праборка нітак асновы.

Бёрда: 578 зубоў, па 2 ніткі ў зуб, шырыня 32 см, № м — 180.

РАЗЛІК ПАТРОНА І ЗАПІСКА НАСЯКАЛЬШЧЫКУ

Патрон робіцца па спосабу заліўкі (суцэльная афарбоўка кожнага эфекта) (гл. рыс. 5).

У патроне ўзор выканан трыма перапляценнямі, якія адпавядаюць тром колерам фарбы ў патроне:

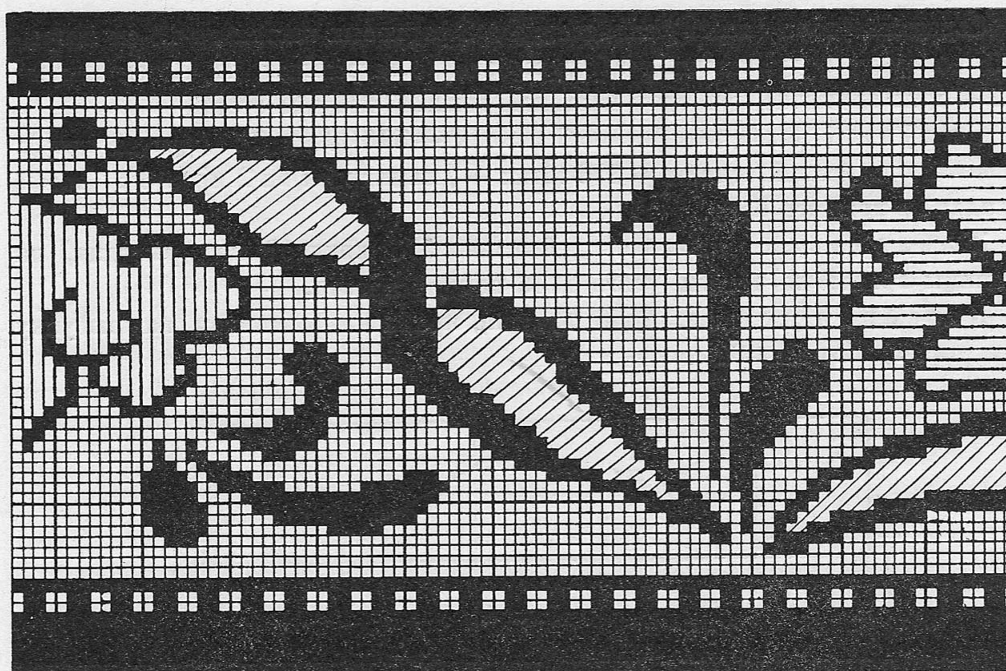
1) белы фон (бель) адпавядае насцілу ўтку з мішуры залатой або сярэбранай;

2) блакітны колер у патроне адпавядае насцілу карычневага ўтку;

3) колеры зялёны, ружовы і іншыя ў асобных месцах узора адпавядаюць каляровым уткам «броше» (утком «броше» называецца ўток, які пракладваецца толькі ў месцах свайго ўзора, а не па ўсёй шырыні тканіны, як звычайныя ўткі).

У адным вертыкальным міжрадкоўі канвовага рысунка лічыцца 4 ніткі асновы (2 прыціскных і 2 запаўняючых), якія адпавядаюць чатыром кручкам жакардавай машыны.

У адным гарызантальным міжрадкоўі лічыцца 4 пракідкі ўтку (2 для ліцавога боку і 2 для адваротнага), што адпавядае чатыром картам жакардавай

Рыс. 5.

машыны, а на месцы ўткоў «броше» гарызантальны радок будзе роўны 6 картам, таму што дадаецца 2 карты для ўткоў «броше».

Колеры фарбаў патрона для кожнай карты насякаюцца па рысунках-ярлыках (рыс. 1, 2, 3) так:

1-я карта для ўтку мішуры:

Бель — фон — з патрона прасякаецца па першым радку ярлыка (рыс. 1).

Блакітны і ўсе астатнія колеры прасякаюцца па першым радку ярлыка (рыс. 2 і 3).

2-я карта для карычневага ўтку:

Бель і ўткі «броше» прасякаюцца па другім радку ярлыка (рыс. 1).

Блакітная фарба прасякаецца па другім радку ярлыка (рыс. 2).

3-я карта для ўтку мішуры:

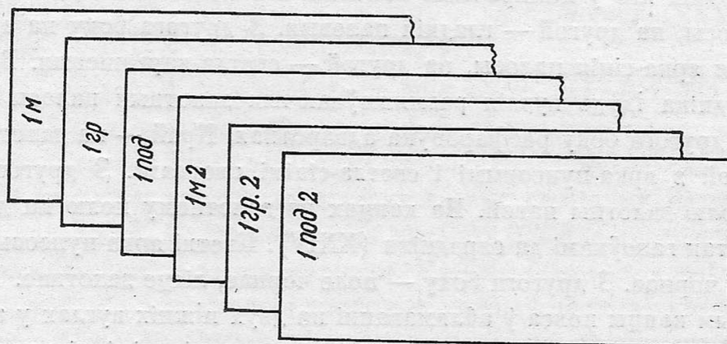
Прасякаецца, як першая, толькі ў ярлыках (рыс. 1, 2 і 3) чытаюцца трэція радкі.

4-я карта для карычневага ўтку:

Прасякаецца, як другая карта, толькі ў ярлыках (рыс. 1 і 2) чытаюцца чацвёртыя радкі.

Гэтыя чатыры карты для ўткоў мішуры і шоўка карычневага называюцца грунтавымі, бо яны пракідваюцца ва ўсю шырыню тканіны ў адрозненне ад уткоў «брошэ», якія называюцца падкладнымі.

У месцах патрона, дзе будуць уткі «брошэ», для іх прасякаюцца асобныя карты, падкладныя; яны будуць займаць месца пасля другой карты карычневага ўтку і пасля чацвёртай карты карычневага ўтку.

Рыс. 6.

Прасякаюцца гэтыя карты так:

1-я падкладная карта, якая ідзе пасля другой грунтавой карты, для ўткоў «брошэ» прасякаецца ў месцах фарбаў уткоў па трэцім радку ярлыка (рыс. 3);

2-я падкладная карта, якая ідзе пасля чацвёртай грунтавой карты, прасякаецца ў месцах фарбы ўткоў «брошэ» па шостым радку ярлыка (рыс. 3).

Усе карты, насечаныя з аднаго боку патрона, нумаруюцца адной і той жа лічбай, якая абазначае нумар грунтавых пракідак аднаго радка патрона, маючы толькі літарнае абазначэнне ў дадатак да лічбы грунту для правільнай арыенціроўкі іх парадку (гл. рыс. 6).

* * *

Слуцкі пояс прадстаўляе сабой доўгае шаўковае палотнішча з узорам, часам у большай ці меншай ступені затканае залотнай ніткай. Даўжыня і шырыня палотнішча не маюць акрэсленых размераў. Даўжыня вагаецца ад 2 да $4^1/_2$ м. Шырыня — ад 20 да 40 см.

Як было ужо сказана, паясы ткаліся адналіцавыя, двухліцавыя і чатырохліцавыя. Адналіцавыя паясы мелі адваротны бок. Двухліцавыя паясы маглі або зусім не мець адваротнага боку — абодва бакі ліцавыя, або мець адваротны бок — адзін бок двухліцавы. Такія паясы складваліся напалам па шырыні ва ўсю іх даўжыню.

Слуцкі пояс складаецца з трох частак — сярэдніка з аблямаваннем і двух канцоў.

Тыповым узорам слуцкага пояса можа служыць пояс № 74/20931 (XXIII) з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея. Рысунак паказвае пояс у разгорнутым выглядзе.

Пояс гэты шаўковы, залотны, двухбаковы, чатырохліцавы (разм. 3,76×0,36). Сярэднік яго ў папярочных палосах. На адной палавіне гладкія аранжавыя палосы, на другой — гладкія палевыя. З другога боку на адной палавіне гладкія ярка-сінія палосы, на другой — светла-карычневыя. Ва ўсю шырыню сярэдніка ідуць вузкія размяжоўваючыя залотныя палосы з чорнымі кантамі. З другога боку расфарбоўка адваротная. Край — па залотнаму полю чорны павой з ярка-пунсовымі і светла-сінімі кветкамі. З другога боку па чорнаму полю залотны павой. На канцах па залотнаму полю па два буйных букеты кветак галоўкамі да сярэдніка (XXIV). Кветкі ярка-пунсовыя і светла-сінія, лісце чорнае. З другога боку — поле чорнае, лісце залотнае.

На адным канцы пояса ў аблямаванні па двух ніжніх вуглах у адзін радок у прамым і адваротным парадку ткана метка лацінскімі літарамі «Sluck». Канцы абшыты залотнымі махрамі.

Слуцкія паясы насычаліся ў розная ступені залотнай ніткай (сярэбранай і залочанай).

Меўся асобны від пояса з залотнай ніткай — так званы «літы». Яго ліцавы бок быў густа заткан залотнай ніткай, так, што не відаць было шаўковай асновы. Узорам літага пояса можа служыць пояс № 66/21383 (XXV) з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея.

Пояс гэты шаўковы, залотны, двухбаковы, двухліцавы (разм. 3,83×0,29). Сярэднік — па залотнаму полю арнамент з размешчаных радамі клейм з трылісцікамі ўнутры. Клеймы і трылісцікі цемна-карычневыя. Край — па залотнаму полю арнамент з хвалістай стужкі і шасціпялёсткавых кветак. Стужкі і кветкі цёмна-карычневыя. На канцах па залотнаму полю ткана па два цёмна-карычневых букеты невялікіх кветак. Букеты звернуты кветкамі да сярэдніка. На процілеглым баку размалёўка адваротная. На адным канцы ў аблямаванні па двух ніжніх вуглах у прамым і адваротным парадку ткана метка лацінскімі літарамі «Sluck». Канцы абшыты залотнымі махрамі.[38]

Улюбёнымі спалучэннямі ў расфарбоўцы слуцкіх паясоў былі аранжавы з сінім і з золатам, пунсовы з сінім і з золатам і інш.[39]

Кожная частка слуцкага пояса мае сваю распрацаваную арнаментацыю. Сярэднік часцей за ўсё арнаментаваўся папярочнымі палосамі, раздзеленымі лініямі дробна-кропкавага, гарошчатага, фігурнага арнаменту, або тонкімі палосамі. Гэтыя палосы маглі быць аднолькавымі па шырыні або чаргаваліся вузкія з больш шырокімі. Палосы ткаліся гладкія і арнаментаваныя. Такі ха-

рактар арнаментацыі сярэдніка глыбока нацыянальны і да апошняга часу захаваўся ў беларускім народным ткацтве.

Радзей арнамент сярэдніка рабіўся сятчатым, лускаватым, у гарошак, яшчэ радзей — раслінным.

Узорамі афармлення сярэдніка лускаватым арнаментам, у гарошак і раслінным у спалучэнні з геаметрычным могуць служыць паясы з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея № 51/21410 (XXXI), № 330/21337 (XXXII), № 413/80056 (XXXIII), № 7/21409 (XXXIV), № 53/20089 (XXXV).

Сустракаюцца паясы з гладкім сярэднікам.

Шлячок пояса даволі разнастайны па арнаменту, які звычайна бывае раслінным. Часцей гэты шлячок пераходзіць і на канцы пояса.

Найбольш складана арнаментаванай часткай пояса з'яўляюцца яго канцы. У большасці арнамент канцоў складаецца з двух раслінных матываў, часам акружаных парасткам. Рэдка колькасць матываў дасягае трох, як выключэнне сустракаюцца паясы з адным матывам. Матывы бываюць у выглядзе дрэва з каранямі, дрэў або кветак, якія растуць з вазонаў, букетаў кветак у вазах, без ваз і радзей вянкоў. Часам сустракаюцца матывы з чалавечымі фігурамі і малюнкамі жывёл.

Ад сярэдніка канец аддзяляецца прамежкавай лініяй або палоскай траўнага арнаменту. Такая ж лінія або палоска завяршае ніжні край канца. Часам канец мае самастойнае аблямаванне. Да ніжняга краю канца звычайна прышываліся шаўковыя або залотныя махры.

Махры рабіліся з шаўковай ніткі рознай ступені кручанасці, што надавала ім большую ці меншую пругкасць. Яны звычайна звісалі асобнымі ніткамі. Часам ніткі махроў каля асновы дзяліліся на пасмы, перабіраліся і змацоўваліся папярочнай ніткай. Такія пераборы, паўтараючыся і дробячыся стваралі своеасаблівую рашотчатасць. Ніжэй ніткі звісалі свабодна, асобнымі пасмамі.

Даўжыня махроў бывала розная — ад 0,5 да 0,20 м. Махры звычайна рабіліся аднатоннымі. Колеры махроў — пераважна залацісты розных таноў і белы.

У залотных паясах махры рабіліся залотныя — залатыя або сярэбраныя. У двухліцавых залотных паясах (залотных і сярэбраных) махры рабіліся ў адной палавіне залатыя, у другой — сярэбраныя.

У асобных выпадках сустракаюцца паясы з махрамі двух і больш колераў. Колеры паўтараюць асноўны тон пояса. На жалобным поясе (гл. XLII), тканым у чорным і белым колерах, махры складаюцца з чорных і белых нітак.

На поясе № 73/20111 з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея, тканым у светла-карычневых, светла-сініх танах з удзелам белага колеру, махры складаюцца з нітак адпаведных колераў.

Махры складаюць тыповую асаблівасць слуцкіх паясоў. Яны не прадстаў-

ляюць сабой арганічнага цэлага з поясам, г. зн. не з'яўляюцца працягам асновы, як гэта бывае на маскоўскіх паясах. Махры слуцкіх паясоў заўсёды прышываюцца да канцоў. На ўсходніх паясах таксама сустракаюцца прышыўныя махры. Аднак на ўсходніх паясах яны прадстаўляюць не тыповую з'яву, а хутчэй выпадковую.

Завяршэнне слуцкага пояса махрамі было ўзята не ад усходняй традыцыі. Яно, відаць, было выклікана мясцовымі густамі: народны беларускі мужчынскі тканы пояс звычайна завяршаецца кутасамі або махрамі.*) Магчыма, што беларуская традыцыя завяршэння пояса была перанесена на афармленне слуцкага пояса.[40]

Як ужо адзначалася, на канцах паясоў ткалася вытворчая метка. Гэты звычай мае непасрэдную сувязь з традыцыямі ўсходняй вытворчасці. На слуцкіх паясах метка, відаць, паявілася з самага пачатку іх вырабу або з пачатку кіравання фабрыкай Янам Мажарскім. Метка звычайна ставілася на двух ніжніх вуглах канца пояса. У большасці выпадкаў яна ткалася на абодвух канцах, радзей — на адным.

Метка мела розныя формы. Імя і прозвішча Мажарскага ў лацінскай транскрыпцыі заўсёды даваліся поўнасцю — у напісанні прамым і адваротным. Абазначэнне месца вытворчасці — таксама ў лацінскай транскрыпцыі — у прамым і адваротным напісанні або поўнасцю, або ініцыяламі (у апошнім выпадку імя і прозвішча Мажарскага зусім не ставіліся).

На поясе № 42/20419 (VII) метка размяшчаецца на абодвух канцах. На адным канцы ў кожным ніжнім вуглу ў два радкі выткана: у верхнім радку «Ioannes», у ніжнім — «Madzarski». На другім канцы таксама ў два радкі па двух вуглах выткана: у верхнім радку «me fecit», у ніжнім — «Sluciae» — «мяне зрабіў Слуцк».

Ёсць і другі варыянт меткі ў лацінскай транскрыпцыі. Толькі на адным канцы пояса, у адным — левым ніжнім — вуглу ў два радкі выткана: у верхнім злітна «mefecit», у ніжнім — «Sluciae» (VI).

Асаблівую цікавасць прадстаўляе метка на поясе № 408/79510 (XII). На адным канцы ў левым ніжнім вуглу шлячка ў гарызантальным становішчы ў адносінах да арнаменту канца выткана дзве лацінскія літары «S. F.». На другім канцы ў правым вуглу шлячка стаіць па-латыні «Sluck». Звычайна паясы з меткай «S. F.» адносяць да вырабу фабрыкі S. Filsjean у Кабылках пад Варшавай. «S. F.» расшыфроўваюць як імя і прозвішча ўладальніка фабрыкі.

На поясе № 408/79510 маюцца адначасова дзве меткі — «S. F.» і «Sluck».

---

*) И. А. Сербов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 94, Петроград, 1916, стар. 5.

Абазначэнне месца вытворчасці «Sluck» дазваляе сцвярджаць, што гэты пояс з'яўляецца вырабам фабрыкі Мажарскага. Літары «S. F.» могуць быць расшыфраваны як метка лацінскай транскрыпцыі «Sluciae fecit».

Магчыма, што паясы, якія носяць толькі адну метку «S. F.» і якім уласцівы рысы слуцкай прадукцыі, з'яўляюцца вырабамі Слуцкай персіярні. Абгрунтаваннем нашага меркавання можа служыць той факт, што многія паясы з меткай «S. F.» сваім узорам, расфарбоўкай, матэрыялам літаральна паўтараюць паясы з меткай «Sluck», «mefecit Sluciae» і інш.

Ёсць метка і ў польскай транскрыпцыі на поясе Дзяржаўнага музея этнаграфіі народаў СССР № 1827 — 2 (XLI). Пояс гэты шаўковы, аднабаковы, ткан у цёмна-пунсовых танах з серабром (разм. 3,23×0,38). Сярэднік яго паласаты, у палосах узор з агуркоў і дубовых лісцяў. На канцах па сярэбранаму полю тканы цёмна-пунсовыя касачы. На канцах ткана метка. Яна складаецца з малюнкаў двух польскіх дзяржаўных арлоў, аднагаловых у кароне, размешчаных паабапал арнаментальнага матыву канца. Ніжэй выткана па-латыні «Sluck» — абазначэнне месца вытворчасці. Літары размешчаны не па гарызанталі, а па вертыкалі.

Магчыма, што такая метка ставілася ў гады аб'яднання Літвы з Польшчай, г. зн. паміж 1791 і 1793 гадамі.*)

Былі распаўсюджаны меткі і ў рускай транскрыпцыі. Гэтыя меткі ткаліся лацінскім шрыфтам і рускім.

На поясе з калекцыі Дзяржаўнага музея этнаграфіі народаў СССР № 3392 — 1 на канцы лацінскімі літарамі выткана ў два радкі: у верхнім злітна «Wogradae», а ў ніжнім — «Sluckae». Пояс шаўковы, аднабаковы, выткан у карычневых і жоўтых танах (разм. 3,31×0,39). Бытаваў ён на Украіне.

На поясе з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея № 39/21941 на адным канцы ў двух ніжніх вуглах па-руску ў два радкі выткана: у верхнім радку «Лео Ма», у ніжнім — «жарский». На другім канцы, таксама ў двух ніжніх вуглах, у прамым і адваротным парадку ў два радкі выткана па-руску: у верхнім радку разам «въграде», у ніжнім — «Слуцке».

Меткі з рускай транскрыпцыяй лацінскім і рускім шрыфтам паяўляюцца ў сярэдзіне 80-х гадоў XVIII ст. Гэта можна тлумачыць спачатку ўзмацненнем эканамічных сувязей з Расіяй, а потым палітычным аб'яднаннем.

Як і ўсходнія кушакі, слуцкія паясы насілі на верхнім адзенні. Такія паясы завязваліся спераду вузлом, канцы аднолькавай даўжыні спускаліся па баках.

---

*) Канстытуцыя 3 мая 1791 г. знішчыла аўтаномны лад Літвы і поўнасцю аб'яднала Літву з Польшчай. У 1793 г. Беларусь, якая ўваходзіла ў склад Літвы, адышла да Расіі. Значыць, метка з польскім арлом магла паявіцца не раней 3 мая 1791 г. і не пазней 1793 г.

Слуцкія паясы надзяваліся ў самых розных жыццёвых выпадках. Яны бывалі будзённыя, святочныя, вясельныя і жалобныя.[41]

Паясы надзявалі рознымі спосабамі — па стану, вышэй стану або ніжэй, туга або свабодна, прама або набок. Гэта залежала або ад звычаю або ад густу ўладальніка пояса. Спосаб нашэння пояса можна прасачыць па партрэтах XVIII ст., якія захоўваюцца ў Дзяржаўным Гістарычным музеі.

Паясы слуцкай вытворчасці выцiснулі ўсходнія і шырока распаўсюдзіліся сярод заможных слаёў. Шляхта, багатае мяшчанства, казачая старшына былі асноўнымі спажыўцамі Слуцкай персіярні.

У Чарнігаўскім гістарычным музеі, напрыклад, ёсць рад паясоў слуцкай работы, якія бывалі сярод казацкай старшыны. Прыкладам могуць служыць паясы № 3827 — I — 482 і № 3828 — I — 485.

Першы пояс — двухбаковы, затканы золатам і серабром з кветкамі і арабескамі розных колераў. З аднаго боку фон залаты і сярэбраны, а з другога — цёмна-карычневы з залатымі і сярэбранымі кветкамі і арабескамі. На адным канцы надпіс: «В граде Слуцке». Махры залатыя, доўгія.

Другі пояс — двухбаковы, шаўковы, разнаколерны. З аднаго боку — на жоўтым фоне цёмна-карычневыя кветкі і на зялёным і белым жоўтыя арабескі; з другога боку — на цёмна-карычневым фоне жоўтыя кветкі, а на жоўтым фоне блакітныя і белыя арабескі. На ўсіх вуглах літары «S. F.». Махры жоўтыя, шаўковыя.

УПЛЫЎ СЛУЦКАЙ ФАБРЫКІ НА ВЫТВОРЧАСЦЬ ПАЯСОЎ У РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

Попыт на слуцкія паясы быў такі вялікі, што выклікаў паяўленне многіх персіярань, размешчаных у розных частках Рэчы Паспалітай.

На тэрыторыі Беларусі найбольш вядомы былі персіярні ў Нясвіжы, у Жмігрудах (каля Горліц, у Радзівілаў), у Ружанах (ваяводства Навагрудскае, у Сапегаў), на Падляссі (у князя Міхаіла Агінскага), у Карэлічах, Гародніцы і Ласосне (пад Гродна).

На тэрыторыі Польшчы атрымалі вядомасць персіярні ў Кабылках і Ліпкаве (пад Варшавай), рад прадпрыемстваў у Кракаве, прадпрыемства ў Джэвіцах (пад Радамам). І, нарэшце, прадпрыемства ў Гданску, у прадмесці Шыдлоўцы.

Гэтыя прадпрыемствы знаходзіліся пад моцным уплывам Слуцкай фабрыкі. Звычайна паясы гэтых персіярань ішлі пад назваю «слуцкіх паясоў».

У большасці выпадкаў персіярні засноўваліся магнатамі або прадстаўнікамі шляхты, якія перадавалі справу прадпрыемцам таксама, як і ў Слуцку. Гэта тлумачыцца тым, што па заканадаўству, якое існавала ў Рэчы Паспалітай да 1791 г., гандлёва-прадпрыемніцкая дзейнасць была забаронена феадальнаму саслоўю пад пагрозай пазбаўлення шляхецкай годнасці.

Акрамя таго, мелася значная колькасць саматужнікаў, якія выраблялі шаўковыя паясы.

Звычайна гэтыя персіярні і саматужныя майстэрні не выпрацоўвалі свайго індывідуальнага афармлення пояса. Яны выкарыстоўвалі ўжо гатовыя ўзоры, усходнія і слуцкія, часам уносячы ў іх некаторыя змяненні. Падобныя персіярні не мелі вялікага значэння і не зрабілі каштоўнага ўкладу ў майстэрства ткання паясоў. Аднак у асобных выпадках яны паслужылі асновай для ўзнікнення значных прадпрыемстваў шаўковых паясоў з індывідуальнымі асаблівасцямі распрацоўкі арнаменту.

Такія прадпрыемствы распрацавалі разнавіднасць слуцкага пояса, якую можна назваць польскім тыпам. У аснову польскага пояса былі пакладзены размеры, чляненне і структура арнаменту, распрацаваныя на Слуцкай персіярні пад кіраўніцтвам Яна і Лявона Мажарскіх.

Адрозненне польскіх паясоў ад слуцкіх заключаецца ў характары арнаменту і каларыце. У асобных выпадках выкарыстоўвалася арнаментацыя слуцкіх паясоў, але ў самастойнай трактоўцы. Тып польскага пояса быў распрацаван радам персіярань. Пачатак паклала фабрыка ў Гродна. Далейшае развіццё ішло на варшаўскіх фабрыках (Кабылкі і Ліпкава). Заключны этап выпрацоўкі польскага пояса — Карэц на Валыні. Польскія паясы можна разглядаць як далейшую распрацоўку форм слуцкага пояса.[42]

Персіярня ў Кабылках была заснавана Унругам, старастам Хамерштынскім, і перададзена прадпрыемцу французу S. Filsjean. У 1778 г. тэхнічнае кіраўніцтва прадпрыемствам перайшло да F. Selimand.

У Кабылках разгортваўся другі этап дзейнасці F. Selimand. Як і ў Гродна, ён і тут узнімае прадукцыю персіярні на высокі ўзровень. Гэта быў перыяд росквіту персіярні. Паясы выпрацоўкі F. Selimand адзначаюцца прыгожасцю арнаментацыі і хараством расфарбоўкі.

На паясах персіярні ў Кабылках ставілася метка. Метка ткалася ў абрамаванні канцоў пояса па ніжніх вуглах і мела некалькі варыянтаў. Канцы абшываліся махрамі.[43]

Высокай якасці дасягнулі паясы Ліпкаўскай персіярні. Яна належала Якаву Пасхалісу.

Якаў Пасхаліс (армянін, родам з Такату ў Малой Азіі) з 1761 г. пасяліўся ў рэчы Паспалітай. Ён быў купцом, які гандляваў у Варшаве ўсходнімі таварамі і заснаваў тут персіярню. Другую персіярню Я. Пасхаліс заснаваў пад Варшавай у фальварку Ліпкава. Тут вытворчасцю кіраваў вучань F. Selimand, імя якога невядома. У 1789 г. Я. Пасхаліс заключыў дагавор з F. Selimand на кіраўніцтва персіярняй у Варшаве.

У далейшым гэта персіярня была пераведзена ў Ліпкава і аб'яднана з ужо існаваўшай тут фабрыкай. Кіраўніцтва было даручана F. Selimand. Гэта быў

трэці этап дзейнасці французскага майстра, зрабіўшага Ліпкаўскую персіярню шырока вядомай.[44]

Метка Ліпкаўскай персіярні мае некалькі відаў. Вельмі распаўсюджанай з'яўляецца метка з абазначэннем прозвішча ўладальніка фабрыкі. Метка размяшчаецца па двух ніжніх вуглах абламавання канцоў пояса. Яна даецца поўнасцю ў лацінскай транскрыпцыі ў два радкі „Pascha/lis".

Сустракаецца метка і больш рэдкая: у лацінскай транскрыпцыі ў два радкі «Paschalis me fecit» — «Пасхаліс мяне зрабіў».

Вельмі частымі з'яўляюцца паясы з меткай у выглядзе ініцыялаў лацінскім шрыфтам «P. J.». (Paschalis Jakubowitz). Гэта метка адносіцца да перыяду дзейнасці фабрыкі пасля 1791 г., г. зн. калі Якаў Пасхаліс атрымаў прозвішча Якубовіч.

Да гэтага ж часу адносіцца метка з малюнкам герба Пасхаліса — белы барашак з чырвоным сцяжком на зялёным полі. Па абодвух баках герба размешчаны лацінскія літары «P. J.» — ініцыялы яго ранейшага і новага прозвішча.[45]

Апошні этап развіцця польскага пояса звязан з вытворчасцю ў Карцы на Валыні ў Чартарыйскіх. Карэцкая персіярня таксама, як і Гродзенская, Ліпкаўская, абавязана сваім росквітам дзейнасці F. Selimand. Невядома, калі F. Selimand абаснаваўся ў Карцы і калі закончыў сваю дзейнасць, але ва ўсякім выпадку ў 1800 г. ён знаходзіўся яшчэ ў Карцы.

Карэцкія паясы характарызуюцца малой разнастайнасцю арнаменту і ўзмацненнем уплыву Захаду.[46]

З іншых цэнтраў выпрацоўкі паясоў трэба адзначыць Кракаў. Тут мелася некалькі дробных прадпрыемстваў саматужнага тыпу, заснаваных палякамі. Гэтыя прадпрыемствы часам не мелі абаротнага капіталу і нярэдка працавалі на заказ.

Прадукцыя кракаўскіх прадпрыемстваў не адрознівалася арыгінальнасцю ў распрацоўцы арнаменту.

Кракаўскія майстэрні аднаўлялі слуцкія, гродзенскія, кабылкаўскія, ліпкаўскія ўзоры, уносячы ў іх некаторыя нязначныя змяненні. Часам арнамент рабіўся па жаданню заказчыка. Але сустракаюцца таксама асобныя спробы самастойнай распрацоўкі арнаментацыі і каларыту.

Структура пояса заставалася слуцкай.

Вядомы былі і майстэрні Франца-Кайтана Маслоўскага, Даніэля Хмялеўскага, Антона Пуцілоўскага.

Часам сустракаюцца цэлыя паясы або фрагменты паясоў, у якіх канцы не маюць вытворчых метак. Меткі альбо не былі вытканы, альбо былі згублены.

Вельмі цяжка высветліць паходжанне такіх паясоў. Гэта можна зрабіць толькі на аснове вывучэння арнаменту, каларыту і параўнання паясоў.[47]

Вытворчасць паясоў тыпу слуцкіх атрымала развіццё і ў Данцыгу-Гданску, горадзе, які быў эканамічна звязан з Рэччу Паспалітай. Гданск на працягу трох стагоддзяў, з XV па XVIII ст., адыгрываў значную ролю на польска-літоўскім рынку. Праз Гданск вёўся транзітны гандаль Рэчы Паспалітай з іншымі краінамі.

Цесная сувязь з польска-літоўскім рынкам выклікала да жыцця ў Гданску вытворчасць шаўковых паясоў, на якія ў Рэчы Паспалітай меўся вялікі попыт.

Прыкладам данцыгскай вытворчасці можа служыць пояс № 78/21407 з калекцыі Дзяржаўнага Гістарычнага музея. Пояс гэты двухбаковы (разм. 4,02×0,35). Ткан пояс у ярка-жоўтых, малінавых і блакітна-шэрых танах у спалучэнні з чорным. Сярэднік яго ў папярочных палосах, раздзелены дробным шашачным арнаментам. На адных палосах букеты кветак, на другіх — чорны геаметрычны арнамент у выглядзе буйнай касой клеткі.

На канцах па чорнаму полю два букеты кветак, якія выходзяць з ваз у напрамку да сярэдніка. У абрамаванні пояса па двух ніжніх вуглах у два радкі, у прамым і адваротным парадку, ткана метка: у верхнім радку «Besch», у ніжнім — «Danzig».

Схема дэкаратыўнага афармлення пояса агульная са слуцкімі паясамі. Сярэднік яго ў папярочных палосах, на канцах па два арнаментальных матывы. Аднак узор распрацаван у духу дэкаратыўнага мастацтва Заходняй Еўропы канца XVIII ст. Спалучэнне колераў — чорнага, ярка-жоўтага з малінавым — таксама неўласціва слуцкім паясам.

Значны попыт на шаўковыя паясы, які ў XVIII ст. меўся на рынках Рэчы Паспалітай, прыцягнуў да сябе ўвагу замежных купцоў і прамыслоўцаў. Вытворчасцю паясоў тыпу слуцкіх заняліся шаўкаткацкія прадпрыемствы Францыі. Вядома фабрыка ў Ліёне, якая належала П'еру Тусену Дэшазель. Яна выпускала паясы тыпу слуцкіх.[48]

УЖЫВАННЕ СЛУЦКІХ ПАЯСОЎ ЯК ТКАНІН. ЗБОР СЛУЦКІХ ПАЯСОЎ

Нрыгожасць тканін слуцкіх паясоў нярэдка прыводзіла да выкарыстання іх у царкоўным быту. З тканіны слуцкіх паясоў вырабляліся культавае адзенне і рэчы.

У музеях СССР маецца вялікая колькасць рэчаў царкоўнага ўжытку, якія зроблены з слуцкіх паясоў. Асабліва шматлікія рэчы каталіцкага царкоўнага ўжытку.

Часта сустракаюцца царкоўныя рэчы армяна-грэгар'янскага царкоўнага ўжытку, што зразумела, бо ярмяне мелі непасрэдныя адносіны да вытворчасці паясоў.[49]

Пасля таго як слуцкія паясы перасталі бытаваць, яны страцілі сваё прамое практычнае назначэнне. Аднак іх мастацкая каштоўнасць засталася нязменнай.

У XIX ст. слуцкія паясы робяцца прадметам збору сярод аматараў-антыквараў. Імі зацікавіліся як мастацкай тканінай, якая можа быць выкарыстана для дэкаратыўных мэт.

Пазней слуцкія паясы прыцягнулі да сябе ўвагу спецыялістаў-мастацтвазнаўцаў, якія заняліся вывучэннем іх як вырабаў мастацкага ткацтва.

У другой палавіне XIX ст. пачынаецца навуковае збіранне паясоў, атрымаўшае развіццё ў XX ст. Слуцкія паясы калекцыяніруюцца музеямі і асобнымі людзьмі. Паяўляецца попыт на слуцкія паясы. Нярэдка асобы, прадаваўшыя паясы, для атрымання большай выгады разразалі іх напалам і прадавалі кожную частку асобна або, наадварот, з кавалкаў сшывалі цэлы пояс або частку пояса.[50]

Багатая калекцыя слуцкіх паясоў мелася ў Нясвіжы — маярате князёў Радзівілаў. Пазней гэта калекцыя (32 паясы) была перададзена ў Беларускую Дзяржаўную карцінную галерэю і страчана ў час Вялікай Айчыннай вайны.

Трэба таксама адзначыць калекцыю слуцкіх паясоў П. І. Шчукіна ў Маскве. Збіральнік перадаў сваю калекцыю ў дар Дзяржаўнаму Гістарычнаму музею.

У СССР буйнейшая калекцыя слуцкіх паясоў захоўваецца ў Дзяржаўным Гістарычным музеі. Цікавыя таксама калекцыі слуцкіх паясоў Дзяржаўнага музея этнаграфіі народаў СССР, Рускага музея, Эрмітажа, этнаграфічнага музея ў Львове.

Народнае мастацкае ткацтва паясоў прыцягнула да сябе ўвагу і перадавой мастацкай беларускай літаратуры.

Рэвалюцыйна-дэмакратычная беларуская літаратура, цесна звязаная з народнай творчасцю, не забыла сціплых ткачоў. Максім Багдановіч у вершы «Слуцкія ткачыхі» ў паэтычных вобразах адлюстраваў сумны лёс народных мастакоў. Гарачай любоў'ю беларусаў да роднай прыроды прасякнуты радкі:

Там шчыры бор шуміць сувора...
Ты тчэш, бязвольная рука,
Заміж персідскага узора,
Цвяток радзімы васілька.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди различных видов прикладного искусства нашей страны художественное ткачество занимает одно из главнейших мест. Ковры, декоративные ткани для завес, обивки стен, мебели, скатерти, полотенца, постилки издавна украшали жилища людей. Большое внимание обращалось на ткани, которые шли на одежду и должны были украшать самого человека.

Ткацкие изделия различались по ценности материала, по искусству его обработки и по художественности выполнения ткани. Ткацкое искусство постоянно совершенствовалось в тонкости выработки, в красоте окраски и орнаментации. Ткани и различные тканые предметы — платки, полотенца и пр., вышедшие из рук искусного мастера, нередко достигали подлинно художественного уровня.

К числу изделий, в которых особенно проявлялось искусство ткача, относятся шелковые тканые пояса-кушаки.

Пояс-кушак составлял необходимую часть русской, украинской и белорусской одежды. Поэтому он имел большое декоративное значение и богато орнаментировался. Украшение одежды наиболее ярко выражалось в разработке колорита и орнаментации пояса.

Материал, размер и назначение пояса давали возможность мастеру-ткачу выявить свои художественные способности. Каждый пояс-кушак можно рассматривать как образец ткацкого мастерства своего времени.

В настоящее время в связи с ростом интереса к памятникам национальной культуры начато серьезное изучение слуцких поясов как образцов белорусского художественного шелкоткачества.

Имеющийся обильный материал по этому вопросу еще мало изучен. Литература по шелковым поясам-кушакам очень бедна. На русском и белорусском языках имеются только отдельные брошюры и статьи в различных журналах. Нет еще монографии по изучению поясов-кушаков, производившихся в нашей стране.

Вопрос об истории слуцких поясов является вопросом о роли белорусского народа в создании этих замечательных произведений декоративного прикладного искусства.

Изучение слуцких поясов имеет также и практическое значение. Расцветка поясов и их орнаментация, разработанные белорусскими мастерами XVIII в., могут быть с успехом применены в современной текстильной промышленности.

Народные мастера-ткачи обладали высокоразвитым чувством материала и его фактуры и в совершенстве владели техникой выделки. Поэтому техника выработки слуцких поясов представляет значительный интерес.

Особенно важно изучение поясов-кушаков для художников-прикладников. Овладение богатством колористики, свойственной народным мастерам, их искусством орнаментации может послужить делу обогащения нового народного стиля.

Перед советским прикладным искусством стоит большая, серьезная задача — создание советского народного стиля, отвечающего новым формам быта. Основными чертами этого стиля должны быть чувство современности, связь с народными традициями и совершенство выполнения. Изучение художественного народного ткацкого мастерства открывает возможности для его творческого освоения. Оно позволит нам отобрать из сокровищницы народного творчества то, что ценно для советского прикладного искусства.

Пояса-кушаки представляют собой богатый материал и для исследователя, занимающегося изучением ткацкого производства русского и белорусского народов.

Изучение этого материала позволит осветить и ряд других вопросов, в том числе культурные и торгово-промышленные связи между народами России, Белоруссии и Речи Посполитой, а также их связи со странами Востока и Запада.

Целью настоящей работы является выявление художественного ткацкого мастерства русского и белорусского народов. В центре исследования стоит вопрос о развитии производства шелковых поясов Белорусии — в Слуцке.

Материалом для работы послужили собрания поясов Государстенного Исторического музея в Москве, Государственного музея этнографии народов СССР и ряда других музеев нашей страны.

К работе прилагается значительный иллюстративный материал (в виде фотоснимков).

* * *

Как особенность терминологии следует отметить употребление терминов «пояс» и «кушак». Обычно при описании музейных экспонатов употребляется термин «пояс». Он применяется как родовое понятие и к кожевенным, и к металлическим, и к текстильным поясам. Между тем для обозначения широкого тканого пояса в русском языке привился специальный термин «кушак», заимствованный из татарского языка.

Мастера, изготовлявшие подобные пояса, назывались «кушачниками». Ткани, шедшие на кушаки, получили название «кушачных». *)

В русском документальном материале, относящемся к широким тканым поясам, употребляется термин «кушак», однако в музееведении к подобным поясам термин «кушак» не прилагается. Это объясняется тем, что шелковые пояса данного типа приписывались производству западных фабрик с главным центром в Слуцке и потому назывались слуцкими. Кушаки московского производства не были выявлены.

С установлением группы московских поясов, именуемых в документах «кушаками», возникла необходимость обозначать московские пояса термином «кушак».

В Белоруссии закрепилось выражение «пояс».

Так как в музейных инвентарных книгах употребляется термин «пояс», то в начале каждого описания этот термин сохранен во избежание расхождения с инвентарной описью.

---

*) См. «Толковый словарь» Вл. Даля.

ЗНАЧЕНИЕ ПОЯСА В БЫТУ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ

усское и белорусское народное декоративное искусство имеет общие корни, уходящие в глубокую древность. Внешние условия, оказывавшие некоторое влияние на формирование искусства каждого народа в отдельности, не могли нарушить его самобытности.

Народные мастера-художники творили на основе древних традиций. Они пользовались также иноземными образцами и приемами, подвергая их самостоятельной переработке. Примером такой самостоятельной переработки чужеземного образца могут служить тканые широкие шелковые пояса-кушаки, заимствованные с Востока.

Производство этих поясов-кушаков возникло почти одновременно в России и Белоруссии, центры — Москва и Слуцк. Развитие обоих производств шло независимо одно от другого. Пояса ткались народными мастерами-художниками. Русские и белорусские мастера, каждые по-своему, перерабатывали восточные оригиналы и придавали им свои национальные черты.

Однако, несмотря на внешнее различие, между московскими и слуцкими поясами имеется внутренняя общность. Она может быть выявлена только в процессе сравнительно-исторического изучения художественного ткачества обоих народов.

* * *

Пояс является неотъемлемой частью русской, украинской и белорусской народной одежды, как мужской, так и женской. Практическое назначение пояса состоит в том, чтобы удерживать одежду на стане.

В быту и в обрядности древней Руси значение пояса было очень велико. Об этом свидетельствуют многочисленные словообразования, обороты речи, связанные со словом «пояс». Например, «поясажней», т. е. повиднее, побольше; «распоясаться», т. е. потерять всякий удерж, распуститься, причем это понимается уже не только в прямом смысле, в связи с одеждой, но и в переносном отношении, нравственном. Так, в древнерусском стихотворении подчеркивается безнравственность поведения Марины Игнатьевны, принимавшей у себя Змея Горыныча:

А молода Марина Игнатьевна,
Она высунулась по пояс в окно
В одной рубахе без пояса.*)

С поясом связаны различные обряды, поверья, заговоры и гаданья.[1]

Самуил Коллинс, девять лет проживший в Москве при дворе Алексея Михайловича, пишет, например: «Русские почти во всех своих действиях отличны от других народов. Они носят рубаху сверх подштанников, препоясываются ниже пупа, потому что пояс, по их мнению, придает силы. Ни мужчины, ни женщины не ходят без поясов под страхом небесного наказания». **)

Эту особенность ношения пояса ниже поясницы еще ранее отметил Герберштейн. «Они (русские),— писал он,— подпоясываются не по животу, но по бедрам и даже опускают пояс до паха, чтобы живот больше выдавался. И этот обычай переняли теперь итальянцы, испанцы и даже немцы».***) [2]

В белорусской деревне обычай ношения пояса ниже живота наблюдался еще в конце XIX в. ****)

В Белоруссии пояс являлся жертвенным предметом, который приносился в дар по обету. Такие пояса поступали во множестве как «офяры» в церкви и костёлы — «жертвенные» пояса.

Среди обрядов, примет и предзнаменований существовал обряд «опоясывания» младенца через шесть недель после рождения.*****) [3]

---

*) Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание Суворина, М., 1878, стр. 155.

**) Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, Самуила Коллинса (перевод Киреевского). «Чтения», кн. I, 1846, стр. 20.

***) Герберштейн. Записки о Московских делах. Издание Суворина, СПб., 1908, стр. 80.

****) Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стр. 107.

*****) И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. I, М., 1837, стр. 210.

Обычай «опоясывания» считался в народе отличительной русской чертой, свойственной также белорусам и украинцам. Зеленин говорит, что «великорусы называют мужчину без пояса в неодобрительном смысле — «беспоясный татарин...». Пояс служит талисманом, который мужчина должен прятать от черта, особенно же от лешего и домового».*) [4]

Пояс имел важное значение и в свадебных обрядах. «Выпила девица вина из бутылки, принесенной женихом, сняла с себя пояс, обмотала им ту бутылку и в таком виде возвратила сосуд принесшему — значит, согласна на брак, сделалась невестой, подписала контракт и за безграмотством узелком пояса указала место печати (в некоторых местах Великороссии этот обычай заменен посылкою жениху белого полотенца (ширинки.— *Л. Я.*) невестина рукоделья.**) Теперь она ни в каком случае не имеет права отказать жениху, который начинает производить затраты, готовясь к свадебному пиршеству».***) [5]

Значение пояса в быту видно и из того, что он играл большую роль в народных гаданьях.[6]

Пояс употребляется также как оберег во многих заговорах.[7]

В древности считали, что можно повредить человеку, произведя над его поясом различные колдовские действия. Например, после скоропостижной кончины супруги Ивана III Марии её приближенную Наталию Полуевктову подозревали в том, что она посылала пояс великой княгини к какой-то ворожее.****)

Были заговоры на поясе.[8]

Изготовлялись пояса из самых различных материалов: кованые из благородного металла — золотые и серебряные, из кожи («с ременем») со всевозможными украшениями, плетеные и, наконец, тканые.

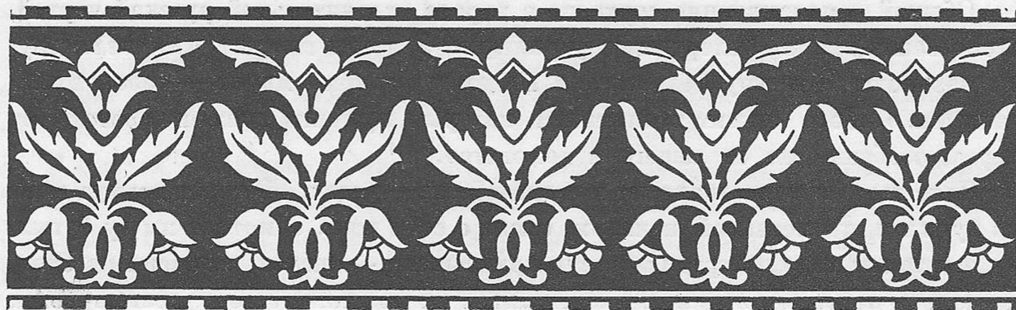
*) Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunda, Leipzig, 1927, стр. 221.

**) Вл. Даль. Пословицы русского народа, т. III, 1904, стр. 11.

***) Максимов. Крылатые слова. СПб., 1890, стр. 417.

****) Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. VI, 1892, стр. 7.

ПОЯСА НА МОСКОВСКОЙ РУСИ

начение пояса в одежде московских людей было велико. В духовной грамоте Ивана Калиты, писанной в 1328 г., пояс упоминается на одном из первый мест: «А из золота дал есмь сыну своему Ивану («Красному»): чеп золоты, пояс большій с жемчугом, с каменьем, пояс золот с капторгами (застежками.— *Л. Я.*), пояс сердоличен, золотом окован».*)

Пояс служил и как отцовское благословение. Иван Красный в духовной грамоте, писанной в 1356 г., при передаче пояса старшему сыну Димитрию (впоследствии Донскому), отмечает это значение пояса: «пояс великий золот с каменьем с жемчуги, что мя благословил отец мой князь Великий».**)

В XV в. один пояс вызвал даже спор между членами московской великокняжеской семьи.[9]

В духовной грамоте Димитрия Донского мы видим целый перечень разных поясов, передаваемых им своим сыновьям. При этом здесь сообщаются и те

---

*) Духовная грамота вел. князя Ивана Даниловича Калиты (первая). Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стр. 32.

**) Духовная грамота вел. князя Иоанна Иоанновича (первая). Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стр. 40.

особенности, которые выделяют пояса, например данный сыну князю Петру — «с калитою да с тузлуки».*)

Пояс издревле являлся хранителем калиты, т. е. кошелька.**)

Здесь же мы встречаем своеобразное название пояса. Так, пояс, данный вел. князем Димитрием Ивановичем сыну князю Ивану, именуется — «татаур».***)

На поясе и за поясом носилось оружие.

В основном многообразные виды поясов производились русскими мастерами. В духовной грамоте Димитрия Ивановича упоминаются имена мастеров, изготовлявших княжеские пояса — «пояс Макарова дела», «Шишкина дела».****)

Тканые пояса на Московской Руси упоминаются еще и в других духовных грамотах.

На иконографическом памятнике древнерусской живописи конца XIII— нач. XIV в. — «Никола с житием» — имеется изображение «сточного» пояса. В клейме с темой казни трех воевод палач одет в алую рубаху, подпоясанную широким тканым белым поясом в черную полоску.*****) Это одно из наиболее древних изображений тканого пояса и способа его ношения.

Можно сказать, что на Руси в XIII—XIV вв., если не ранее, существовало производство тканых поясов.

Помимо поясов местного производства, на Московской Руси бытовали привозные пояса восточного происхождения — кушаки.

Пояса привозились на Московскую Русь из разных стран Востока.[10] Из восточных особенно широко были распространены пояса иранского происхождения. В XVI—XVII вв. славились кизылбашские — персидские кушаки (название по стране Кизылбаши — Персия). В XVIII в. получили известность также мечетские кушаки (название по городу Мешхет).******)

Торговля восточными поясами велась как русскими, так и иностранными купцами. Цена восточных поясов была весьма значительна. Например, в

---

*) Духовная грамота вел. князя Димитрия Иоанновича (вторая). Писана в 1389 году. Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стр. 61.

**) «Плату же, получаемую деньгами, завязывают (русские) накрепко в пояса свои». (Ибн-Даста. Книга сокровищ; Гаркави. Сказания мусульманских писателей о России).

***) Новое «катаур», у монголов «татаур» — пояс, затяжка, кожаный пояс, иногда шитый шелком и золотом, иногда с накладными металлическими украшениями, золотыми и серебряными.

****) Духовная грамота вел. князя Димитрия Иоанновича (вторая). Писана в 1389 году. Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стр. 61.

*****) Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

******) Мешхет — крупный торгово-промышленный центр в провинции Хорасан (сев. Персия) — был известен своим ткацким шелковым производством, вел оживленную торговлю с народами Закавказья.

XVII в. в Москве «кушак Кашанского дела» стоил 1 руб. 50 коп., «польские шелковые кушаки» продавались по цене от 45 коп. до 2 руб.*)

В XVI—XVII вв. восточными кушаками опоясывалась верхняя мужская одежда.

Существовали различные способы завязывания кушака. Это можно, например, наблюдать на портретах XVII в.[11]

В музеях СССР встречаются различные образцы восточных поясов, бытовавших в нашей стране в весьма отдаленные времена.[12] В Государственном Историческом музее хранятся восточные кушаки, относящиеся к XVI—XVIII вв. Они представляют собой шелковые полотнища различной длины и ширины. Восточные кушаки по выработке могут быть односторонними и двусторонними, однолицевыми и двухлицевыми, цельными и сшивными. Они ткались либо на широких станах (ширина 60—70 см), либо на узких (ширина 30—35 см) и тогда сшивались во всю длину.

Восточный кушак по характеру орнаментации делится на три части — середник, концы и окаймление. Середник пояса бывает заткан мелким узором — травным, цветочным, чешуйчатым, в горошек, геометрическим и пр. Иногда он заткан поперечными полосами, заполненными орнаментом, или же гладкими. Реже середник бывает одноцветным, без орнамента.

Наиболее видимой частью кушака являются его концы, на которые при выработке обращалось особое внимание. Орнаментация концов обычно состоит из ритмично чередующихся отдельных цветов, букетов или венков (от трех до семи). Реже встречаются розетки и фигуры.

Окаймление пояса часто переходит на концы. Узор обычно травный.

В углу окаймления конца кушака часто ставилась метка. Метка иногда имела культовое значение.

Восточные кушаки как драгоценная ткань употреблялись на изготовление одежды, а также предметов светского и церковного быта.

Наиболее ранним образцом употребления кушатчатой ткани на пошивку церковной одежды является подризник, или «подризный стихарь», митрополита Алексия (1290—1375 гг.).**) [13]

В более позднее время, уже в XVI в., нередко упоминаются одежды мужские светские, на пошивку которых шли шелковые восточные кушаки.[14] К началу XVII в. относится упоминание о женской одежде, сшитой из шелковых восточных кушаков.[15]

Привозные восточные кушаки, помимо художественной ценности, интересны нам потому, что они долгое время бытовали на Московской Руси, Бело-

---

*) Под словом «польские» надо понимать привозные с Востока и лишь бытовавшие в Польше в XVII в.

**) Оружейная Палата, № 12062.

руссии, Украине. Они послужили прототипом для производства поясов московских и слуцких.

В XVIII в. в России появляется стремление организовать собственное производство шелковых кушаков. Начало положили астраханские армяне, торговавшие шелком. Затем производство шелковых кушаков перешло к русским предпринимателям.

Сначала «кушачное» производство возникло в Астрахани. Город этот являлся центром транзитной торговли России с Востоком, в частности с Персией. С тех времен известна «кушачная» мануфактура армянина Ревиза Зелиева,*) основанная в 1752 г.,[16] а также мануфактура братьев Буниатовых (1760 г.).**)

Дальнейшее развитие производство шелковых кушаков получило в Москве и ее окрестностях. В 1730—1760 гг. в Москве было основано свыше двадцати шелкоткацких предприятий. Москва становилась центром складывавшейся русской текстильной промышленности.

Особенностью производства поясов в Москве являлось то, что они изготовлялись не специально «кушачными» мануфактурами — «персиарнями», а составляли часть шелкоткацкого производства. Это объясняется тем, что в XVIII в. в России получила развитие текстильная промышленность вообще и шелкоткацкая в частности. Русские шелковые мануфактуры вырабатывали ткани различных видов и сортов, а также разнообразные шелковые изделия — платки, ленты и др.

Поэтому организовать на мануфактуре выработку шелковых поясов не составляло большой трудности. Помимо мануфактурного производства кушаков, здесь имелось обширное кустарное производство. Оно часто служило основой для возникновения мануфактур.

В документах, касающихся кустарного производства в Москве и Московской губернии, постоянно упоминаются мастера «кушачники», работающие на 1—3 станах.***)

В первой половине XVIII в. в Москве среди многочисленных цехов, объединявших мастеров по специальности, имелся кушачный цех.

Следует заметить, что в XVIII в., вследствие отказа дворянства от русской национальной одежды, шелковые кушаки почти исключительно бытовали среди купечества и зажиточного крестьянства. Это определило характер

---

*) М. Чулков. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Гос. Имп. Петру В. и ныне благополучно царствующей Гос. Имп. Екатерины В. М., 1785, стр. 619.

**) Там же.

***) И. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века, т. II, М.—Л., 1950, стр. 54, 57, 58, 98 и след.

выработки кушаков, рассчитанных на сравнительно широкого потребителя.

Московские кушаки не поражают ни роскошью, ни насыщенностью золотной нитью и не отличаются изощренностью орнаментации и расцветки. Они добротны, золотная нить применяется не часто и в малом количестве, главным образом на концах. Расцветка и орнамент мало разнообразны. Однако московские пояса, безусловно, являются произведениями ткацкого искусства по тонкости выработки, по расцветке, подобранной с большим вкусом, и по простой изящной орнаментации.

Эти кушаки находили широкое распространение на внутреннем рынке и даже вывозились в Польшу, где уже имелись свои мануфактуры.[17]

В середине XVIII в. русское правительство обязало владельцев текстильных мануфактур обозначать продукцию своих производств особым, выработанным на ткани товарным знаком, клеймом. Введение товарных знаков должно было повысить ответственность предпринимателя за свою продукцию, служить ручательством за ее качество. Запрещалось выдавать свою продукцию за изделия другого предприятия, русского или иностранного.

На шелковых кушаках в большинстве случаев также ставился товарный знак. Он имел различные виды. Метка располагалась либо по четырем углам каждого конца пояса, реже по двум нижним, либо по его нижнему краю во всю ширину. По этим товарным знакам можно установить название и место производства, имя и фамилию владельца мануфактуры.

Одним из старейших русских шелкоткацких производств, выпускавших кушаки, была московская мануфактура Даниила Яковлевича Земского.*) В 1745 г. с разрешения Мануфактур-коллегии она была переведена в село Купавно под Богородском.[18]

К выработке мануфактуры Д. Я. Земского можно отнести пояс № 127/27253 собрания Государственного Исторического музея (I).**) Пояс этот двусторонний, двухлицевой, ткан в блекло-алых тонах с характерным для XVIII в. шашечным узором по краю (разм. 2,92×0,48). Середник его в поперечных полосах с цветочным узором, темно-голубых и зеленых тонов. На концах по 4 круглые розетки, заполненные цветочным орнаментом. По четырем углам конца пояса ткана метка, состоящая из двух букв «Д. З.» (Даниил Земский). Бахрома не пришитая, а сделана из нитей основы, что характерно для московских поясов.[19]

В 1775 г. Купавинская мануфактура отошла к государству и как государственное предприятие существовала до 1803 г.[20] В 1803 г. она перешла к князю Юсупову, президенту Мануфактур-коллегии.

---

*) «Русская Старина», 1883, октябрь, стр. 67.
**) Римские цифры указывают образцы поясов.

Время владения Купавинской фабрикой Юсуповыми (с 1803 по 1833 г.) является последним периодом ее шелкоткацкого производства.[21]

Кушаки здесь вырабатывались двух типов — персидские и мечетские.

Персидский кушак представлял собой шелковое цельное полотнище с тканым узором. Длина и ширина его неопределенные. Он мог быть двусторонним и четырехсторонним, т. е. лицевой узор на каждой из сторон или на каждой из сторон по два лицевых узора.

Мечетский кушак также представлял собою шелковое цельное полотнище, но одностороннее, длина и ширина которого могли быть различны.

Персидский и мечетский, как и восточные кушаки, состоят из 3 частей — середника с окаймлением и двух концов. Орнаментация середника отличается большой устойчивостью. Она состоит из поперечных полос, заполненных травным узором. Поле середника и полосы бывают самых различных цветов и оттенков. Травный узор чаще всего коричневый. Орнаментация концов более разнообразна. Она состоит либо из нескольких звезд, либо из трех или пяти розеток, чередующихся со светильниками, либо из растительных мотивов. Растительные мотивы представляли собой букеты цветов, чаще всего обращенные венчиками к нижнему краю конца пояса.

Конец пояса обычно был без бахромы. Но бывали случаи, когда концы пояса завершались бахромой. Эта бахрома составляет органическое единство с тканью пояса. Она является продолжением основы. Как исключение встречаются пояса с пришивной бахромой. Образцом может служить пояс № 83/42269 собрания Государственного Исторического музея (II). По четырем углам конца его в две строки выткана метка „К.Н.Ю./К.Ф.", т. е. «князя Юсупова Купавинская фабрика».[22]

В 1833 г. Купавинская фабрика князя Юсупова перешла к купцам Бабкиным — суконщикам. Художественную продукцию фабрика выпускать прекратила.

Восточные кушаки выпускали также московские фабрики Андреева, Дудышкиных, Живова, Жигарева, Карпова, Кириякова, Колокольникова, Кондрашева, Левина и ряд других. Среди них одним из крупнейших производств была фабрика Якова Карпова.

Яков Карпов основал свою фабрику в селе Хомутове в 1792 г., еще будучи экономическим крестьянином. Постепенно совершенствуя производство и улучшая изделия, он довел свое предприятие до блестящего состояния. Процветанию фабрики способствовал и сын Я. Карпова — Илья.[23]

Продукция фабрики Карпова по качеству не уступала заграничной. Нередко московские и петербургские купцы перепродавали изделия этой фабрики под видом иностранных, главным образом французских.*)

*) «Журнал мануфактур и торговли за 1928 г.», СПб., № 4, стр. 102.

В 1833 г. на выставке в С.-Петербурге Карпов получил за изделия своей фабрики большую золотую медаль. Фабрика вырабатывала кушаки типа восточных. Эти кушаки отличались высоким качеством выделки, красотой расцветки и богатством узора. Образцом изделия этой фабрики может служить пояс № 119/15897 собрания Государственного Исторического музея (III).

Другим крупным шелкоткацким предприятием, вырабатывавшим пояса, была фабрика Кондрашева.[24] К образцам изделий этой фабрики может быть отнесен пояс № 340/59400 собрания Государственного Исторического музея (IV). Пояс этот шелковый, односторонний (разм. 2,65×0,38). Середник его полосатый. Полосы чередуются синие, зеленые, желтые, по ним ткан травный узор черного, алого и светло-алого цветов. На концах по желтому полю ткано по три мотива стилизованных цветов (ближе всего — гвоздик). В окаймлении концов по четырем углам есть метка. В нижнем углу в три строки выткано: в первой строке «Ф. К.», во второй — «К. Ф.», в третьей — «Ш.», т. е. «фабриканта Кирилла Кондрашева фабрика шелковая».[25]

Крупным производством XVIII—XIX вв. была и шелкоткацкая фабрика Григория Кириякова. Кушаки, выпускавшиеся этой фабрикой, имеются в собрании Государственного Исторического музея. Таков, например, пояс № 22/21947.[26] На обоих концах этого пояса, в окаймлении, по четырем углам выткана метка. Метка состоит из четырех начальных букв „М.К./Г.К.“, которые следует читать: «Московский купец Григорий Кирияков».

Другой пояс (№ 86/18897) — двусторонний (разм. 3,44×0,58).[27] Во всю ширину на концах нижней полосы выткано: «Р.Ш.Ф.С.М.К.Г.К.» — Российской шелковой фабрики содержатель московский купец Григорий Кирияков».

В 70-х годах XVIII в. появилось шелкоткацкое производство Герасима Миронова в селе Покровском Московской губернии. Здесь также выпускались шелковые кушаки.

При изучении поясов мы встречаемся с явлениями, когда известны фабрики или имена лиц, ткавших пояса, но продукция неизвестна. К таким производствам относится фабрика московского купца Ивана Колокольникова. Это предприятие существовало с 1798 г. Оно находилось в Москве.

Фабрика вырабатывала шелковые ткани высокого качества. На выставке 1831 г. среди ряда экспонатов производства Колокольникова был выставлен «кушак персидский».*) За изделия своей фабрики Колокольников получил на выставке медаль.[28]

В Купавно, помимо фабрики Юсупова, имелась фабрика, принадлежавшая московской купчихе Зениной. Эта мануфактура тоже вырабатывала шелковые пояса-кушаки.[29]

---

*) Указатель произведений отечественной промышленности, находившихся на 1-й Московской выставке 1831 года. Стр. 43 и 49.

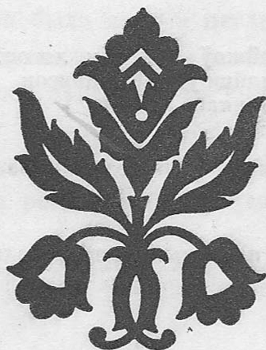
Одним из старейших шелкоткацких предприятий была фабрика купцов братьев Дудышкиных — Ерофея и Козьмы. Эта фабрика находилась в подмосковном селе Покровском. Производство Дудышкиных имело 51 стан и выпускало высококачественную продукцию, среди которой были кушаки.[30]

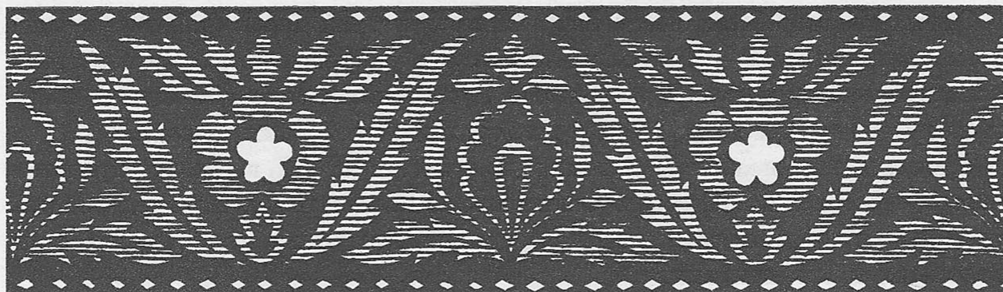
Производство шелковых кушаков получило в XVIII в. распространение и среди крестьянства. Известно значительное количество таких предприятий. Некоторые из них впоследствии превратились в крупные производства, а их владельцы стали купцами.[31]

Иногда встречаются кушаки, не имеющие меток. По характеру расцветки и узора эти кушаки, несомненно, московского производства. Отсутствие метки позволяет предполагать, что они относятся к производству мелких кустарей, работавших «безуказно» и потому не выставлявших своих меток.

В XVIII и XIX вв. кушаки московской выработки благодаря красоте колорита и орнаментации находили применение в церковном быту как ценная художественная ткань.[32]

Достигшее значительных размеров производство кушаков на московских фабриках явилось следствием высокого развития русского шелкоткачества, уходившего своими корнями в народное ткачество. Сотни и тысячи народных мастеров, пришедших на эти производства, а в отдельных случаях и возглавившие их, принесли с собой не только мастерство, но и вкусы народа. Естественно поэтому, что московские кушаки имели много своеобразных черт, отличавших их от восточных. По такому же пути переработки восточных образцов в духе своих народных традиций развивалось производство поясов в Белоруссии. Московские кушаки и слуцкие пояса в силу духовной общности двух братских народов имели много общих черт. Их нетрудно заметить и в элементах, из которых складывался орнамент, особенно растительный, и в композиции рисунка, и в расцветке. Однако общие черты не заслоняют специфических черт этих замечательных образцов прикладного искусства русского и белорусского народов.

ПРОИЗВОДСТВО СЛУЦКИХ ПОЯСОВ

собенного расцвета достигло производство шелковых поясов в Белоруссии. Эти пояса получили название «слуцких» (по месту своего производства — г. Слуцк). Высокое техническое и художественное качество выполнения быстро составило поясам, изготовлявшимся в Слуцке, широкую известность. Наименование «слуцкие пояса» закрепилось за всеми длинными шелковыми поясами.

Такой расцвет производства поясов возник на основе высокоразвитого народного художественного ткачества.

В старинной колыбельной — «колыханке» поется:

Пайшоў Лёнік у лясок,
Знайшоў сабе паясок
Слуцкае работы.*)

Высокое качество пояса подчеркивается словами «слуцкае работы».

---

*) Р. Шырма. Беларускія народныя песні, загадкі і прыказкі, т. I, Мінск, 1947, стр. 166.

БЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТКАЧЕСТВО

Ткачество — одно из древнейших ремесел Белоруссии. Оно уходит своими корнями в глубокую древность. Археологические данные позволяют предполагать здесь наличие ткачества в X—XII вв. Материалом для ткачества являлся лен. При раскопках обнаружены также фрагменты тканей, выработанных из шерсти.

Ткачество на Белоруссии занимало значительное место в народном хозяйстве. В XVI—XVII вв. ткачество из крестьянского промысла начинает перерастать в городское ремесло. В некоторых городах и местечках возникают ткацкие цехи. В 1605 г. такой цех возник в Слониме. Его дальнейшее существование подтверждается грамотами 1609 и 1679 гг. В 1652 г. ткацкий цех был организован в м. Копыль. О нем упоминается в грамотах конца XVII — начала XVIII в.*)

Параллельно развивается феодальная эксплуатация труда крепостных ткачей. В феодальных поместьях и в монастырях создаются ткацкие мастерские, основанные на крепостном труде. Эти мастерские были доходными предприятиями и служили средством обогащения светских и церковных феодалов.

Феодалы-предприниматели в погоне за квалифицированной рабочей силой применяли метод принуждения. Наиболее сильные похищали крепостных ткачей у более слабых соседей или крепостили свободных. В 1568 г. Андрей Цихановский, например, жаловался в Слонимский земский суд на Николая Сапегу, который напал на его имение и похитил ткачих.**)

Подобные же случаи упоминаются и в XVIII в. в актах литовского трибунала.

Крепостные ткачи вырабатывали тонкие полотна, узорные ткани, скатерти, ковры и пр.

Ткацкие изделия крепостных мастеров отличались искусством и художественностью выработки. Это искусство имело свои традиции и создавалось рядом поколений. Льноводство, прядение и ткачество являлось одним из главнейших занятий белорусских женщин. Если в Средней Азии хлопок называется «белым золотом», то такое же значение для Белоруссии имел лен.[33]

Однако техника ткачества была весьма несложная. Все делалось на простых ручных станках. На них ткали грубые и тонкие полотна, дерюгу и узорные ткани. Качество выделки зависело от умения, мастерства самой ткачихи.

В белорусской народной поэзии о ткачихах говорится: «залатыя рукі, што тонка пралі, звонка ткалі да размысна ўзор клалі».

---

*) В. Семенов. Россия, т. IX, СПб., 1905, стр. 527 и след.
**) «Беларусь», 1947, № 3 (статья «Ткацтва на Беларусі»).

Здесь применялась древняя техника узорного тканья — «на дощечке», так называемая «браная» техника — «бранье», от слова «брать». О браных скатертях упоминается еще в былинах. [34] Браная техника способствовала выработке опыта узорного тканья. В дальнейшем этот опыт дал возможность белорусским мастерам быстро воспринять сложную восточную технику ткачества шелковых поясов и довести свое мастерство до высокого совершенства.

Пояс в одежде белорусского народа имел такое же значение, как и в одежде русского народа.

Одежда белорусов в своей основе близка к русской. Польское влияние, проявлявшееся в XVII и XVIII вв., не могло нарушить ее самобытности: польское платье обладает чертами, общими с одеждами восточных славян.

Пояс завершал и украшал одежду белорусов. Качество пояса определяло качество всей одежды.

В старинной белорусской песне дается образ молодого человека, который покорил сердце девушки:

Вось ідзець маладзец
Цераз матчын дварэц.
Ах, і Дунай!
Ён і тонак і высок,
І шаўковы паясок.
Ах, і Дунай!
Паглядзеўшы на яго,
Можна ісці за яго.
Ах, і Дунай!*)

Песня дает немногословную характеристику и молодого человека и его наряда. Упоминается только главное: «тонак, высок», а изо всей одежды один пояс — «шаўковы». Остальное становится понятным.

У каждого белорусского крестьянина всегда имелось по несколько поясов. «Появление без шапки и портов,— говорит Никифоровский,— не удивит сторонних так, как появление без опояски».**)

В белорусских «родинных» песнях в шутливой форме изображается растерявшийся молодой отец, торопящийся позвать повитуху:

Бяжыць Якімка па бабулічку,
Бяз пояса ў адным чобаці.

Или:

Там бяжыць, бяжыць
Андрэй маладэй,
Ён і босы і праставалосы,
А біс шубкі і біс пояса.***)

---

*) Р. Шырма. Беларускія песні, Мінск, 1955, стр. 108.
**) Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стр. 107.
***) Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. VIII, стр. 336.

В обеих песнях отсутствие пояса характеризует беспорядок в одежде.

Материал и внешний вид пояса зависели от его назначения, от сословного и имущественного положения его владельца. В народе были распространены пояса из льна, шерсти, вязаные, плетеные и тканые.

Обычно в каждом хозяйстве ткались пояса женские и мужские, верхние и нижние. Женские ткались на «ниту», а мужские — на обыкновенном ткацком стане браной техникой на 3—6—8 дощечках. Иногда стан заменялся колышками, вбитыми в стену или в землю. На эти колышки натягивалась поясная основа.*)

Пользуясь такой незатейливой техникой, белорусская ткачиха вырабатывала узорные пояса, отличавшиеся высоким качеством. «У иных поясов узоры настолько чисты и хороши,— замечает Никифоровский,— что с трудом верится в ручное домашнее производство поясов».**) Узорность и расцветка белорусских поясов отличаются большим разнообразием. Но все же имеется устойчивый тип.***)

Материалом для выработки поясов обычно была сученая шерсть и лен. Пояс для рубахи ткался по белой льняной основе красной шерстью. На белом поле выделялся геомертический орнамент, данный красной нитью. Концы украшались кистями («китицами») ****) или бахромой. Такой пояс невеста дарила жениху вместе с рубахой и портами.

Пояса для верхней одежды ткались из сученой шерсти различных цветов — красные, черные и другие.*****)

Длина мужских тканых поясов была весьма значительна — приблизительно одна сажень (около 2,20 м). Предполагалось два поясных обхвата и пол-аршина на концы. Ширина пояса для верхней одежды довольна условна — 1—1$^1/_2$ вершка. На верхнем поясе мужчины еще в начале нашего столетия носили калиту, нож и огниво.******)

ИЗ ИСТОРИИ СЛУЦКИХ ПОЯСОВ

В состоятельных слоях общества широкое распространение имели восточные шелковые пояса. Их носила шляхта и мещанство.

---

*) Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стр. 23.

**) Там же, стр. 108.

***) И. А. Сербов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 94, Петроград, 1916.

****) Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, стр. 124.

*****) «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 223.

******) Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стр. 23.

Шелковые пояса в большом количестве привозились из различных стран Востока. Торговля поясами шла через Западную Украину. Западная Украина — Галиция была издавна экономически развитой областью и вела торговлю с Востоком. Купцами были главным образом армяне, еще с XIV в. обосновавшиеся в Галиции, отчасти также турки, греки. В своей торгово-предпринимательской деятельности они были тесно связаны с Турцией и Персией, откуда привозились восточные пояса.

Армяне, поселившиеся во Львове, вели самую оживленную торговлю этими поясами.

Константинополь и Львов стали главными центрами торговли. Торговый дом польских армян Никоровичей сделался крупным предприятием, которое ввозило пояса с Востока. Никоровичи имели отделение в Константинополе, где время от времени пребывали сами или направляли туда доверенных лиц.

Счетная книга, которую Никоровичи вели от 1753 до 1774 г. то в Константинополе, то во Львове, дает сведения о торговле между двумя этими городами. В этой счетной книге называется ряд ткацких мастерских, производивших восточные пояса. Эти пояса Никоровичи скупали для рынка Речи Посполитой. Мастерские, расположенные в Константинополе и его окрестностях, принадлежали туркам, грекам, армянам, татарам.

По счетам, проводимым в книге, можно установить, какие центры производства поясов на Востоке снабжали через Константинополь рынок. Такими центрами были: в Малой Азии — Ангора (пояса ангорские), Брусса (пояса брусские), Марцифун (пояса марципановые); в Сирии — Алеппо (пояса алепские) и в Персии — Испогань (пояса испоганские). Привозились также китайские пояса значительной ценности.

Большой спрос на восточные пояса, их высокая стоимость (от 4 до 500 дукатов, дукат — около 3 золотых рублей), увеличивающаяся благодаря значительным накладным расходам, побудили купцов переключиться с торговли на промышленную деятельность.

Наиболее ранними фабриками, выпускавшими восточные тканые пояса, были фабрики польских армян — Якуба Пиатровича в Константинополе и Яна Марконовича во Львове.

Особенно производство восточных поясов получает развитие в областях Речи Посполитой, заселенных украинцами и белорусами. Оно начинается в XVIII в., возникая в юго-восточных воеводствах, т. е. в Галиции.

В Галиции возникает ряд производств кустарного типа, которые затем развиваются в персиарни. Росту производства поясов способствуют галицийские магнаты. Они берут персиарни под свое покровительство.

Персиарня, выпускавшая высококачественные пояса, доставляла владете-

лю такую славу, как хороший конский завод или другие предприятия, связанные с бытом феодалов. Особенно покровительствовал развитию производства поясов гетман Юзеф Потоцкий и его наследники. В галицийских владениях Потоцких возникает ряд производств, выпускавших пояса. Известны предприятия кустарного типа в Станиславе, Бродах, Бучаче и др. Особую известность получила персиарня в Станиславе. В 40-х годах XVIII в. здесь поселился армянин Миссиорович, положивший начало выработке шелковых восточных поясов. Но более важное значение для производства поясов в Станиславе, а впоследствии и Слуцке имела деятельность Яна Мажарского.

Ян Мажарский — талантливый мастер из Константинополя. Существует и другое предположение, что он был венгерский выходец, на что указывает фамилия Маджар — Мадъяр.

Деятельность Яна Мажарского создала славу производсту поясов в Станиславе. Оно быстро развивалось, и вскоре Станислав стал центром выработки шелковых поясов. Сюда для обучения направлялись мастера, работавшие в различных городах. Здесь наметился новый тип пояса, получивший свое полное развитие в Слуцке.

Вначале станиславские мастера следовали восточным образцам — стамбульским, персидским и другим. Но вскоре местные вкусы и потребности заставили мастеров переработать восточные образцы. Были внесены изменения в размер пояса, который стал короче и много уже, и в структуру орнамента; концы пояса получили самостоятельное орнаментальное значение; колорит приобрел многоцветность, большую яркость и начал строиться на резких контрастах.

Такая быстрая реакция на запросы потребителя объясняется, по-видимому, не только талантом мастера, но и характером производства: производитель соединял в одном лице и художника, и ткача, и продавца своей продукции.

Производство шелковых поясов быстро распространилось в западных областях Украины — Галиции, Подолии и Волыни. Известны персиарни в Пржеворске (у Любомирских), Кутконе (под Злочевым у Лозинских), Хелме (у Замойских), Угнове (у Дзержиков), в Сокале, Соколове, в Мендзыбоже (на Подоле у Сенявских, а позднее — у Чарторыйских), в Тирасполе и Корце на Волыни (у Чарторыйских).

СЛУЦКАЯ ФАБРИКА

Пояса, изготовлявшиеся в Слуцке, как уже говорилось, были очень высокого качества и приобрели большую известность. Слуцкие пояса служили образцом для других фабрик.

Слуцк — древний русский город в земле Дреговичей. Впервые он упоминается в летописи под 6624 годом, т. е. 1116 годом,*) как собственность вел. князя Киевского Владимира Мономаха.

В конце XIII в. Слуцк перешел к литовским князьям. В первой половине XV в. он стал крупным торгово-ремесленным центром и получил Магдебургское право. В XVI в. город достался князьям Радзивиллам.

Возникновение производства поясов в Слуцке имеет свою предисторию. По-видимому, первоначальное производство шелковых поясов было основано Радзивиллами в Несвиже, а затем переведено в Слуцк. В реестрах Несвижского архива 1743 и дополнительно 1751, 1754, 1758 годов приводится список поясов, подаренных Радзивиллом различным лицам. В списке эти пояса определяются как «богатые» и «простые». Однако этим и ограничиваются сведения о несвижских поясах.

Вместе с тем в 40—50-х годах XVIII в. в Слуцке уже имелась фабрика, выпускавшая галуны, позументы и другие золотные изделия.

По-видимому, соединение обоих производств (несвижского и слуцкого) и послужило основой для создания слуцкого производства поясов. Точное время его возникновения не выяснено. Известно, что в 50-е годы XVIII в. князь Михаил-Казимир Радзивилл, воевода виленский, основал в Слуцке фабрику поясов — персиарню.

Для своей фабрики князь привез в Слуцк персов и турок. Они вначале и были единственными работниками, воссоздававшими на Слуцкой фабрике персидские и турецкие образцы. Но вскоре в Станислав были направлены для обучения молодые работники Томас Хаецкий и Ян Годовский. Они-то и перенесли в Слуцк опыт Станиславской персиарни. Из Станислава было привезено также и оборудование. Через 10—15 лет фабрика стала обслуживаться местными силами, белорусскими рабочими.

Кадры искусных мастеров-ткачей были подготовлены всем предшествующим развитием народного ткачества. Они были способны быстро освоить сложную технику выработки шелковых восточных поясов. Ткачей вербовали либо из крепостных, либо из мещан.

Известны имена некоторых мастеров — Иосиф Барсук, Михаил Баранцевич, Кончило, Лойко и др.

Белорусские мастера переняли и творчески переработали восточное ремесло, придав ему национальный характер. Во главе фабрики был поставлен Ян Мажарский. Ему была поручена реорганизация слуцкого производства.

В договор, который был заключен между Радзивиллом и Мажарским, включалось обязательство выучить «хлопца той работе персидской».

---

*) Указатель к первому тому Полного собрания летописей. СПб., 1907, стр. 428.

Во время, свободное от княжеских заказов, Ян Мажарский получал право вырабатывать на фабрике пояса из собственного материала и продавать их. Это способствовало быстрому обогащению Мажарского. Впоследствии он даже стал кредитором наследника князя Михаила Радзивилла — Кароля-Кошки Радзивилла.

Так, около 1773 г. Ян Мажарский ссудил князю 30 тысяч злотых под залог фольварка Селки близ Слуцка. Помимо того, последний был должен Яну Мажарскому за пояса, взятые в кредит в разные сроки. В 1776 г. Ян Мажарский, пользуясь материальными затруднениями князя, выговорил себе право аренды на Слуцкую фабрику за 10 тысяч злотых в год.

Около 1778 г., после двенадцатилетнего управления, Ян Мажарский передал фабрику своему сыну Леону.

Время управления фабрикой Мажарским было порой ее процветания.

В период деятельности в Слуцке Яна Мажарского был создан тот тип пояса, который получил известность под названием «слуцкого пояса». В основу был положен пояс, выработанный в Станиславе. Связь с восточными образцами стала весьма отдаленной.

Слуцкий пояс приобрел гармоничное соотношение частей. Выработалась четкая структура орнамента. Число орнаментальных мотивов на концах ограничивается двумя, как редкое исключение встречаются пояса с одним или с тремя мотивами. Орнаментация получила известную устойчивость. Излюбленными видами орнамента концов стали: сложный орнаментальный мотив, состоящий из овала, окруженного листвой с отходящими стеблями и цветами; цветы на длинном стебле с ответвлениями, выходящие из поземи либо из ваз; букеты цветов, заключенные в волнообразное обрамление.

Нередко в орнамент начали включаться цветы местной флоры — васильки, незабудки и др.

Орнаментация всех частей пояса утратила восточную стилизацию и неподвижность. Она приобрела реалистические черты в трактовке, становясь более свободной.

Значительным достижением ткацкого мастерства на Слуцкой персиарне было введение двусторонних четырехлицевых поясов. По-видимому, к тому времени может быть также отнесена обшивка концов бахромой.

Образцом изделий Слуцкой персиарни периода деятельности Яна Мажарского могут служить два пояса (V и VI) собрания Государственного Исторического музея.

Пояс № 8/20094 (V). Пояс этот шелковый, золотный, односторонний (разм. 3,43×0,28). Серединк его заткан золотной чешуйкой по алому полю. По краю пояса сделан узор из букетов алых и голубых цветов с зеленью на золотном поле. На концах — по золотному полю два букета голубых и алых

цветов головками к середнику. На одном конце по двум углам в вертикальном направлении к узору конца в две строки ткана метка: в верхней строке «me fecit», в нижней — «Sluciae». На другом конце, в том же направлении в две строки ткано: в верхней «Ioannes», в нижней — «Madzarski».

Пояс № 106/20087 (VI). Пояс этот золотный, односторонний, одноцветный (разм. 3,19×0,29). Середник его в поперечных полосах.[35] В двух нижних углах окаймления ткана метка: «me fecit Sluciae» — «меня сделал Слуцк». Концы обшиты золотной бахромой.

Редкими образцами изделий фабрики этого периода являются следующие пояса (VII и VIII) собрания Государственного Исторического музея.

Пояс № 42/20419 (VII). Пояс этот шелковый, с золотной нитью, односторонний (разм. 3,65×0,20). Ткан он в неярких алых, синих и зеленых тонах. Середник его в поперечных полосах, гладких и заполненных цветочным орнаментом. Край золотный, орнаментированный отдельными небольшими букетами. На концах по золотному полю ткано по одному орнаментальному мотиву. Мотив состоит из стебля с цветами различных видов. Цветы обращены головками к середнику.

По обе стороны орнаментального мотива, в двух верхних углах, ткано по одной небольшой птице. По двум нижним углам тканы небольшие изображения женской фигуры и какого-то животного, обращенные к орнаментальному мотиву. На обоих концах по двум нижним углам обрамления в вертикальном направлении к узору ткана метка — на одном конце в две строки: в верхней строке «me fecit», в нижней — «Sluciae»; на другом конце также в две строки: в верхней «Ioannes», в нижней — «Madzarski». Как особенность пояса следует отметить его незначительную ширину (20 см) и редкий случай орнаментации конца — один мотив и малые изображения человеческих фигур, животных и птиц.[36]

В годы управления фабрикой Леона Мажарского дело продолжало развиваться. Реформы в 90-х годах XVIII в. в Речи Посполитой сказались на положении самого Леона Мажарского. Конституция 3 мая 1791 г. открыла ему доступ в ряды шляхты. В 1792 г. он стал камергером при дворе Станислава Августа. Политические события в стране и политические симпатии владельца фабрики получили отражение и на продукции Слуцкой персиарни.

После уничтожения автономии Литвы, в состав которой входила Белоруссия, и полного объединения ее с Польшей, Слуцкая фабрика выпустила пояса с меткой в виде польского государственного герба — одноглавого орла с короной (см. XLI).

Отмена конституции 3 мая была отмечена выпуском зеленых поясов, затканных серебром. Зеленый цвет символизировал надежду и месяц май. Такие пояса носились сторонниками конституции 3 мая в знак протеста и на-

зывались «позитивками». После присоединения центральной части Белоруссии к России в 1793 г. эти зеленые пояса были запрещены.

Неблагоприятно сложившиеся для Польши политические условия заставили Леона Мажарского сначала свернуть производство наполовину, а затем, в 1792 г., совсем от него отказаться.

Деятельность Леона Мажарского как руководителя производства выражалась в дальнейшей разработке полученного им наследия. Он приступил к руководству персиарней, когда тип слуцкого пояса приобрел полную законченность. Поэтому Леон Мажарский занялся разработкой орнаментации середника — той части пояса, которой раньше уделялось наименьшее внимание. Вместо чередования одинаковой ширины полос, различающихся цветом и орнаментом, Леон Мажарский вводит сложную игру последования комплексов полос различной ширины, цвета и орнамента. Эти комплексы строились на контрасте размеров, оттенков и орнаментации входящих в них полос. Применялось сопоставление геометрического орнамента с цветочным.

Орнаментация концов продолжала сохранять излюбленные мотивы. Колорит пояса приобретал более яркие тона, орнамент концов обводился черной контурной линией. В орнамент постоянно вводились цветы местной флоры. Бахрома стала неотъемлемой частью пояса.

К начальному периоду самостоятельной деятельности Леона Мажарского относится пояс № 408/79510 (XII) собрания Государственного Исторического музея. Пояс этот шелковый, золотный, двусторонний, четырехлицевой (разм. 2,68×0,34). Середник его в поперечных полосах. На одной стороне две лицевые половины — оранжевая и палевая с золотной разделительной полоской. С обратной стороны лицевые половины — светло-синяя и палевая также с разделительной золотной полоской.

Край золотный, с темно-зеленым побежком, на другой стороне расцветка обратная. На концах по золотному полю цветным шелком ткано по два букета цветов. Цветы обращены головками к середнику. На одном конце по двум нижним углам окаймления ткана латинскими буквами метка в прямом и обратном порядке: «Sluck». На другом конце в окаймлении по двум нижним углам тканы буквы «S. F.» — «Sluck fecit» — «Слуцк сделал».

К тому же периоду относятся и следующие пояса собрания Государственного Исторического музея (XIII—XX).[37]

С присоединением Белоруссии к России Слуцк в 1795 г. делается уездным городом Минского наместничества. В рапорте Минского губернского правления 1797 г. имеется ведомость о мануфактурах за 1796 г. В этом документе упоминается «в местечке Слуцке принадлежащая малолетнему князю Доми-

нику Радзивиллу мануфактура польских кушаков шляхтича Леона Мажарского».*)

За время своего существования Слуцкая фабрика, кроме поясов, иногда вырабатывала золотные шелковые ткани и отдельные тканые предметы.

В Ярославском краеведческом музее, например, хранятся два омофора (часть православной культовой одежды), как бы литые, серебряные, с красочной цветочной каймой. Один из них — № 1796 (XXI). В кайме — цветы голубые и светло-алые. В углу есть метка «Sluck». По-видимому, эти омофоры вытканы по специальному заказу. Метка латинским шрифтом «Sluck» дает возможность отнести омофоры ко времени не позже середины 80-х годов XVIII в.

В Государственном Историческом музее имеются два фрагмента короткой одежды, по-видимому, женской (№ 1593/20751 и 1596/2075). На обоих фрагментах по краю идет широкая белая атласная лента-кромка с тканой надписью русскими буквами — «Слуцкъ». Ткань может быть отнесена к концу XVIII в.

В 1807 г. аренда Леона Мажарского окончилась и фабрика перешла в непосредственное управление хозяйства Радзивиллов. Управляющим был назначен белорус, бывший писарь Фома Барсук.

Слуцкая фабрика работала до 1844 г. Однако характер продукции последнего периода (1807—1844 гг.) совершенно меняется. После присоединения Белоруссии к России в начале XIX в. было запрещено носить кафтаны (кунтуши). В связи с этим исчезла потребность в слуцких поясах, и выработка их прекратилась. Слуцкая фабрика стала выпускать узорчатые и золотные ткани, главным образом для нужд церкви.

О размере производства Слуцкой персиарни можно судить по архивным данным. В рапорте Минского губернского правления 1797 г. в ведомости о мануфактурах за 1796 г. говорится, что фабрика Леона Мажарского производит поясов «шелковых с золотом до 200 штук в год».**)

Зарновецкий в своей работе ***) указывает, что на персиарне Мажарского имелось 24 ручных стана для выработки поясов. Если сопоставить приводимые данные, получается, что на каждом стане за год вырабатывалось в среднем 45 м тканых поясов. Выше нами уже приводились сведения о количестве продукции, вырабатываемой каждым ткачом шелковых поясов на фабрике князя Юсупова. Каждый ткач вырабатывал в месяц около 3 аршин, т. е. 2 м 16 см, в год — около 26 м. Надо учитывать, что выработка московских

---

*) И. Зеленский. О мануфактурах Минской губернии. Описание Минской губернии. 1864.

**) Там же.

***) D-r Longin Zarnowiecki. Historya tkanin jedwabnych, Kijów, 1915, стр. 114.

поясов была менее трудоемкой, чем выработка слуцких, поэтому можно допустить, что в Слуцке на каждый стан приходилось в среднем по два ткача. Следовательно, в 1796 г. общее количество ткачей на Слуцкой персиарне было приблизительно 48 человек. Если принять во внимание, что еще до 1792 г. производство было свернуто наполовину, то, по-видимому, общее количество рабочих в период расцвета фабрики достигало 100 человек или более.

Для мануфактурного производства Слуцкую персиарню можно считать крупным предприятием.

Нам неизвестно происхождение ткацких станов. Возможно, что они были изготовлены на месте. Часть инструментария доставлялась из-за границы. Например, металлические катки для прокатывания золотных поясов литых были по частям тайно привезены из Константинополя Яном Мажарским, но затем их изготовление было освоено местными мастерами в Слуцке.

Материал для ткачества — шелк, золотная нить и др. привозился из-за границы через Гданск.

ПРОДУКЦИЯ СЛУЦКОЙ ФАБРИКИ

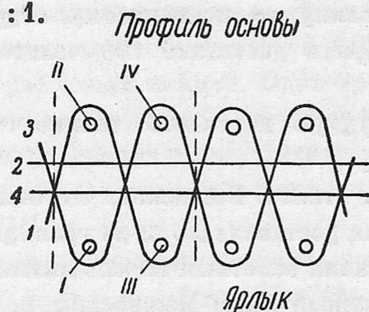
Слуцкие пояса изготовлялись на ручных станах. Основа у слуцких поясов всегда шелковая, уток — либо шелковый, либо золотной нити. Переплетение основы и утков армюрное, т. е. производное от гарнитура. Часто ткань пояса бывает двухлицевой. Это достигается тем, что на одной основе здесь два утка разных цветов.

На горизонтальном стане с бердом могло работать по четыре человека. Поэтому ткань пояса на каждой стороне иногда имеет по два лица — различных по цвету и рисунку. Такие пояса по всей длине имеют две половины. Каждая половина имеет два разных по цвету утка. В гладких полосах один уток проходит сверху, другой — снизу. Переменой мест утка может достигаться узорность.

Для более точного ознакомления с техникой ткачества слуцкого пояса ниже приведем технический анализ. Анализ произведен преподавателем ткацкого производства и заведующим ткацкими мастерскими Московского художественного промышленного училища им. Калинина В. С. Молчановым.

Для анализа взят фрагмент середника слуцкого пояса № 150/20102 (XXII) собрания Государственного Исторического музея. Ткань его шелковая, золотная, односторонняя, в поперечных полосах. Гладкие синие полосы чередуются с золотными, заполненными травным узором. Узор выполнен алым, зеленым и светло-синим шелком.

Строение ткани: ткань по переплетению однолицевая и состоит из двух основ и двух утков с несколькими дополнительными утками «броше». Одна основа прижимная, вторая заполняющая. Отношение нитей основ, как **1 : 1**.

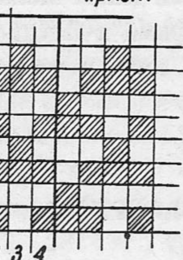
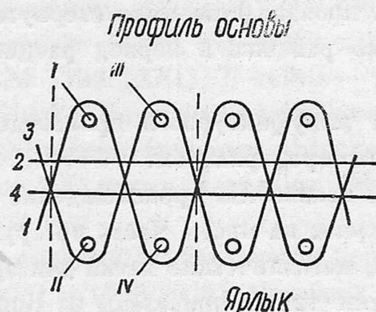

Рис. 1.

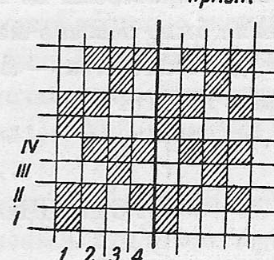
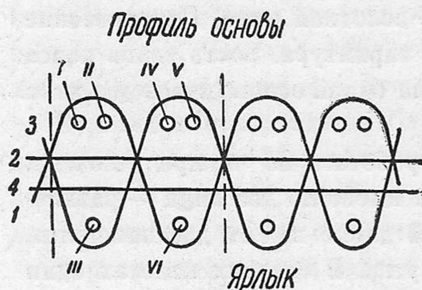

Рис. 2.

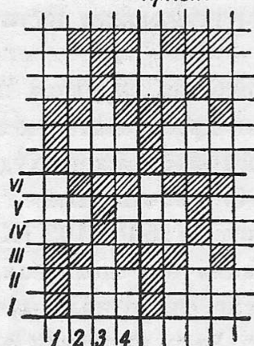

Рис. 3.

На лицевой стороне пояса узор выработан цветными утками, которые совершенно закрывают нити основы.

Прижимная основа переплетается с утками полотняным переплетением, а заполняющая, находясь на середине, разделяет утки на верхние и нижние.

Выработка пояса на стане ведется лицом вниз. Узор пояса выполняется тремя переплетениями:

1-е переплетение — фон из мишуры (рис. 1). Профиль и канвовый рисунок переплетения (ярлык).

2-е переплетение — окантовка фигур (рис. 2). Профиль и канвовый рисунок переплетения.

3-е переплетение для утков «броше» (рис. 3). Профиль и канвовый рисунок переплетения, он же ярлык.

Заправочная запись: пояс слуцкий шелковый с мишурой, ширина 32 см, длина 3—4 м.

Плотность основы: 36 нитей на 1 см, из которых 18 нитей прижимной основы, шелк натуральный № м — 450, и 18 нитей заполняющей основы, тоже шелк натуральный № м — 450, три за одну.

Плотность утка: 88 прокидок на 1 см, из которых 44 прокидки мишуры золотой или серебряной № м — 18 и 44 прокидки, шелк натуральный № м — 310, крашеный.

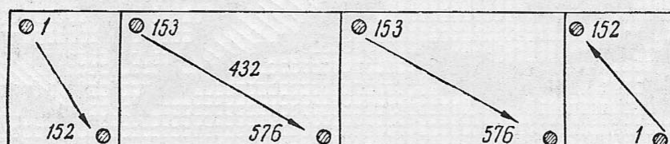

Рис. 4.

Переплетение: жаккардовое, типа двухлицевых из утка с добавочными утками «броше» и с заполняющей основой.

Середина узора (пояса) состоит из 2 рядовых частей по 12 см шириною; по краям идут каймы с обеих сторон симметричные, по 4,2 см шириною — это определяет проборку кассейной доски в ткацком стане.

Сновка: I навой заполняющей основы — 576 нитей 3/1 (три за одну)
II навой прижимной основы — 576 нитей + для закраек по 2 нити 8/1 (восемь за одну) с каждой стороны.

Жаккардова машина: 6-сотка.

576 крючков под рисунок, по 2 конца арката на каждый, всего 1156 концов арката.

Кассейная доска: 1156 отверстий, проборка, смешанная по рисунку (см. рис. 4), ширина 32 см.

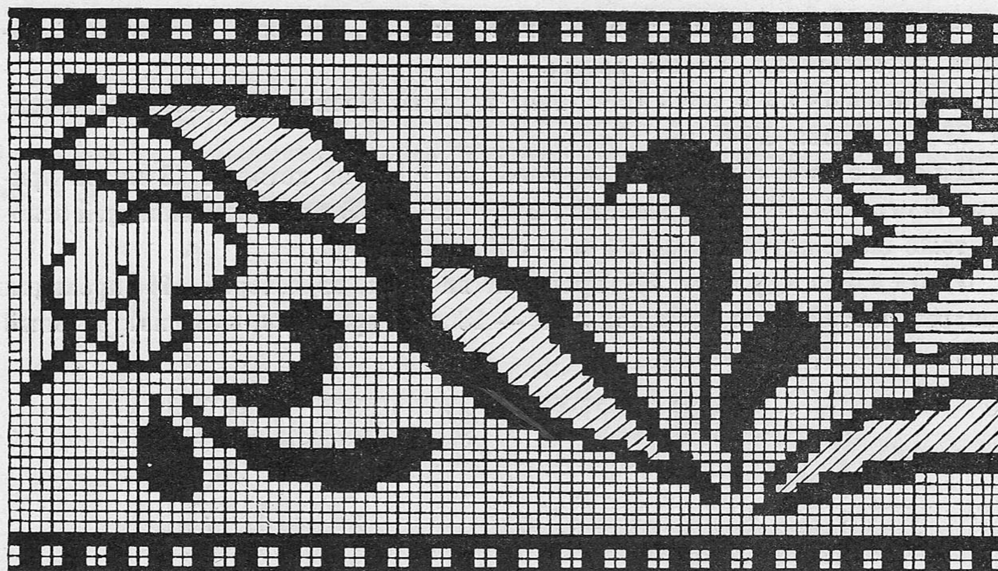
Проборка основы: в лица жаккардовой машины рядовая, порядок проборки основ: одна нитка прижимной основы, одна нитка заполняющей основы и т. д.— в таком порядке ведется проборка нитей основы.

Бердо: 578 зубов, по 2 нити в зуб, ширина 32 см, № м — 180.

РАСЧЕТ ПАТРОНА И ЗАПИСКА НАСЕКАЛЬЩИКУ

Патрон выполняется по способу заливки (сплошная закраска каждого эффекта) (см. рис. 5).

В патроне узор выполнен тремя переплетениями, которые соответствуют трем цветам краски в патроне:

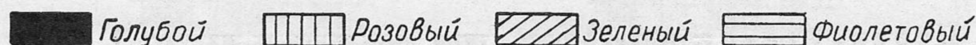

Рис. 5.

1) белый фон (бель) соответствует настилу утка из мишуры золотой или серебряной;

2) голубой цвет в патроне соответствует настилу коричневого утка;

3) цвета зеленый, розовый и другие в отдельных местах узора соответствуют цветным уткам «броше» (утком «броше» называется уток, который прокладывается только в местах своего узора, а не по всей ширине ткани, как обычные утки).

В одном вертикальном междустрочии канвового рисунка считается 4 нитки основы (2 прижимных и 2 заполняющих), которые соответствуют 4 крючкам жаккардовой машины.

В одном горизонтальном междустрочии считается 4 прокидки утка (2 для лицевой стороны и 2 для изнаночной), что соответствует 4 картам жаккардовой машины; а в местах утков «броше» горизонтальная строка будет равняться 6 картам, т. к. добавятся 2 карты для утков «броше».

Цвета красок патрона для каждой карты насекаются по рисункам-ярлыкам (рис. 1, 2, 3) так:

1-я карта для утка мишуры:

Бель — фон — с патрона просекается по первой строке ярлыка (рис. 1).

Голубой и все остальные цвета просекаются по первой строке ярлыка (рис. 2 и 3).

2-я карта для коричневого утка:

Бель и утки «броше» просекаются по второй строке ярлыка (рис. 1).

Голубая краска просекается по второй строке ярлыка (рис. 2).

3-я карта для утка мишуры:

Просекается, как первая, только в ярлыках (рис. 1, 2 и 3) читаются третьи строки.

4-я карта для коричневого утка:

Просекается, как вторая карта, только в ярлыках (рис. 1 и 2) читаются четвертые строки.

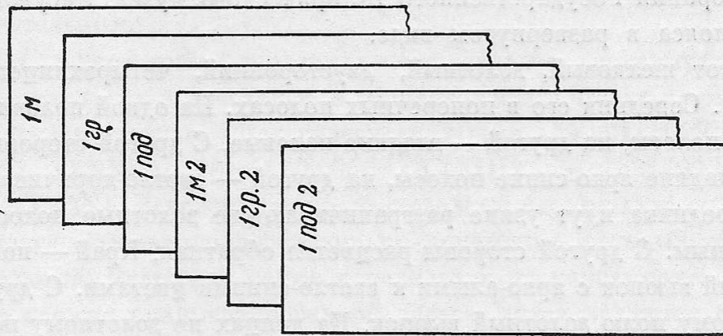

Рис. 6.

Эти 4 карты для утков мишуры и шелка коричневого называются грунтовыми, т. к. они пробрасываются во всю ширину ткани в отличие от утков «броше», которые называются подкладными.

В местах патрона, где будут утки «броше», для них просекаются отдельные карты, подкладные; они будут занимать место после второй карты коричневого утка и после четвертой карты коричневого утка. Просекаются эти карты так:

1-я подкладная карта, идущая после второй грунтовой карты, для утков «броше» просекается в местах красок утков по третьей строке ярлыка (рис. 3);

2-я подкладная карта, идущая после четвертой грунтовой карты, просекается в местах краски утков «броше» по шестой строке ярлыка (рис. 3).

Все карты, насеченные с одной строки патрона, нумеруются одной и той же цифрой, обозначающей номер грунтовых прокидок одной строки патрона, имея лишь буквенное обозначение в дополнение к цифре грунта, для правильной ориентировки их порядка (см. рис. 6).

* * *

Слуцкий пояс представляет собой длинное шелковое полотнище с выработанным узором, иногда в большей или меньшей степени затканное золотной нитью. Длина и ширина полотнища не имеют определенных размеров. Длина колеблется от 2 до $4^{1}/_{2}$ м. Ширина — от 20 до 40 см.

Как было уже сказано, пояса ткались однолицевые, двухлицевые и четырехлицевые. Однолицевые пояса имели изнанку. Двухлицевые пояса могли либо совсем не иметь её — обе стороны лицевые, либо иметь — одна сторона двухлицевая. Такие пояса складывались пополам по ширине во всю их длину.

Слуцкий пояс состоит из трех частей — середник с окаймлением и два конца. Типовым образцом слуцкого пояса может служить пояс № 74/20931 (XXIII) собрания Государственного Исторического музея. Рисунок дает изображение пояса в развернутом виде.

Пояс этот шелковый, золотный, двусторонний, четырехлицевой (разм. 3,76×0,36). Середник его в поперечных полосах. На одной половине гладкие оранжевые полосы, на другой — гладкие палевые. С другой стороны на одной половине гладкие ярко-синие полосы, на другой — светло-коричневые. Во всю ширину середника идут узкие разграничивающие золотные полосы, оконтуренные черным. С другой стороны расцветка обратная. Край — по золотному полю черный вьюнок с ярко-алыми и светло-синими цветами. С другой стороны по черному полю золотный вьюнок. На концах по золотному полю по два крупных букета цветов головками к середнику (XXIV). Цветы ярко-алые и светло-синие, листва черная. С другой стороны поле черное, листва золотная.

На одном конце пояса в окаймлении по двум нижним углам, в одну строку, в прямом и обратном порядке ткана метка латинскими буквами «Sluck». Концы обшиты золотной бахромой.

Слуцкие пояса насыщались в различной степени золотной нитью (серебряной и золоченой).

Имелся особый вид пояса с золотной нитью, так называемый «литый». Его лицевая сторона была густо заткана золотной нитью, так, что не видно было шелковой основы. Образцом литого пояса может служить пояс из собрания Государственного Исторического музея № 66/21383 (XXV).

Пояс этот шелковый, золотный двусторонний, двухлицевой (разм. 3,83× ×0,29). Середник — по золотному полю орнамент из расположенных рядами клейм с трилистниками внутри. Клейма и трилистники темно-коричневые. Край — по золотному полю орнамент из волнистой ленты и шестилепестковых цветов. Ленты и цветы темно-коричневые. На концах по золотному полю ткано по два темно-коричневых букета некрупных цветов. Букеты обращены цветами к середнику. На противоположной стороне расцветка обратная. На одном конце в окаймлении по двум нижним углам в прямом и обратном по-

рядке ткана метка латинскими буквами «Sluck». Концы обшиты золотной бахромой.[38]

Излюбленными сочетаниями в расцветке слуцких поясов были оранжевый с синим и с золотом, алый с синим и с золотом и др.[39]

Каждая часть слуцкого пояса имеет свою разработанную орнаментацию. Середник пояса чаще всего орнаментировался поперечными полосами, разделенными линиями мелко-точечного, горошчатого, фигурного орнамента или тонкими полосками. Эти полосы могут быть одинаковы по ширине или чередующимися узкими и более широкими. Полосы бывают гладкими и орнаментированными. Подобный характер орнаментации середника глубоко национален и до сих пор сохранился в белорусском народном ткачестве.

Реже орнамент середника делался сетчатым, чешуйчатым, в горошек; еще реже — растительным.

Образцами оформления середника чешуйчатым орнаментом, в горошек и растительным в сочетании с геометрическим могут служить пояса собрания Государственного Исторического музея № 51/21410 (XXXI), № 330/21337 (XXXII), № 413/80056 (XXXIII), № 7/21409 (XXXIV), № 53/20083 (XXXV). Встречаются пояса с гладким середником.

Кайма пояса довольно однообразна по орнаменту, который обычно бывает растительный. Часто эта кайма переходит и на концы пояса.

Наиболее сложно орнаментированной частью пояса являются его концы. В большинстве орнамент концов состоит из двух растительных мотивов, иногда окруженных побежком. Редко число мотивов достигает трех, как исключение встречаются пояса с одним мотивом. Мотивы бывают в виде дерева с корнями, деревьев или цветов, растущих из вазонов, букетов цветов в вазах, без ваз и реже венков. Иногда встречаются мотивы с человеческими фигурами и изображениями животных.

От середника конец отграничивается промежуточной линией либо полоской травного орнамента. Такая же линия или полоска завершает нижний край конца. Иногда конец имеет самостоятельное окаймление. К нижнему краю конца обычно пришивалась шелковая или золотная бахрома.

Бахрома делалась из шелковой нити различной степени крученности, что придавало ей большую или меньшую упругость. Она обычно свисала отдельными нитями. Иногда нити бахромы около основания делились на пасмы, перебирались и скреплялись поперечной нитью. Такие переборы, повторяясь и дробясь, образовывали своеобразную решетчатость. Ниже нити падали свободно, отдельными пасмами. Длина бахромы бывала различна — от 0,5 до 0,20 м. Бахрома обычно делалась однотонной. Цвета бахромы — преимущественно золотистый различных тонов и белый.

У золотных поясов бахрома делалась золотной — золотой или серебряной.

У двухлицевых золотных поясов (золотых и серебряных) бахрома делалась в одной половине золотая, в другой — серебряная.

В отдельных случаях встречаются пояса с бахромой двух и более цветов. Цвета повторяют основной тон пояса. На траурном поясе (см. XLII), тканом в черном и белом цветах, бахрома состоит из черных и белых нитей.

На поясе собрания Государственного Исторического музея № 73/20111, тканом в светло-коричневых, светло-синих тонах с участием белого цвета, бахрома состоит из нитей соответствующих цветов.

Бахрома составляет типичную особенность слуцких поясов. Она не представляет собою органического целого с поясом, т. е. не является продолжением основы, как это бывает на московских поясах. Бахрома слуцких поясов всегда пришивается к концам. На восточных поясах также встречается пришивная бахрома. Однако на восточных поясах она представляет явление не типичное, а скорее случайное. Завершение слуцкого пояса бахромой было взято не от восточной традиции. Оно, по-видимому, было продиктовано местными вкусами. Народный белорусский тканый мужской пояс обычно завершается кистями либо бахромой.*) Возможно, что белорусская традиция завершения пояса была перенесена на оформление слуцкого пояса.[40]

Как уже упоминалось, на концах поясов ткалась производственная метка. Этот обычай имеет непосредственную связь с традициями восточного производства.

На слуцких поясах метка, по-видимому, появилась с самого начала их производства или с начала управления фабрикой Яном Мажарским. Метка обычно ставилась в двух нижних углах конца пояса. Большей частью она ткалась на обоих концах, реже — на одном.

Метка имела различные формы. Имя и фамилия Мажарского в латинской транскрипции всегда давались полностью — в начертании прямом и обратном. Обозначение места производства — также в латинской транскрипции — в прямом и обратном начертании либо полностью, либо инициалами (в последнем случае имя и фамилия Мажарского совсем не выставлялись).

На поясе № 42/20419 (VII) метка располагается по обоим концам. На одном конце в каждом нижнем углу в две строки выткано: в верхней строке «Ioannes», в нижней — «Madzarski». На другом конце, также в две строки, по двум углам выткано: в верхней строке «me fecit», в нижней — Sluciae» — «меня сделал Слуцк».

Имеется и другой вариант метки в латинской транскрипции. Только на одном конце пояса, в одном — левом нижнем — углу в две строки выткано: в верхней слитно «mefecit», в нижней — «Sluciae» (VI).

*) И. А. Сербов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 94, Петроград, 1916, стр. 5.

Особый интерес представляет метка на поясе № 408/79510 (XII). На одном конце в левом нижнем углу каймы в горизонтальном положении по отношению к орнаменту конца вытканы две латинские буквы «S. F.». На другом конце в правом углу каймы стоит по-латыни «Sluck». Обычно пояса с меткой «S. F.» относят к изделиям фабрики S. Filsjean в Кобылках под Варшавой. «S. F.» расшифровывают как имя и фамилию владельца фабрики.

На поясе № 408/79510 имеются одновременно две метки — «S. F.» и «Sluck». Обозначение места производства «Sluck» позволяет с неоспоримостью утверждать, что данный пояс является изделием фабрики Мажарского. Буквы «S. F.» могут быть расшифрованы как метка в латинской транскрипции «Sluciae fecit». Возможно что пояса, носящие только одну метку «S. F.» и имеющие черты слуцкой продукции, являются изделиями Слуцкой персиарни. Обоснованием нашего предположения может служить тот факт, что многие пояса с меткой «S. F.» своим узором, расцветкой, материалом буквально повторяют пояса с метками «Sluck», «mefecit Sluciae» и др.

Имеется метка и в польской транскрипции на поясе Государственного музея этнография народов СССР № 1827—2 (XLI). Пояс этот шелковый, односторонний, ткан в темно-алых тонах с серебром (разм. 3,23×0,38). Середник его полосатый, в полосах узор из огурцов и дубовых листьев. На концах по серебряному полю тканы темно-алые ирисы. На концах ткана метка. Она состоит из изображения двух польских государственных орлов, одноглавых в короне, расположенных по обе стороны орнаментального мотива конца. Ниже выткано по-латыни «Sluck» — обозначение места производства. Буквы расположены по вертикали. Возможно, что такая метка ставилась в годы объединения Литвы с Польшей, т. е. между 1791 и 1793 годами.*)

Были распространены метки в русской транскрипции. Эти метки имеют начертания латинским шрифтом и русским.

На поясе Государственного музея этнографии народов СССР № 3392—1 на конце, например, латинским шрифтом выткано в две строки: в верхней строчке слитно «Wogradae», в нижней — «Sluckae». Пояс этот шелковый, односторонний, ткан в коричневых и желтых тонах (разм. 3,31×0,39). Бытовал он на Украине.

На поясе собрания Государственного Исторического музея № 39/21941 на одном конце в двух нижних углах по-русски в две строки выткано: в верхней строке «Лео Ма», в нижней — «жарский». На другом конце, также в двух нижних углах, в прямом и обратном порядке в две строчки по-русски выткано: в верхней строке слитно «въграде», в нижней — «Слуцке».

---

*) Конституция 3 мая 1791 г. уничтожила автономный строй Литвы и полностью объединила Литву с Польшей. В 1793 г. Белоруссия, входившая в состав Литвы, отошла к России. Стало быть, метка с польским орлом могла появиться не ранее 3 мая 1791 г. и не позже 1793 г.

Метки с русской транскрипцией латинским и русским шрифтом появляются в середине 80-х годов XVIII в. Это может быть объяснено вначале усилением экономических связей с Россией, впоследствии — политическим объединением.

Как и восточные кушаки, слуцкие пояса надевались на верхние одежды. Такие пояса завязывались спереди узлом, концы одинаковой длины спускались по бокам. Слуцкие пояса надевались в самых различных случаях жизни. Они бывали будничные, праздничные, свадебные и траурные.[41]

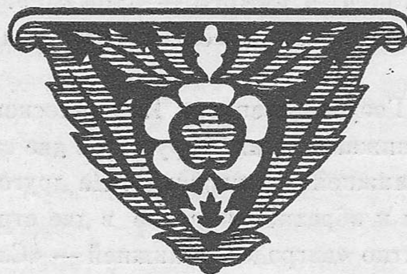
Пояса надевали различными способами — по стану, выше стана или ниже, туго или свободно, прямо или набок. Это зависело либо от обычая, либо от вкуса носящего пояс. Способ ношения пояса можно проследить по портретам XVIII в., которые хранятся в Государственном Историческом музее.

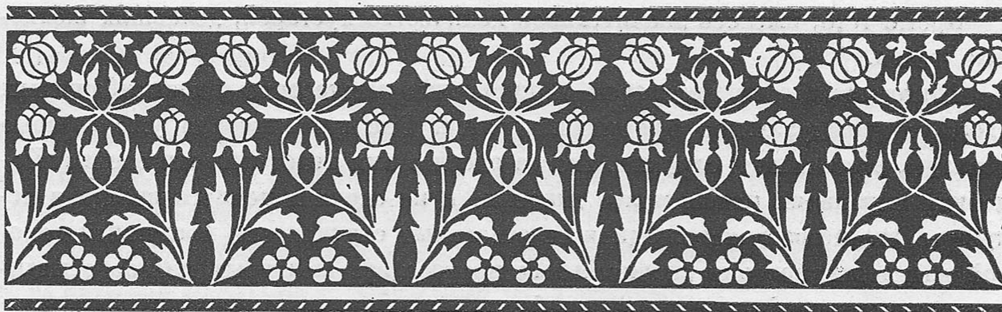
Пояса слуцкого производства вытеснили восточные и получили широкое распространение среди состоятельных слоев. Шляхта, богатое мещанство, казачья старшина были основными потребителями Слуцкой персиарни.

В Черниговском историческом музее, например, имеется ряд поясов слуцкой работы, бытовавших среди казачьей старшины. Образцами могут служить пояса № 3827—И—482 и № 3828—И—485.

Первый пояс — двусторонний, затканный золотом и серебром с цветами и арабесками разных цветов. С одной стороны фон золотой и серебряный, а с другой — темно-коричневый с золотыми и серебряными цветами и арабесками. На одном конце надпись: «В граде Слуцке». Бахрома золотая, длинная.

Второй пояс — двусторонний, шелковый, пестрый. С одной стороны — на желтом фоне темно-коричневые цветы и на зеленом и белом желтые арабески; с другой стороны — на темно-коричневом фоне желтые цветы, а на желтом фоне голубые и белые арабески. На всех углах буквы «S. F.». Бахрома желтая, шелковая.

ВЛИЯНИЕ СЛУЦКОЙ ФАБРИКИ НА ПРОИЗВОДСТВО ПОЯСОВ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

прос на слуцкие пояса был настолько велик, что вызвал появление многих персиарен, расположенных в различных частях Речи Посполитой.

На территории Белоруссии наиболее известны были персиарни в Несвиже, в Жмигрудах (около Горлиц, у Радзивиллов), в Ружанах (воеводство Новогрудское, у Сапегов), на Подлясьи (у князя Михаила Огинского), в Кореличах, Городнице и Ласосне (под Гродно).

На территории Польши получили известность персиарни в Кобылках и Липкове (под Варшавой), ряд производств в Кракове, производство в Джевицах (под Радомом). И, наконец, производство в Гданске, в предместье Шидловце. Эти производства находились под сильным влиянием Слуцкой фабрики. Обычно пояса этих персиарен шли под названием «слуцких поясов».

В большинстве случаев персиарни основывались магнатами или представителями шляхты, которые передавали дело предпринимателям так же, как и в Слуцке. Это объясняется тем, что по законодательству, существовавшему в Речи Посполитой до 1791 г., торгово-предпринимательская деятельность была запрещена феодальному сословию под угрозой лишения шляхетского достоинства.

Кроме того, имелось значительное количество кустарей, делавших шелковые пояса.

Обыкновенно эти персиарни и кустарные мастерские не вырабатывали своего индивидуального оформления пояса. Они использовали уже готовые образцы, восточные и слуцкие, иногда внося в них некоторые изменения. Подобные персиарни имели малое значение и не сделали ценного вклада в искусство ткачества поясов. Однако в отдельных случаях они послужили основой для возникновения значительных производств шелковых поясов с индивидуальными особенностями разработки орнамента.

Такие производства выработали разновидность слуцкого пояса, которую можно назвать «польским» типом. В основу польского пояса были положены размеры, членение и структура орнамента, разработанные на Слуцкой персиарне под руководством Яна и Леона Мажарских.

Отличие польских поясов от слуцких заключается в характере орнамента и колорите. В отдельных случаях используется орнаментация слуцких поясов, но в самостоятельной трактовке. Тип польского пояса был разработан рядом персиарен. Начало положила фабрика в Гродно. Последующее развитие шло на варшавских фабриках (Кобылки и Липково). Заключительный этап выработки польского пояса — Корец на Волыни. Польские пояса можно рассматривать как дальнейшую разработку форм слуцкого пояса.[42]

Персиарня в Кобылках была основана Унругом, старостой Хамерштинским, и передана предпринимателю французу S. Filsjean. В 1778 г. техническое руководство предприятием перешло к F. Selimand.

В Кобылках развертывается второй этап деятельности F. Selimand. Как и в Гродно, он и здесь поднимает продукцию персиарни на высокий уровень. Это был период расцвета персиарни. Пояса выработки F. Selimand отличаются большим изяществом орнаментации и красотой расцветки.

На поясах персиарни в Кобылках ставилась метка. Метка ткалась в окаймлении концов пояса по нижним углам и имела несколько вариантов. Концы обшивались бахромой.[43]

Высокого качества достигли также пояса Липковской персиарни. Она принадлежала Якову Пасхалису.

Яков Пасхалис (армянин, родом из Такату в Малой Азии) с 1761 г. поселился в Речи Посполитой. Он был купцом, торговавшим в Варшаве восточными товарами и основавшим здесь персиарню. Другую персиарню Я. Пасхалис основал под Варшавой в фольварке Липково. Здесь производством руководил ученик F. Selimand, имя которого неизвестно. В 1789 г. Я. Пасхалис заключил договор с F. Selimand о руководстве персиарней в Варшаве.

Впоследствии эта персиарня была переведена в Липково и объединена с уже имевшейся здесь фабрикой. Руководство было поручено F. Selimand.

Это был третий этап деятельности французского мастера, составившего славу Липковской персиарни.[44]

Метка Липковской персиарни имеет несколько видов. Весьма распространенной является метка с обозначением фамилии владельца фабрики. Метка располагается в двух нижних углах окаймления концов пояса. Она дается полностью в латинской транскрипции в две строки „Pascha/lis".

Встречается метка и более редкая: в латинской транскрипции, в две строки «Paschalis me fecit» — «Пасхалис меня сделал».

Очень часты пояса с меткой в виде инициалов латинским шрифтом «P. J.» (Paschalis Jakubowitz). Эта метка относится к периоду производства фабрики после 1791 г., т. е. когда Яков Пасхалис получил фамилию Якубович.

К тому же периоду относится метка с изображением герба Пасхалиса — белый барашек с красным флажком на зеленом поле. По обеим сторонам герба расположены латинские буквы «P. J.» — инициалы его прежней и новой фамилии.[45]

Последний этап развития польского пояса связан с производством в Корце на Волыни у Чарторыйских. Корецкая персиарня также, как Гродненская, Липковская, обязана своим процветанием деятельности F. Selimand. Неизвестно, когда F. Selimand обосновался в Корце и когда закончил свою деятельность, но во всяком случае в 1800 г. он находился еще в Корце.

Корецкие пояса характеризуются малым разнообразием орнамента и усилением влияния Запада.[46]

Из других центров выработки поясов следует указать Краков. Здесь было несколько мелких производств кустарного типа, основанных поляками. Эти предприятия иногда не имели оборотного капитала и нередко работали на заказ.

Продукция краковских производств не отличалась оригинальностью в разработке орнамента.

Краковские мастерские воспроизводили слуцкие, гродненские, кабылковские, липковские образцы, внося в них некоторые незначительные изменения. Иногда орнамент делался по желанию заказчика. Но встречаются также отдельные попытки к самостоятельной разработке орнаментации и колорита.

Структура пояса продолжала оставаться слуцкой.

Известными были и мастерские Франца-Кайтана Масловского, Даниеля Хмелевского, Антона Пуциловского.

Иногда встречаются цельные пояса или фрагменты поясов, имеющие концы без производственной метки. Метки либо не были вытканы, либо были утрачены. Весьма трудно выяснить происхождение подобных поясов. Опреде-

ление может быть составлено на основании изучения орнамента, колорита и сличения поясов.[47]

Производство поясов типа слуцких получило развитие и в Данциге-Гданске, городе, экономически тесно связанном с Речью Посполитой. Гданск в течение трех столетий с XV по XVIII в. играл крупную роль на польско-литовском рынке. Через Гданск велась транзитная торговля Речи Посполитой с другими странами.

Тесная связь с польско-литовским рынком вызвала к жизни в Гданске производство шелковых поясов, на которые в Речи Посполитой имелся большой спрос.

Образцом данцигского производства может служить пояс собрания Государственного Исторического музея № 78/21407. Пояс этот двусторонний (разм. 4,02×0,35). Ткан пояс в ярко-желтых, малиновых и голубовато-серых тонах в сочетании с черным. Середник его в поперечных полосах, разделенный мелким шашечным орнаментом. На одних полосах букеты цветов, на других — черный геометрический орнамент в виде крупной косой клетки.

На концах по черному полю два букета цветов, выходящих из ваз, цветами к середнику. В окаймлении пояса по двум нижним углам в две строки, в прямом и обратном порядке, ткана метка: в верхней строке «Besch», в нижней — «Danzig».

Схема декоративного оформления пояса общая со слуцкими поясами. Середник в поперечных полосах, на концах по два орнаментальных мотива. Однако узор разработан в духе декоративного искусства Западной Европы конца XVIII в. Сочетание цветов — черного, ярко-желтого с малиновым — также несвойственно слуцким поясам.

Значительный спрос на шелковые пояса, который в XVIII в. имелся на рынках Речи Посполитой, привлек к себе внимание иностранных купцов и промышленников. Производством поясов типа слуцких занялись шелкоткацкие предприятия Франции. Известна фабрика в Лионе, принадлежавшая Пьеру Туссену Дешазель. Она выпускала пояса типа слуцких.[48]

ПРИМЕНЕНИЕ СЛУЦКИХ ПОЯСОВ КАК ТКАНЕЙ. СОБИРАТЕЛЬСТВО СЛУЦКИХ ПОЯСОВ

расота тканей слуцких поясов нередко приводила к их использованию в церковном быту. Из ткани слуцких поясов изготовлялись культовые одежды и предметы.

В музеях СССР имеется большое количество предметов церковного обихода, изготовленных из слуцких поясов. Особенно многочисленные предметы католического церковного обихода.

Часто встречаются церковные предметы армяно-грегорианского церковного обихода, что понятно, т. к. армяне имели непосредственное отношение к производству поясов.[49]

После того как слуцкие пояса перестали бытовать, они утратили свое прямое практическое назначение, однако их художественная ценность осталась неизменной.

В XIX в. слуцкие пояса становятся предметом сбора для любителей-антикваров. Ими заинтересовались как художественной тканью, которая может быть использована для декоративных целей. Позднее слуцкие пояса при-

влекли к себе внимание специалистов-искусствоведов, которые занялись изучением слуцких поясов как изделий художественного ткачества.

Во второй половине XIX в. начинается научное собирательство поясов, получившее развитие в XX в. Слуцкие пояса коллекционируются музеями и отдельными лицами. Появляется спрос на слуцкие пояса. Нередко лица, продававшие пояса, для извлечения большей выгоды, разрезали их пополам и продавали каждую часть отдельно либо, наоборот, из кусков сшивался цельный пояс или часть пояса.[50]

Богатая коллекция слуцких поясов имелась в Несвиже — майорате князей Радзивиллов. Впоследствии собрание (32 пояса) было передано в Белорусскую Государственную картинную галерею и утрачено во время Великой Отечественной войны.

Следует также упомянуть собрание слуцких поясов П. И. Щукина в Москве. Собиратель передал свою коллекцию как дар Государственному Историческому музею.

В СССР крупнейшее собрание слуцких поясов хранится в Государственном Историческом музее. Нужно также отметить собрание слуцких поясов Государственного музея этнографии народов СССР, Русского музея, Эрмитажа, этнографического музея во Львове.

Народное искусство ткачества поясов привлекло к себе внимание и передовой художественной белорусской литературы.

Революционно-демократическая белорусская литература, тесно связанная с народным творчеством, не забыла скромных ткачей. Максим Богданович в стихотворении «Слуцкие ткачихи» в поэтических образах отобразил печальную судьбу народных художников. Горячей любовью белорусов к родной природе проникнуты строчки:

Темнеет край зубчатый бора...
И ткет в забвении рука,
Взамен персидского узора,
Цветок родимый василька.

УЗОРЫ ПАЯСОЎ

I

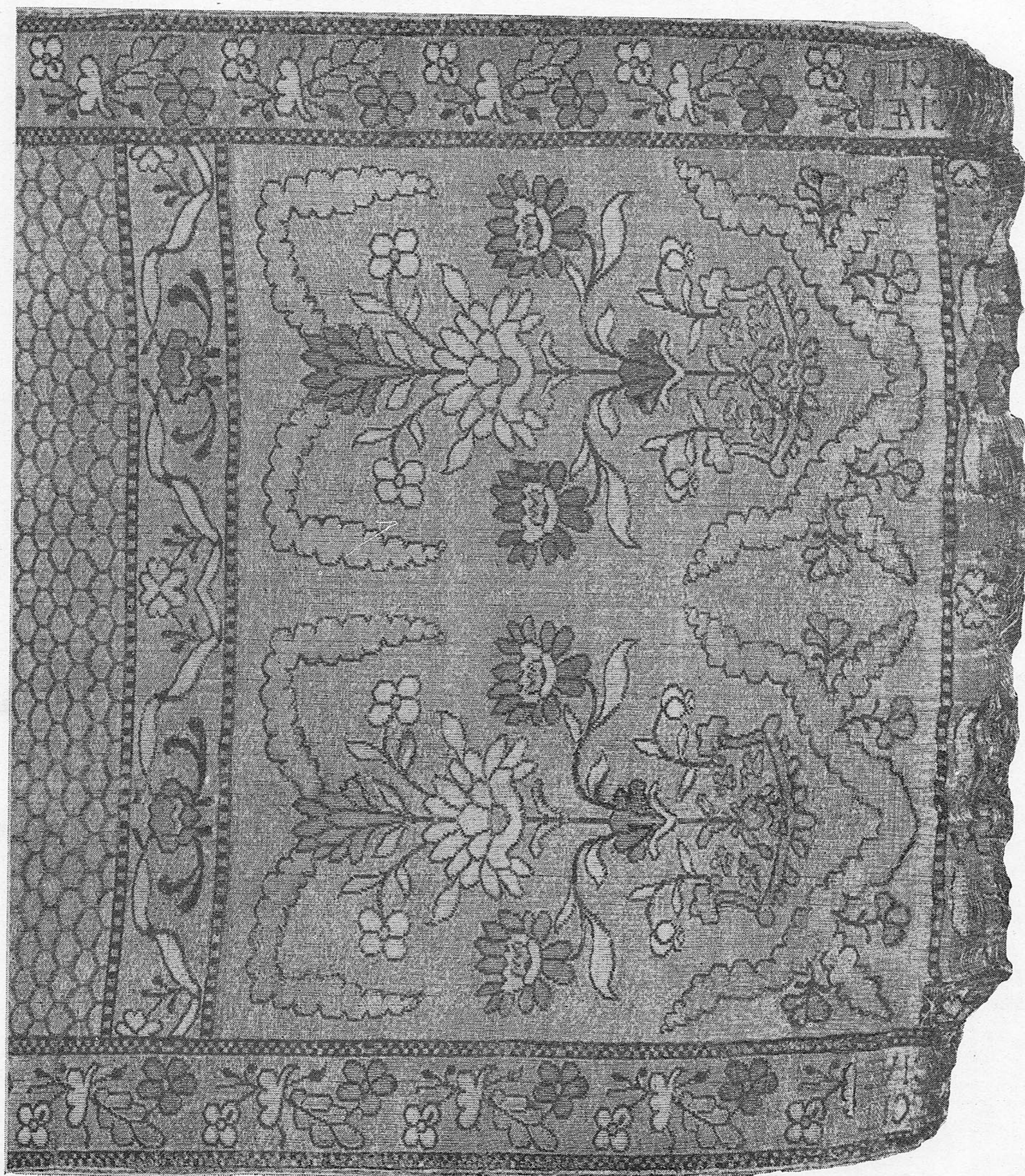
II

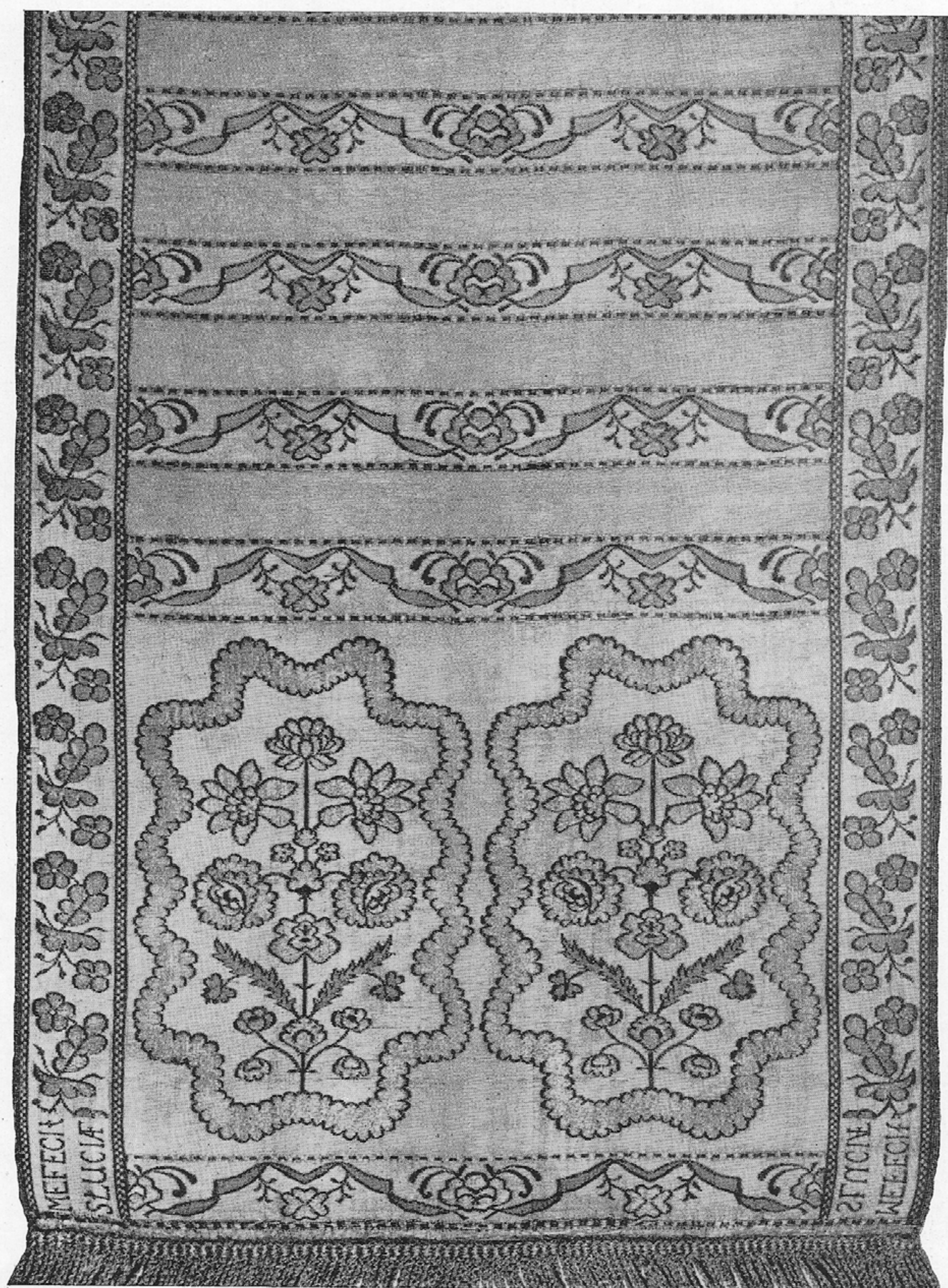

V

MEFECIT
SLUCIAE

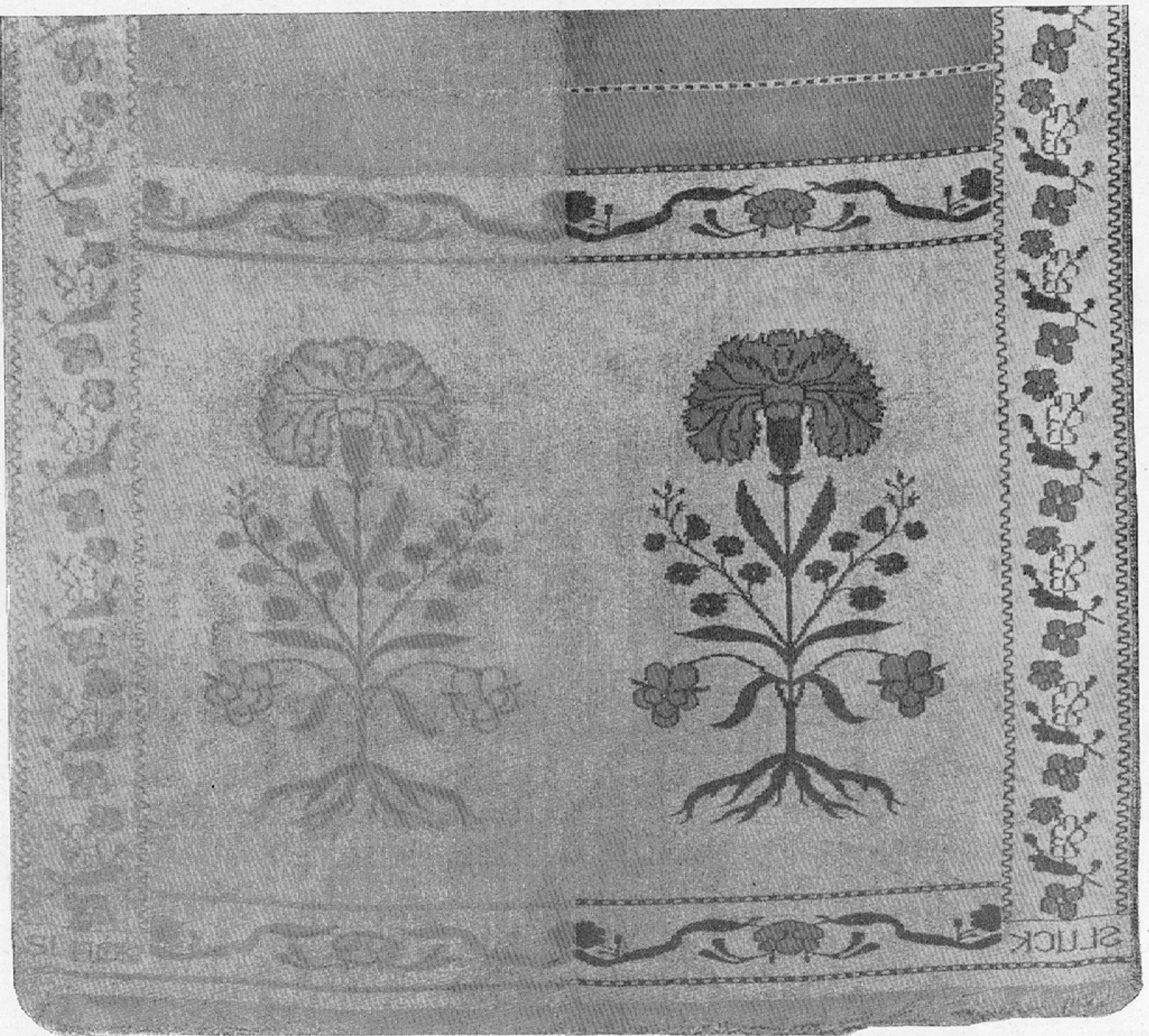

ME FECIT
SLUCIAE

MEFECIT
SLUCIÆ

8 Слуцкія паясы

SLUCK

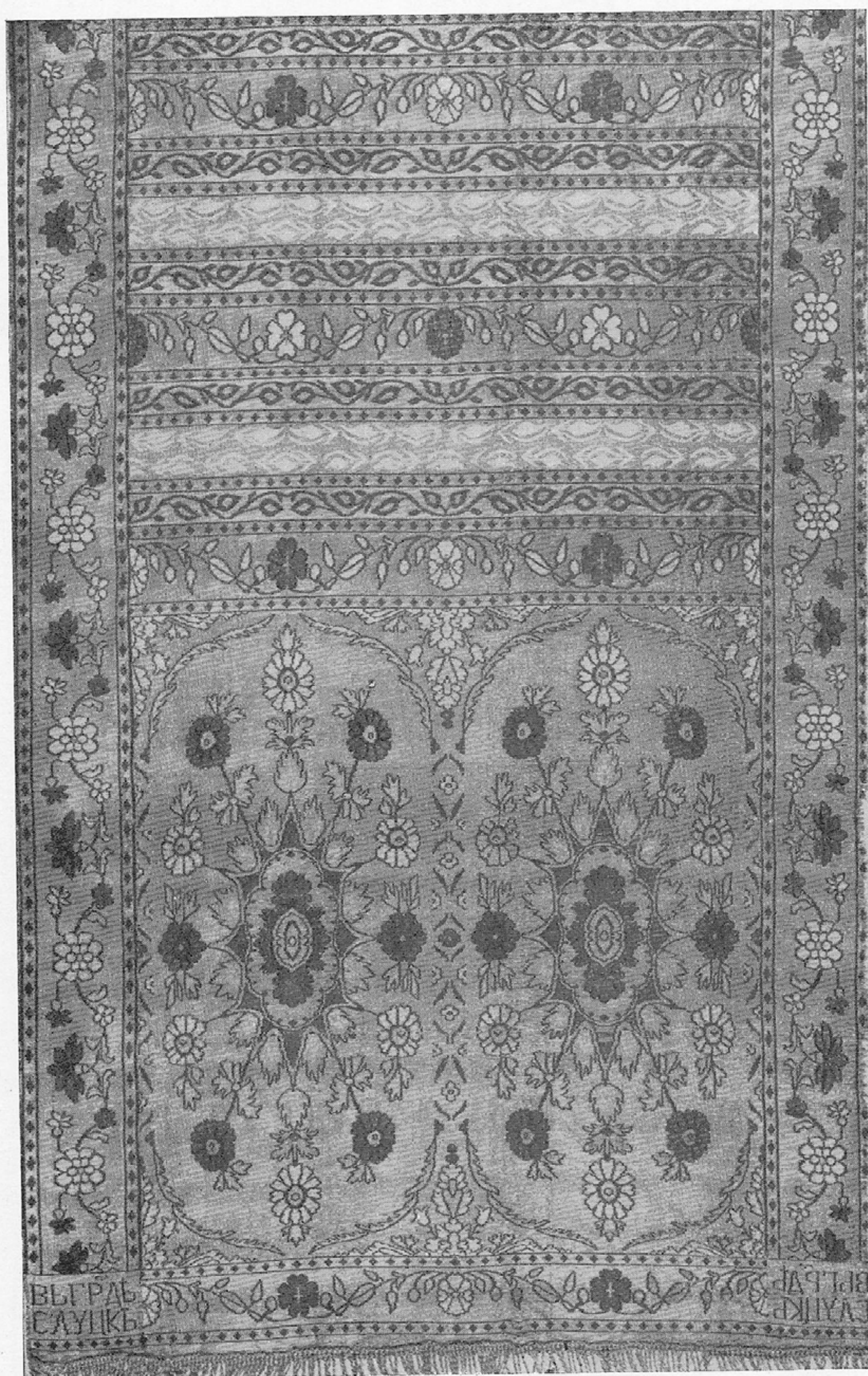

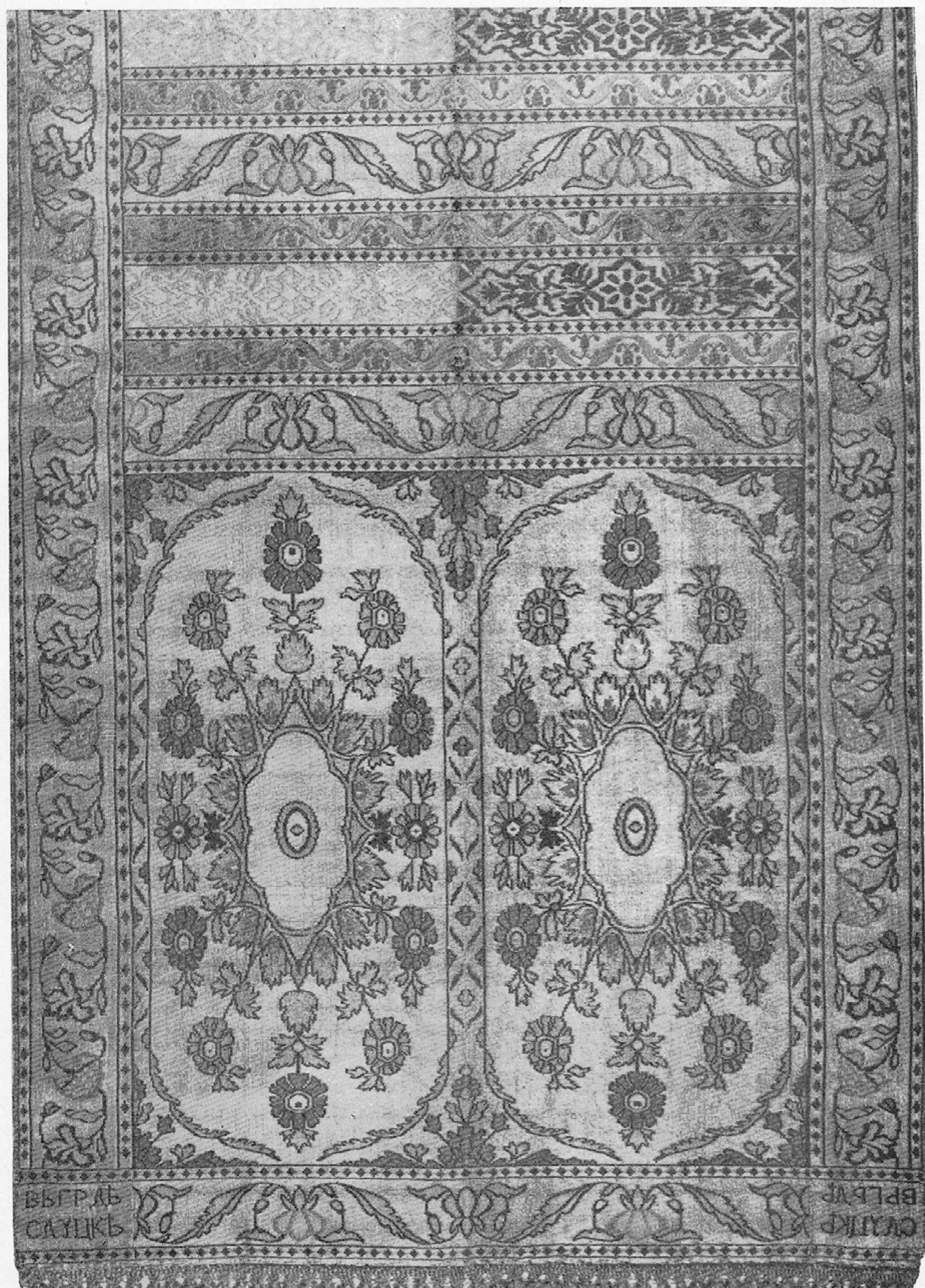

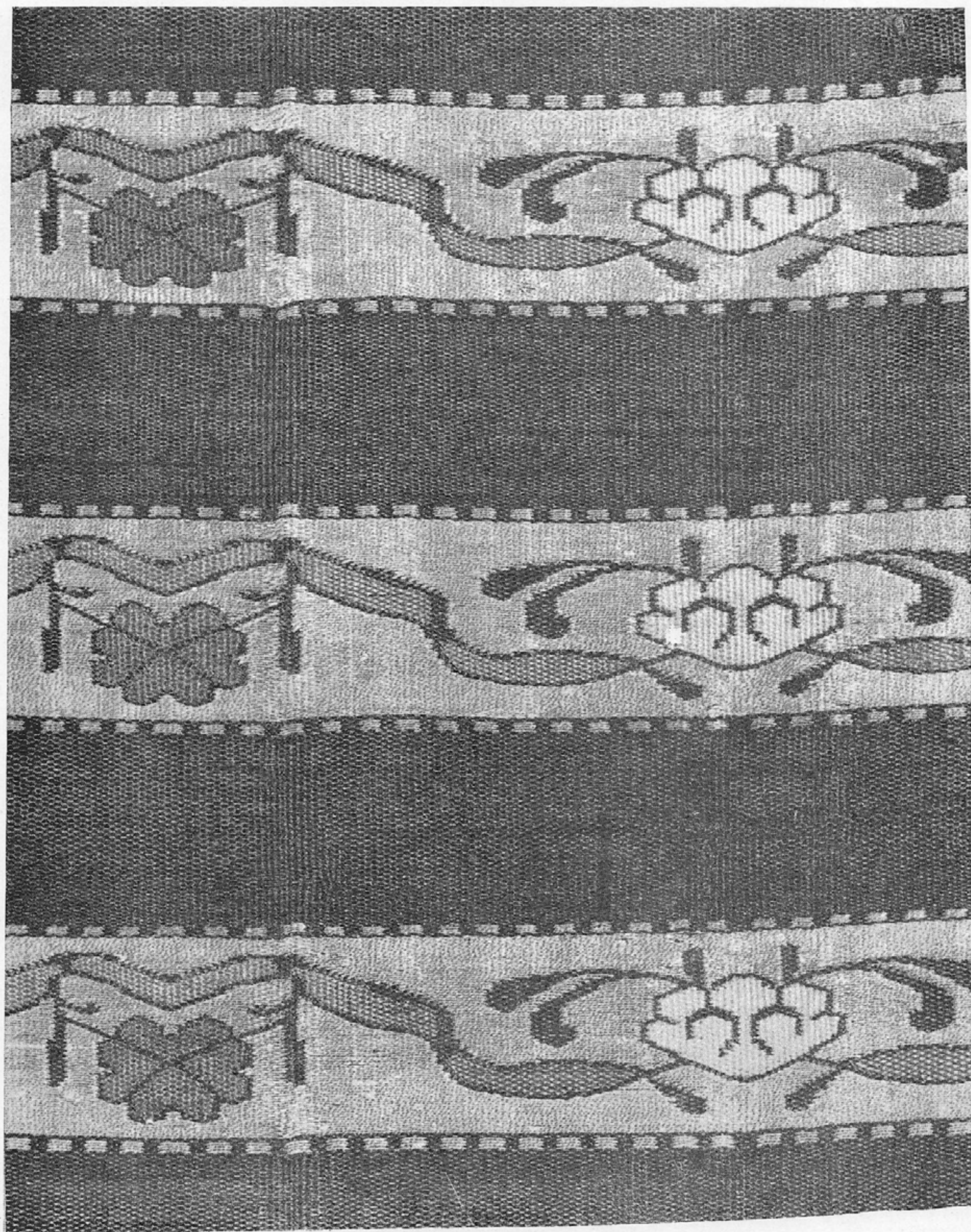

САУЦКЪ
ВЬГРАДЪ

ВЬГРАДѢ
СЛУЦКЬ

ВЪГРАДЪ
СЛУЦКЪ

SŁUCK

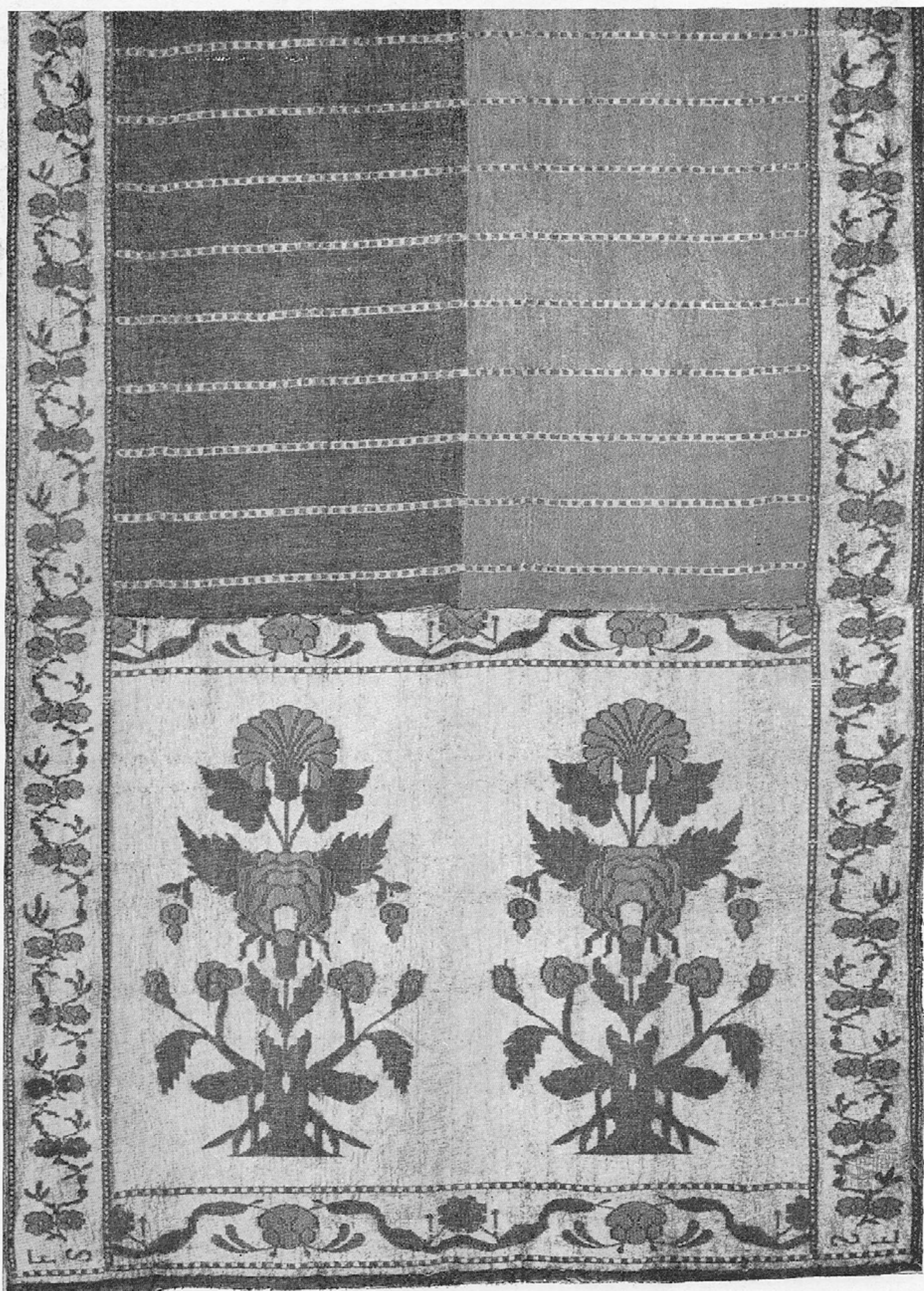

SLUCK

10 Слуцкія паясы

SLUCK

SLUCK
SLUCK

11 Слуцкія паясы

SLUCK
SLUCK

SLUCK
SLUCK

ВЬГРДЬ
СЛУЦКЬ

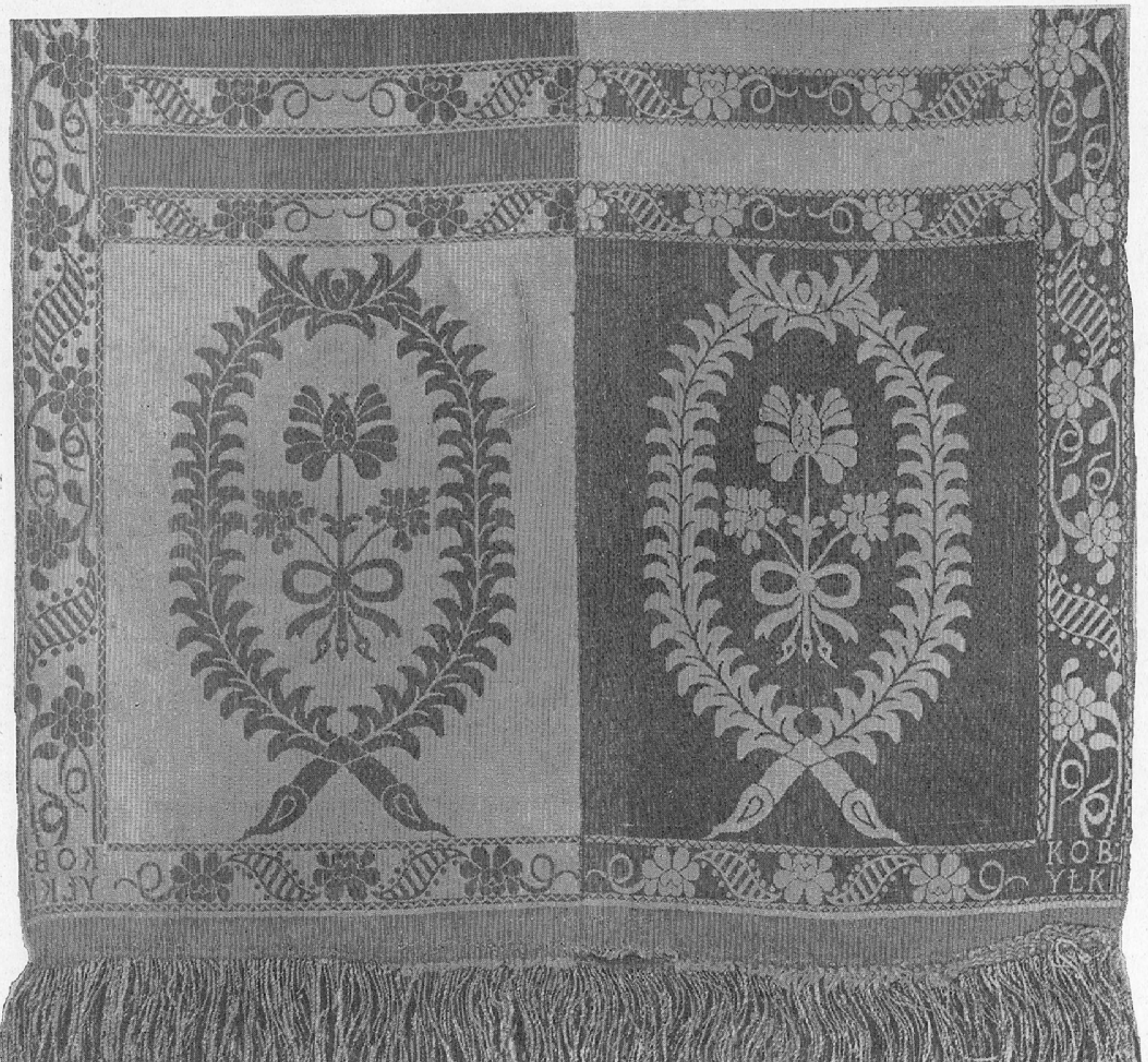

F S

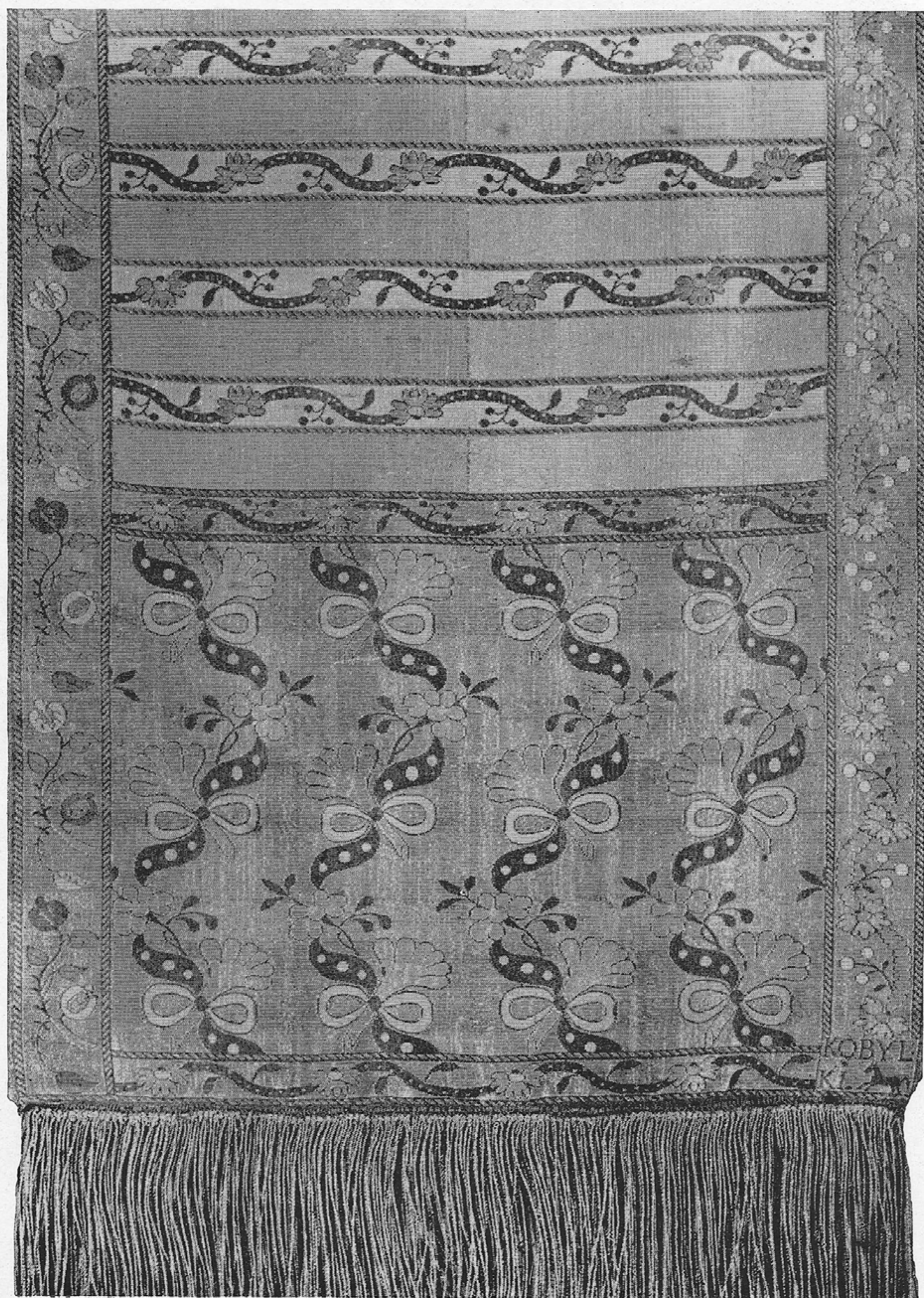

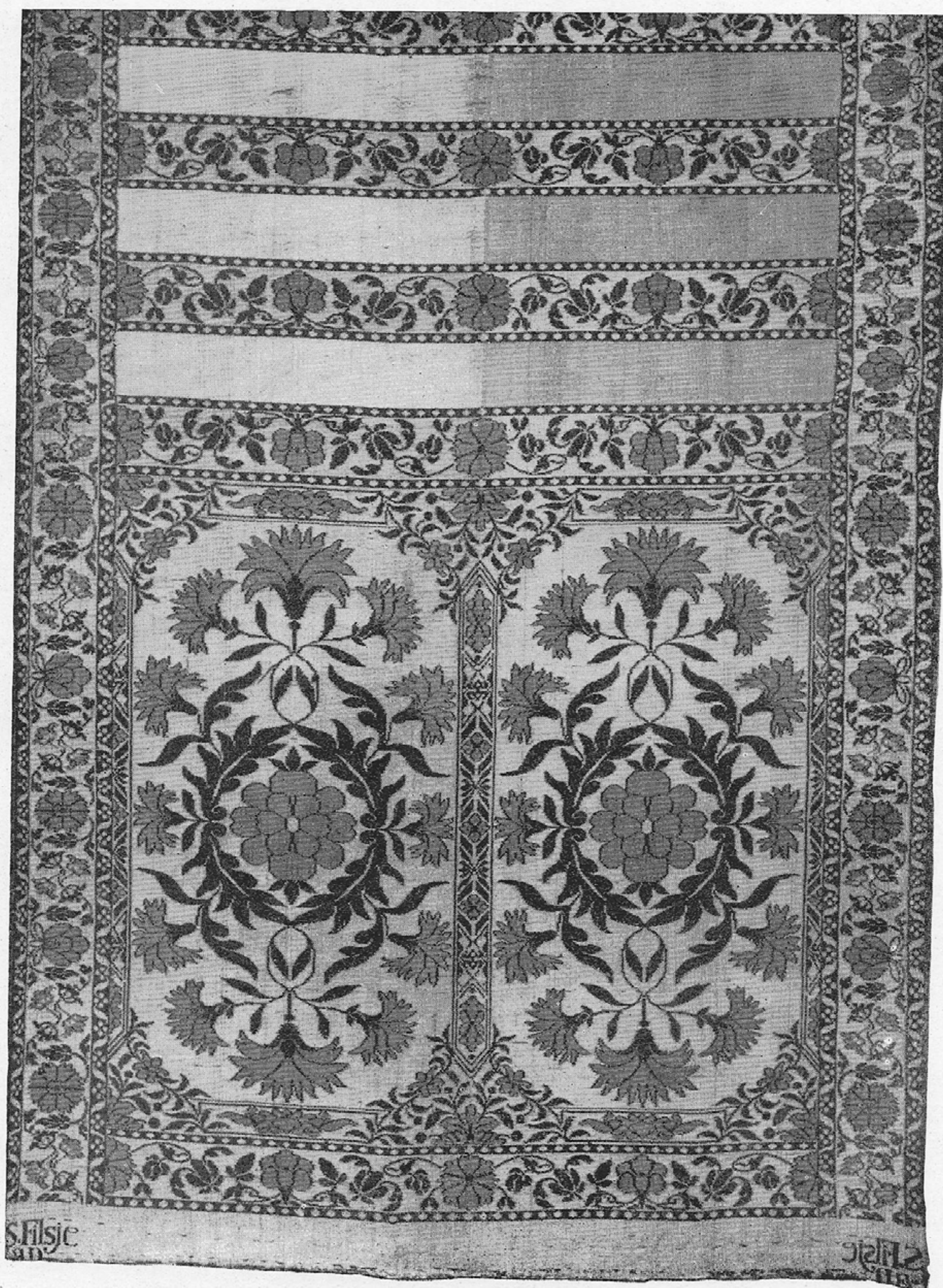

KOB
YŁKI

KOBYL

S.Filsje

Pasch

13 Слуцкія паясы

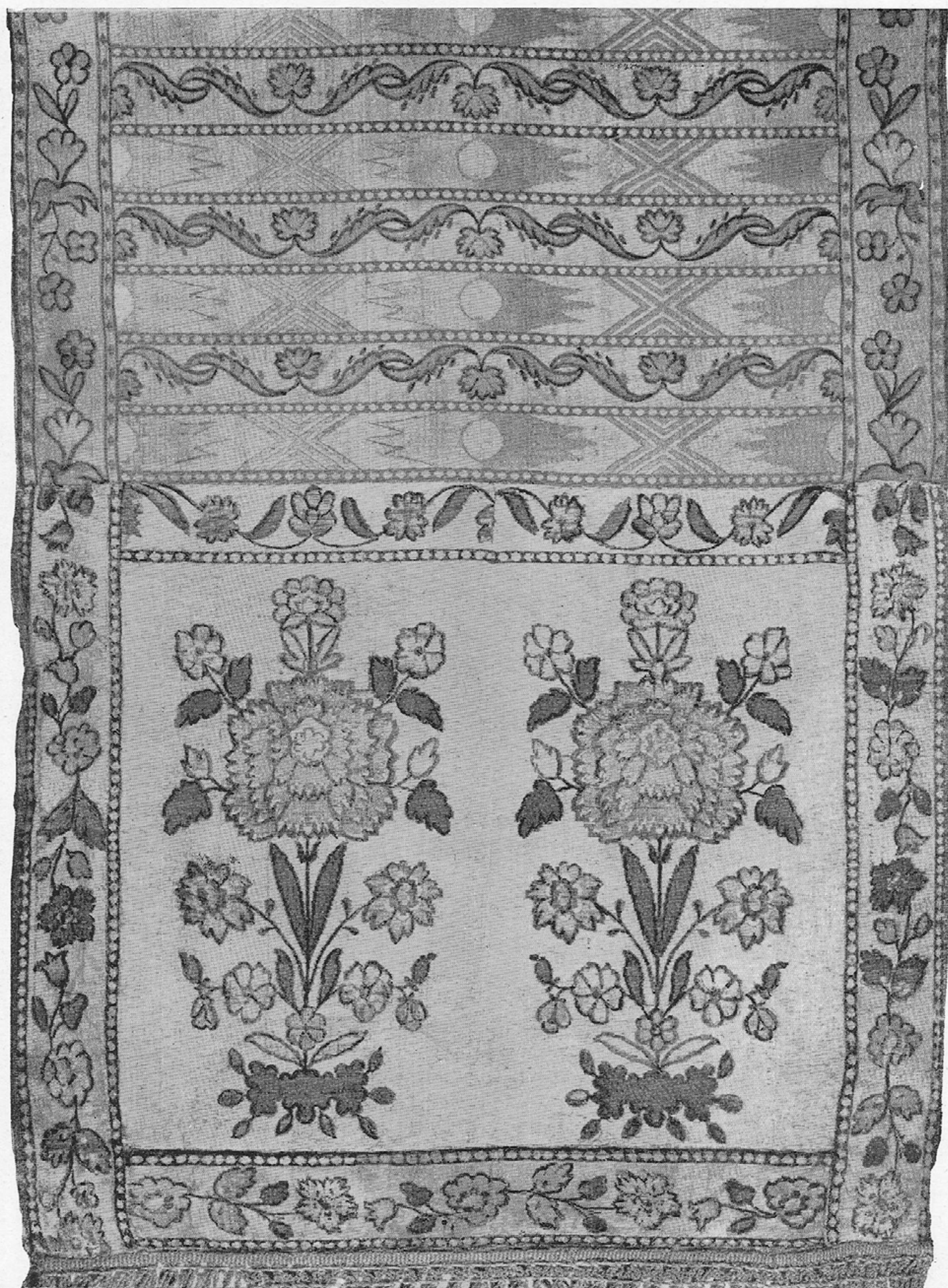

СЛУЦКЪ

КОММЕНТАРИИ

[1] Особое символическое значение дается поясу в церковном обряде древней Руси. При одевании пояса священнослужителем произносятся слова: «Препоясуй мя силою».[1]) Здесь говорится о силе, заключенной в поясе — эта сила помогает сохранить непорочность жизни и бегать от греха с быстротою «еленя». А так как быт древней Руси включал в себя религиозные воззрения, то у наших предков была тоже вера в эту могущественную силу пояса.

[1]) К. Никольский. Пособие к изучению уставов православной церкви. СПб., 1900, стр. 55.

[2] В XIX — нач. XX вв. в Белоруссии в различных местностях были распространены различные способы опоясывания. Они зависели от пола, возраста и местных вкусов. Мужчины опоясывали рубаху либо высоко под грудью, либо чаще ниже живота. Мальчики же — только высоко. Женщины опоясывались по талии либо ниже живота. В последнем случае женская рубаха делалась длиннее обычной и образовывала пазуху. Этот обычай был распространен также в местностях, где носили паневу,— к югу от Московской губернии, например в Рязанской.

Верхняя одежда — мужская, женская и детская чаще всего опоясывалась по талии.

[3] Старообрядцы, сохранявшие древние русские традиции, обычаю носить пояс придавали ритуальное значение вплоть до последнего времени. Пояс у них надевался при крещении непосредственно на голое тело и так носился до смерти (не снимался даже в бане).[1])

У белорусов также пояс имел важное значение в обрядах, связанных с родинами и крестинами. Мать, зепеленав новорожденного, перевязывала его поясом. Таким образом запеленатого младенца несли крестить. Сейчас же после совершения обряда крестная мать надевала на младенца первую одежду — рубашку, пеленки и пояс. Эти предметы являлись подарками от восприемницы.

После угощения в доме роженицы хозяйка дома одаривала кума и куму. Каждому давалось по пирогу, завернутому в кусок нового полотна и перевязанному шерстяным поясом.[2])

---

[1]) Сведения получены от доктора искусствоведческих наук Федора Яковлевича Мишукова.

[2]) Этнографический сборник, вып. II, изд. Имп. русск. географич. общества, СПб., 1854, стр. 148.

[4] Вера в особую силу пояса долго сохранялась в некоторых местностях Западной Украины. В долине реки Боржовы (Западная Украина) женский тканый пояс носит название «пас», или «сылёнка». Гуцулы — и мужчины и женщины,— отправляясь в горы, туго перевязывают поясом живот для придачи себе силы.[1]) Прежде полагали, что пояс особым образом охраняет здоровье и дает силу, но можно дать этому обычаю более рациональное объяснение: горцы убеждены (и не без основания), что крепко затянутый широкий пояс защищает почки при больших разбегах и прыжках.

---

[1]) В Армении у ванцев и сосунцев считается обязательным надевать пояс при отправлении в горы.

[5] В Тамбовской губернии в конце XIX в. сохранялся древний обычай. Во время сватовства на полу перед невестой клали пояс в виде круга. Невеста в случае согласия на брак прыгала в середину круга.[1])

На роль пояса в свадебных обрядах русских и белорусов указывают также следующие загадки: «Днем как обруч, ночью как уж, кто разгадает — будет мой муж»; [2]) «В день колесом, в ночь как уж, кто угадает — будет мой муж».[3])

Особенно широкое применение как символический предмет имел пояс в свадебных обрядах белорусов. Крестьянские девочки, становясь подростками, начинали ткать пояса, готовя их к своей свадьбе.

Во время сватовства после первого приезда сватов и выяснения возможности согласия невесты сваты приезжали еще три раза.

Каждый раз они привозили бутылки с водкой. А мать невесты возвращает сватам опорожненные бутылки, в знак согласия перевязанные узкими шерстяными мужскими поясами. Невеста одаривала жениха и дружку платками, перевязанными поясами, а женщин полотном, также перевязанным поясом.

Во время девичника невеста дарила жениху одежду — полотняную рубаху, порты и шерстяной пояс. После венчания на свадебном ужине в доме невесты мать новобрачной, неся к столу яичницу, жаловалась, что сожгла руки. Крестная мать новобрачной набрасывала на нее пояс. Жениха дразнили

яичницей, и если он к ней тянется, над ним смеялись, и крестная мать невесты опять бросала своей куме другой пояс.

Если свадебный поезд ехал мимо мельницы, то мельник останавливал воду. Невеста отдавала мельнику свой пояс, чтобы мельник снова пустил воду.[4])

По приезде в дом мужа молодая спешила кинуть пояс на печь. Поясом молодая выкупала у дружки постель. На другой день после свадьбы начинаются обряды, вводящие молодую в обязанности замужней женщины. Крестная мать новобрачной повязывала дружку через плечо поясом — этим давая ему полномочия. И дружка руководил обрядом «повязывания» молодой — ей надевали женский головной убор «наметку» (узкий кусок тонкого полотна — длина 5 аршин, ширина 1/2 аршина), затканный по краям красными полосками. Наметка обвязывалась вокруг головы.[5])

Затем молодые вносили в избу ведро пива и горелки. Молодая клала на пиво свой дар свекрови — пояс и полотно. Начинался обряд поучения молодых — «салоткие рожки». После поучения следовали обряды, связанные с домашним хозяйством: подметание пола, хождение по воду, дача корма скоту. Каждый раз «молодуха» бросала пояс на веник, на ведро и в овчарню. После этого начиналась пляска. Сначала новобрачная плясала с дружкой и дарила ему пояс или полотно. Затем свекровь приглашала родственников и почетных гостей поплясать с «молодухой», а после пляски одаривала их поясами или полотном.

Эти подарки своей работы привозились молодой и передавались для обряда свекрови.[6])

---

[1]) А. Афанасьев. Пример влияния языка на образование народных верований. Стр. 20.
[2]) Вл. Даль. Пословицы русского народа, т. III, 1904, стр. 9.
[3]) А. Афанасьев. Пример влияния языка на образование народных верований. Стр. 20.
[4]) Этнографический сборник, вып. II, изд. Имп. рус. географического общества, СПб., 1854, стр. 147.
[5]) П. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. II, СПб., 1902, стр. 50.
[6]) Этнографический сборник, вып. II, Изд. Имп. рус. географического общества, СПб., 1854 («Быт белорусских крестьян»).

6 В России в Курской губернии существовало гаданье, когда «девушки под новый год ходят в хлев и обвязывают овец и коров поясами, а на утро смотрят: если овца или корова станет головой к воротам, то девушка выйдет замуж, если задом или боком — то придется еще год просидеть в ожидании женихов. Иной раз ребята наловят собак, обвяжут их поясами и посадят в овчарню на месте овец, чтобы девки на утро по гаданью увидели, какая им предстоит собачья жизнь».[1])

Гадали еще так в Вологодской губернии: «Девушка привязывает на ночь к поясу замок, запирает его, и ключ кладет под голову со словами: «Суженый-ряженый, отомкни меня».[2])

---

[1]) Максимов. Нечистая сила. СПб., 1903, стр. 323.
[2]) Там же, стр. 327.

[7] «А от всех колдунов и от всех заговоров и всякой порчи носят на голом теле из тонкой сетки вязаный шарф-пояс. И при этом талисмане не может действовать никакое колдовство».[1])

---

[1]) Простонародная медицина И. Костылева. Приведено М. Забылиным в книге «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия». М., 1880, стр. 421.

[8] Это заговор от лихорадки: больной шел в лес и находил осину, кланялся ей и говорил: «Осина, осина, возьми мою трясину, дай мне легшату». После чего перевязывал осину своим поясом.[1])

---

[1]) Из старинного лечебника, доставленного свящ. А. Колчиным из с. Пингащей Холмогорского уезда. Приведено М. Забылиным в книге «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия». М., 1880, стр. 353.

[9] Спор закончился оскорблением, послужившим поводом для обострения феодальной распри. Произошло следующее: на брачный пир по случаю женитьбы молодого Московского вел. князя Василия Васильевича (1425—1462), внука Димитрия Донского, прибыли двоюродные братья Василия Васильевича, также внуки Донского, князья Василий Юрьевич Косой и Димитрий Юрьевич Шемяка. На торжествах князь Василий Косой появился в богатом золотом поясе, усаженном драгоценными каменьями и жемчугом. Летопись передает историю этого пояса. Он был дан Суздальским князем Димитрием Константиновичем в приданое за дочерью Евдокиею, шедшей замуж за Димитрия Донского (1367); последний тысяцкий, Василий Вельяминов, имевший важное значение на княжеской свадьбе, подменил этот пояс другим, меньшей цены, а настоящий отдал сыну своему Николаю, за которым была другая дочь князя Димитрия Суздальского, Мария. Пояс, переходя из рук в руки, достался как приданое за женой князю Василию Косому. Мать вел. князя Василия Васильевича — Софья Витовтовна,— узнав историю пояса и считая его собственностью своей семьи, забыла все приличия и тут же на пиру сняла его с Василия Косого. Василий Косой и Димитрий Шемяка, оскорбленные таким позором, уехали из Москвы в Галич к отцу, князю Юрию Димитриевичу. Этот случай послужил предлогом к войне.[1])

---

[1]) С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стр. 1055.

[10] «Всякие индийские и персидские платки, кушаки»,[1]) затем идут гирейские (татарские, крымские),[2]) шемахейские [3]) (г. Шемаха, Азербайджан — Шемаханское ханство), брусские [4]) (г. Брусса, Малая Азия), мисюрские [5]) (Египет арабы называют «Мисрам», или «Миср»),[6]) турские (турецкие), китайские [7]) и пр.

Привозные восточные пояса получали на Московской Руси свое название либо по месту производства (например, брусские и др.), либо по месту вывоза (турские и др.), иногда по месту распространения и транзитной торговли — польские,[8]) т. е. восточные пояса, бытовавшие в Польше и шедшие через Польшу.

[1]) Кильбургер. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась через всю Россию в 1674 году. СПб., 1810, стр. 150.
[2]) И. Забелин. Быт русских царей, ч. II, М., 1915, стр. 845.
[3]) Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 7090 и 7091 годов, «Временник», кн. VII, М., 1850.
[4]) И. Забелин. Быт русских царей, ч. II, М., 1915, стр. 855.
[5]) Опись имуществу царя Ивана Грозного, 15, 16, 20-го наряду, «Временник», кн. VII, М., 1850.
[6]) Павел Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, доспехов... СПб., 1896, стр. 173.
[7]) В Отд. тканей ГИМ хранится пояс № 115/20835 из китайской ткани, где в орнамент входят надписи — «счастье», «долголетие».
[8]) Кильбургер. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась через всю Россию в 1674 году. СПб., 1810, стр. 69.

[11] На портрете стольника Василия Люткина, который находится в Отделе бытовой иллюстрации Государственного Исторического музея, кушак завязан узлом. Спереди виден только один конец с бахромой. Другой конец, возможно, лежит под первым или рядом, прикрытый длинной одеждой. На конце видны три украшающих его цветка гвоздики головками к середнику пояса.

На портрете Льва Кирилловича Нарышкина — брата царицы Наталии Кирилловны, матери Петра Великого — оба конца кушака, аккуратно сложенные спереди, лежат рядом, несколько расходясь книзу. Концы украшены цветочным орнаментом и бахромой.

На портрете грузинского царевича Александра (Тбилисский музей), писанном в Москве в 1696 г., концы кушака завязаны спереди узлом и расходятся книзу. За кушак заткнут кинжал.

[12] В Государственном Историческом музее хранится найденный при раскопках фрагмент середника пояса (№ 80341) иранской работы конца XIV — начала XV в. Орнамент состоит из светлых полос, заполненных изображениями стилизованных птиц, напоминающих уток (черных по светлому полю). Фрагмент пояса был употреблен при погребении как мешочек для хранения шелковых нитей,[1]) с которыми и был положен в могилу.

В Грузинском музее, среди инвентаря XVI — начала XVII в. из родовой усыпальницы князей Дакдешкелиани хранится край шелкового пояса восточной работы, со следами голубой расцветки, полосатый. Полосы заполнены мелкими цветами.

В Государственном музее этнографии народов СССР находился пояс из погребения в Осетии,[2]) относящийся к XVI в. Это пояс двусторонний с поперечными полосами желтыми и зелеными, заполненными золотным растительным орнаментом, концы пояса затканы 5 восьмиконечными розетками.

Подобный же восточный пояс[3]) был найден при застройке территории б. Никольского монастыря в Москве. Он оказался частью одежды князя Димитрия Кантемира, Молдавского господаря, отца нашего сатирика Антиоха Кантемира: усыпальница Кантемиров находилась в стенах монастыря. Д. Кантемир был похоронен в 1723 г. Следовательно, этот пояс можно отнести к концу XVII — началу XVIII в.

---

[1]) Этот фрагмент был найден в 1939 г. при раскопках склепа у селения Хамхи Чечено-Ингушской АССР Е. И. Крупновым.
[2]) Раскопки Б. А. Куфтина в Осетии, 1926 г.
[3]) Пояс этот вместе с останками Димитрия Кантемира был передан в Румынию в 1936 г.

[13] По описи 1631 г. эта одежда значится построенной из камки — «камка кизылбашская «кушатчатая», полосатая; в полосах шелк гвоздичен, бел, лазорев, червчат, зелен».[1]) В описи ткань отнесена к кушатчатым — к таким тканям, которые вырабатывались специально для кушаков. Орнаментация ткани состоит из поперечных неширокых полос разного цвета с геометрическим и лазоревым узором.

---

[1]) «Вестник общества древне-русск. искусства при Московском публичном музее», М., 1876, стр. 9.

[14] Так, например, в описи имущества царя Ивана IV встречается «кафтанец короткий, кушаки гирейские на червце, шелк желт...» или же «кафтан... арукавы, кушаки гирейские белы с розными шелки с золотом полосат».[1])

---

[1]) Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 7090 и 7091 годов, «Временник», кн. VII, М., 1850.

[15] «В хоромех летник кушаки двойчатые с розными шелки с золотом, вошвы шиты по червчатому атласу золотом и серебром, делан 113 году» (1603).[1])

В Государственном Историческом музее в Москве имеется шелковое платье (№ 80861), восстановленное из фрагментов. Одежда была сшита из восточного кушака. Фрагменты найдены в захоронении. Могила обнаружена на б. территории Георгиевского монастыря в Георгиевском переулке в Москве. Теперь это платье носит темно-коричневую, бурую окраску, свойственную тканям, долгое время пролежавшим в земле. Но все же можно проследить, что середник пояса, послуживший материалом для платья, был в поперечных полосах — синих, алых и оттенка, которого установить не удалось. В синих полосах орнамент травный, тканый золотной нитью. Алые полосы гладкие. Полосы неустановленного оттенка заполнены цветочным орнаментом, тканым золотной нитью.[2])

---

[1]) И. Забелин. Домашний быт русских царей. М., 1872, стр. 37.
[2]) Фрагменты детской одежды были доставлены в Музей в мае 1941 г. акад. Д. П. Суховым.

[16] Кушаки этой мануфактуры назывались «канаватными». Они имели выработку и узор «канаватки», восточной ткани, уже с XVIII в. выделывавшейся в России. Эти кушаки ткались из шелка с золотной нитью. Расцветка белая, алая, оранжевая и черная с золотом и серебром.

В 1760 г. канаватные кушаки стоили по 3 руб. 75 коп. штука. Цена для этого времени довольно высокая.

В Краеведческом музее г. Ростова (Великого) хранится канаватный кушак XVIII в., к сожалению, без всякой метки. Длина его $3^1/_2$ аршина, ширина 12 вершков, т. е. 2,52 см×54 см.

[17] Т. Маньковский в монографии, посвященной поясам, помещает документ, хранившийся в Варшавском архиве финансов. Это «Пошлинная инструкция Комиссии Государственных Финансов», изданная 19 января 1786 г. Приводим выдержку, относящуюся к поясам московского производства:

«Пошлина на иностранные товары от вещи.

1. Шелковый пояс в Персидском вкусе Московской фабрики с золотом или серебром — 4 польских злотых с вещи.

2. Московских поясов шерстяных, креповых, коломенковых и сеточных в 30 аршин, от вещи — 18 злотых.

3. Московских поясов полосатых шерстяных или нитяных в 30 аршин, штука — 14 злотых от вещи».[1])

Инструктаж, касающийся поясов московского происхождения, приводится нами полностью, чтобы показать разнообразие видов поясов, вырабатывавшихся в Москве и вывозившихся за границу. Но главное значение имеет упоминание о шелковых поясах в «Персидском вкусе Московских фабрик».

---

[1]) Приведено в книге: «Pasy polskie». Krakow, 1938, стр. 112.

[18] Эта мануфактура возникла по желанию Петра I. Для основания фабрики Петр пожаловал Д. Я. Земскому населенную землю. Перед этим Земский был отправлен в Голландию, где изучал шелкоткацкое производство.

Продукция Купавинской мануфактуры отличалась высоким качеством и разнообразием.

До нас дошли такие названия тканей, вырабатывавшихся на этой мануфактуре в середине XVIII в., как свистун, пирюен, фонитур, люстрин, парча, штоф, различные флеры с золотными цветами и разводами. Часть этих названий в XIX в. уже утратилась.

[19] В Киевском музее «Заповедник — Киево-Печерская лавра» хранится пояс «К. П. Л. № 2716» — точная копия пояса № 127/27253 (I) с такой же расцветкой и узором, но метка с буквами «Г. З.»

[20] К этому периоду относится хранящийся в Государственном Историческом музее пояс (№ 92/21940) конца XVIII в., шелковый, односторонний, мягких тонов — светло-желтых, изумрудно-зеленых, светло-алых, голубых и темно-коричневых; середник в поперечных полосах, заполненный травным орнаментом; на концах по три букета, выходящих из ваз, которые расположены основаниями к середнику (разм. пояса 2,54×0,48).

Как редкий момент, надо отметить изображение птиц, тканых вокруг концов. По четырем углам концов выткана метка — двуглавые орлы с буквою «К» на груди (Купавно).

[21] В 1829 г. на первой публичной выставке в С.-Петербурге фабрика князя Юсупова наряду с другими видами своей продукции (орденские ленты, штофы разных цветов, брокатель, бархат гладкий, разноцветный и узорчатый, материал для церкового облачения, жилетная материя гро-де-напль желтый и белый, гладкий, марселин зеленый гладкий) представила «кушаки мечетские четырехсторонние».[1])

В 1831 г. на публичной выставке в Москве фабрика князя Юсупова также представила «мечетские пояса».[2])

В том же году кушаки этой фабрики были выставлены и в залах Кремлевского дворца.[3])

Выработка персидских и мечетских поясов занимала довольно значительное место в общей продукции Купавинской шелковой фабрики князя Юсупова.

Из 52 станов, имевшихся на фабрике, 6 были заняты выработкой кушаков: на двух вырабатывали персидские, а на четырех — мечетские. На этих 6 станах работало 12 ткачей. Из них 4 ткали персидские кушаки и 8 — мечетские. Это были высококвалифицированные мастера, труд которых оплачивался сравнительно высоко. За выработку одного аршина персидского четырехстороннего кушака ткач получал 9 руб. и мог заработать 30 руб. в месяц. За выработку одного аршина мечетского кушака ткач получал 2 руб. 25 коп. и мог заработать 28 руб. в месяц.

Техника выработки персидских кушаков была весьма трудоемкая. Каждый ткач вырабатывал в месяц $3^1/_3$ аршина кушатчатой ткани. Между тем длина цельного кушака обычно превышает эту цифру. Следовательно, один ткач за месяц не мог выработать одного цельного кушака. Менее трудоемкой была выработка мечетских кушаков. Один ткач за месяц вырабатывал около $12^1/_2$ аршина, т. е. приблизительно три мечетских кушака.

---

1) «Журнал мануфактур и торговли за 1829 г.», СПб., № 4, стр. 55. (Название «мечетские» дано ошибочно: четырехсторонние пояса назывались «персидскими».— *Л. Я.*).

2) Указатель произведений отечественной промышленности II Московской выставки 1831 г.

3) Роспись произведениям отечественной промышленности, выставленным в залах Кремлевского дворца в ноябре 1831 г. М., стр. 14.

[22] Пояс этот шелковый, односторонний (разм. 3,58×0,50), тканый главным образом в темно- и светло-зеленых тонах с малиновым. Середник в поперечных полосах, заполненных травным узором. На концах по четыре букета основанием к середнику.

[23] Илья Карпов управлял фабрикой своего отца с 1808 г. Он стремился улучшить технику ткачества, окраску шелка, используя все открытия в этой области. В 1826 г. на фабрике были введены жаккардовые станы, что улучшило продукцию и значительно увеличило выпуск шелковых тканей.

В 1828 г. фабрика уже стояла наряду с лучшими шелковыми предприятиями России. Она имела 100 станов жаккардовых, 85 станов обыкновенных, выпускала около 66 500 аршин разных шелковых тканей. На производстве было занято до 500 рабочих.

[24] В 60-х годах XVIII в. крепостной человек Кондратий, ткач по профессии, вместе с тремя сыновьями занялся кустарным шелковым промыслом в селе Гребневе Богородского уезда.[1]) В 70-е годы предприятие разрослось. Братья Федор и Кирилл Кондратьевы (Кондратовы, или Кондрашевы) становятся хозяевами другого шелкоткацкого предприятия — в д. Фрязиной Московского уезда. Позднее появляется предприятие третьего брата — Егора. В 80-е годы Кирилл Кондрашев основал фабрику в селе Шелкове Богородского уезда с оборотом в 37 580 руб. Она считалась одной из образцовых шелковых мануфактур.

---

[1]) Шокмаков. С. Гребнево. М., 1903, стр. 12.

[25] В Государственном Историческом музее имеется шелковый, в мелкий рубчик платок (№ 1072/56740). Цвет его блекло-зеленый, сильно выцветший. Орнамент середника состоит из отдельных небольших букетов, тканых в коричневых тонах со следами серебряной нити. Края орнаментированы гирляндами цветов также коричневатых тонов. По углам восьмилепестковые розетки, затканные сильно потемневшей золотной нитью. В углу выткана надпись: «Кирили Кондрашева содержателя фабрики».

[26] Пояс XVIII в., односторонний, ткан в белых, лимонных, темно-коричневых, светло-синих и алых тонах (разм. 3,50×0,69). Середник в поперечных полосах, белых с коричневым травным узором и лимонных с травным узором, алым и зеленым. На концах по лимонному полю четыре букета алых гвоздик основанием к середнику.

[27] Середник в поперечных полосах, лимонных с коричневым травным узором и желтовато-белых с цветочным — в алых, палевых и синевато-зеленых тонах. С другой стороны обратная расцветка. Край с цветочным побежком в тех же тонах.

На концах по светло-палевому полю расположены четыре алых венка, внутри венков светло-зеленые кусты. На другой стороне конца расцветка обратная.

[28] Продукция предприятия И. И. Колокольникова вывозилась за границу. Уже в 1812 г. изделия этой фабрики составляли одну из важнейших статей российской торговли с азиатскими народами.[1])

Кушаки выработки фабрики Колокольникова в собраниях музеев СССР пока не выявлены.

Т. Маньковский в своей монографии «Pasy polskie» (Kraków, 1938) сообщает о двух одинаковых поясах, первый из которых находился в Варшавском музее, а второй — в Несвиже в майорате Радзивилла.

В монографии Маньковского помещен снимок пояса из Варшавского музея. Он представляет собой цельное полотнище, как бы состоящее из двух неразрезанных поясов. Пояс имеет середник в поперечных полосах, с травным орнаментом, а концы украшены четырьмя букетами основанием к середнику. В окаймлении концов, по четырем углам вытканы метки «К. I. К.».

Т. Маньковский считает орнаментацию пояса восточной — персидского характера, а буквы метки «К. I. К.» — латинской транскрипции. Основываясь на этих данных, он относит оба пояса к европейской выделке, именно польской. Между тем орнаментация пояса типична для кушаков московской выработки. Середник в поперечных полосах с травным орнаментом характерен для московских кушаков. Кроме того, четыре букета на концах, основанием обращенные к середнику, также обычно типичны для московских кушаков. На польских же поясах число орнаментальных мотивов не превышает трех. Не в пользу автора монографии говорит и та особенность, что производственные метки на этом поясе тканы по верхним и нижним углам конца, ибо на польских поясах они ткались по нижним концам угла.

Буквы же метки «К. I. К.» в русском алфавите имеют такое же начертание, как и в латинском, и потому могут быть приняты за русские.

Основываясь на приведенных данных, пояс этот можно отнести к изделиям Московской фабрики. Метка «К. I. К.» может быть расшифрована как «Купец Iоанн Колокольников».

---

[1]) «Северная почта», 1812, № 19.

[29] На Выставке 1831 г. в залах Кремлевского дворца была представлена разнообразная продукция Купавинской фабрики купчихи Зениной — бархаты, штофы, персидские материи, орденские ленты и кушаки. Как метились эти пояса, неизвестно.

[30] Когда князю Потемкину, заботившемуся о развитии шелкового производства в России, понадобился знающий шелковое дело фабрикант, то он вызвал из Москвы в Петербург одного из братьев Дудышкиных, заседавшего в Московском магистрате. Отправляя купца в Петербург, московский главнокомандующий Я. А. Брюс писал Потемкину о Дудышкине так: «Его хвалят и считают весьма разумеющим руководство шелковой фабрики».[1])

---

[1]) «Русский архив», 1886, № 3, стр. 307.

[31] В селе Балабанове Московской губернии в 90-х годах XVIII в. работало, например, шелкоткацкое предприятие крепостного крестьянина Филиппова Савелия. Оно выпускало тафту и кушаки.

Шелковые ткани — штофы, гарнитуры, парчу и кушаки различной длины — в 80 — 90-е годы XVIII в. вырабатывал в селе Подлипки экономический крестьянин Нестеров Сапрон. В те же годы шелковые кушаки в Подлипках вырабатывал экономический крестьяинин Никитин Гурий. Впоследствии оба эти предприятия слились в одно под фирмой купцов Левиных.

5 крестьянских предприятий, выпускающих шелковые платки и кушаки, находилось в д. Пашуковой. Десятки таких предприятий работали также в д. Зуевой.

В 1791 г. здесь начала работать шелкоткацкая фабрика Федора Кононова, а в 1797 г. — Саввы Морозова.

Многие крестьянские предприятия работали «безуказно» и не поддавались учету. Следует полагать, что число «безуказных» предприятий было значительно.

[32] В собраниях музеев нашей страны нередко встречаются церковные предметы, шитые из московских кушаков. В Архангельском областном краеведческом музее хранится фелонь № 367152/3. Фелонь построена из середников кушаков московской работы XVIII в. Концы кушаков отсутствуют.

Употребление кушаков в качестве пошивочной ткани нарушало их цельность и приводило к порче кушаков. Они безжалостно разрезались, иногда лишались самой декоративной части, как концы. Утрачивались производственные метки. Все же применение кушаков в церковном быту способствовало их частичной сохранности.

[33] Поэтому качество льна особенно заботило крестьян. В рождественский сочельник гадали о длине волокна. Накрывая стол для вечерней трапезы, под скатерть клали сено. После ужина из-под скатерти вытягивали былинку. Какой длины былинка — такой будет и лен.[1])

В Белоруссии трудно было найти крестьянскую избу, где бы не пряли и не ткали. Характерной особенностью белорусской избы была лавка, расположенная вдоль стены под окнами. В этой лавке пробивались отверстия, куда вставлялись гребни для расчесывания льна. По вечерам девушки собирались в одной избе на вечорки — пряли лен и пели. В старинной песне девушка изображается как прядильщица:

Пад аконцам сяджу,
Белы кужаль праду.[2])

В первый день после свадьбы молодая начинает свое хозяйничанье в доме мужа прядением. Она прядет шерсть — вовну, которую привезла с собой в башмаках.

Даже в конце прошлого века, когда машинная текстильная промышленность сильно сократила крестьянское ткачество, в Белоруссии оно продолжало развиваться. В течение зимы крестьянка пряла и ткала. За этот срок она изготовляла до 150 аршин холста. У каждой хозяйки в запасе имелось по 500 аршин холста и более, а кроме того, белорусская крестьянка ткала узорные скатерти, ручники, платки и пр., а из шерстяной пряжи — паневы, ковры.

Холст и другие тканкие изделия имели широкое применение в быту белорусов-крестьян. Вся нижняя одежда мужская и женская, белье делались из холста. Потребность в холсте была велика. Поэтому холстом и другими ткаными изделиями одаривали при разных знаменательных событиях жизни.

Во время крестин восприемница дарила куме-роженице «на рукава» кусок полотна, а кума одаривала восприемницу «наметкой».

Особенно много дарилось холста в продолжение сватовства и свадебных обрядов, когда молодые готовились к совместной жизни. За время сватовства невеста дарила жениху и сватам полотенца своей работы. Этим она показывала умение ткать.[3]) По окончании сговора (сватовства) мать невесты дарила будущему зятю платок, а свату несколько аршин холста. Этот холст вешали

свату и на плечо, и он в таком виде присутствовал при венчании. Перед свадьбой невеста с подругами ходят приглашать на торжество. Женщины, которых приглашали на свадьбу,одаривали невесту полотном. Перед свадьбой во время обеда родители невесты снова дарили жениху платок, а сватам, дружкам и музыканту — «свитки полотна». В церкви молодым под ноги постилалось полотенце. Приехав в дом мужа, новобрачная дарила всем домашним куски полотна, а гости одаривали молодых полотном. Вся изба убиралась скатертью и ручниками работы молодой.[4])

---

[1]) П. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. III, СПб., 1902, стр. 501.
[2]) Р. Р. Шырма. Беларускія песні. Мінск, 1955, стр. 108.
[3]) Белорусская свадьба и свадебные песни. Этнографический этюд М. Довнар-Запольского. Киев, 1888.
[4]) П. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. III, СПб., 1902, стр. 501.

[34] Эта техника состоит в том, что за бердом отбираются по счету в пасму отдельные нити основы. Браная пасма чем-либо перекладывается или перевязывается нитью. Ткут в два утка. Нажимая подножку, образуют зев и пропускают белый уток, затем под «браную» пасму перевязанных нитей подкладывают ребром дощечку — «бральницу»; «браная» пасма поднимается, тогда пропускают второй уток — красный и прибивают бердом. Дощечку опускают, нажимают вторую подножку и пропускают белый уток; дощечку подкладывают под следующию пасму и т. д. В зависимости от того, сколько раз подкладывается дощечка, узор называется в 3,5—7—10—20 и т. д. «дощечек».[1])

Браная техника любопытна сочетанием стана, оснащенного ремизками и подножками, с применением дощечки, исторически предшествовавшей ремизу.

---

[1]) Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, стр. 20—22.

[35] Полосы белые, заполнены травным блекло-зеленым узором с золотыми цветами. Другие полосы — светло-коричневые, гладкие. Край — по белому полю небольшие мотивы золотных цветов с такими же листьями. Концы белые, на них по два растительных орнаментальных мотива в виде коричневого стебля с симметрично расходящимися цветами головками к середнику. Цветы золотные, зелень блекло-зеленая. Мотив заключен в волнистое золотное обрамление.

[36] Пояс № 46/20421 (IX) также является редким образцом изделий фабрики периода деятельности Яна Мажарского. Пояс этот шелковый, с золотной нитью, односторонний (разм. 2,98×0,30). Середник его в поперечных полосах. Голубые полосы гладкие, золотные полосы заполнены цветочным вьюнком. Край золотный, орнаментирован отдельными некрупными букетами. На концах по золотному полю ткан один орнаментальный мотив. Он состоит

из стебля с расходящимися в разные стороны цветами в обрамлении из волнообразных линий. Цветы алые и голубые, обращены головками к середнику. По обе стороны от мотива в двух верхних углах ткано в каждом по две небольшие птицы. В двух нижних углах ткано в каждом по две небольшие женские фигуры и какое-то животное. На обоих концах по двум нижним углам обрамления, вертикально по отношению к орнаменту, ткана метка: на одном конце в две строки — в верхней строке «me fecit», в нижней — «Sluciae»; на другом конце также в две строки: в верхней строке «Ioannes», в нижней — «Madzarski».

И здесь как особенность следует отметить своеобразие орнаментации — один мотив, малые изображения женских фигур, животных и птиц.

К тому же периоду могут быть отнесены и еще два пояса собрания Государственного Исторического музея.

Пояс № 68/20627 (X) — шелковый, золотный, односторонний (разм. 3,32×0,28). Середник по оранжевому полю заткан темно-синей чешуйкой. Кайма золотная с травным узором. На концах по золотному полю два букета белых цветов с темно-синей листвой головками к середнику. На одном конце по нижним углам ткана метка в одну строку в прямом и обратном порядке «Sluck».

Пояс № 382/71276 (XI) — шелковый, золотный, двусторонний (разм. 3,00×0,31). Середник его полосатый, четырехлицевой. С одной стороны алый и песочный, с другой — синий и белый, полосы протканы золотной нитью. По краю золотная полоса с цветочным орнаментом. Концы с одной стороны золотные с двумя букетами алых и голубых цветов, с другой стороны золотные букеты по синему полю и по песочному. На двух нижних углах одного конца — метка «Sluck».

[37] Пояс № 13/21393 (XIII). Гладкие синие полосы чередуются со светло-палевыми. Палевые полосы заполнены синим побежком с четырехлепестковыми алыми цветами. Край палевый, заткан мелкими мотивами с темно-алыми цветами. На концах по палевому полю ткано по два выходящих из корня цветка головками к середнику. Цветы темно-алые, напоминающие астры, образуют соцветие. В окаймлении концов по двум нижним углам ткана метка — расположенные горизонтально латинские буквы «S. F.» — «Sluciae fecit». Концы обшиты шелковой палевой бахромой.

Пояс собрания Государственного Исторического музея № 3/21405 (XIV). Пояс этот шелковый, двухлицевой (разм. 3,18×0,28). Середник его во всю длину делится пополам — одна половина черная, другая алая. Заткан чешуйкой. В каждой чешуйке цветок. Край палевый, заткан цветочным орнаментом. На концах по палевому полю тканы по два орнаментальных мотива — букеты цветов, выходящие из стилизованных ваз. Цветы пестрые, обращены головками к середнику. В окаймлении концов по двум нижним углам горизонтально ткана метка в одну строку в прямом и обратном порядке «Sluck». По нижнему краю обоих концов пояс обшит белой шелковой бахромой.

Ко времени управления фабрикой Леона Мажарского относятся пояса собрания Государственного Исторического музея № 364/69081 и № 38/21924 (XVII и XVIII).

Пояс № 364/69081 (XVII) [1]) — шелковый, односторонний, двухлицевой (разм. 3,95×0,35 м). Середник его в поперечных полосах различной ширины. На одной лицевой стороне широкие алые полосы с белым геометрическим орнаментом чередуются с более узкими полосами белыми с зеленым травным узором и палевыми с цветочным узором. На другой лицевой стороне широкие синие полосы с белым геометрическим орнаментом находятся в том же чередовании, как на предыдущей стороне. По краю на палевой земле цветочный узор (голубой, алый и зеленый), оконтуренный черным. На концах два больших букета в алых и голубых тонах головками цветов к середнику. На одном конце по двум нижним углам ткана метка в две строки в прямом и обратном порядке: в верхней строке «въ граде», в нижней — «Слуцке». На другом конце по двум нижним углам в две строки в прямом и обратном порядке ткана метка: в верхней строке «Лео Ма», в нижней — «жарский».

Пояс № 38/21924 (XVIII) — шелковый, двусторонний, четырехлицевой (разм. 3,76×0,35). Середник в поперечных полосах, широких и узких. Широкие полосы палевые с цветочным орнаментом. Цветы алые и голубые с блеклой зеленью. Узкие полосы — одна половина алая с белыми волнистыми пятнами, другая темно-синяя с такими же пятнами. Полосы разграничиваются мелким черным горошчатым орнаментом. На другой стороне расцветка обратная. На краю на палевом поле побежек из алых и голубых цветов с блеклой зеленью. На концах по два орнаментальных мотива, состоящих из алых и голубых цветов с блеклой зеленью, выходящих из поземи. Цветы обращены к середнику. По двум нижним углам концов в две строки в прямом и обратном порядке ткана метка: на одном конце в верхней строке «въ граде», в нижней — «Слуцке». На другом конце в верхней строке «Лео Ма», в нижней — «жарский».

Пояс собрания Государственного Исторического музея № 409/79511 (XIX) — золотный, шелковый, однолицевой, односторонний (разм. 3,74×0,34). Середник его в поперечных золотных полосах, разделенных узкими золотными полосками с мелкими квадратиками. Широкие полосы заполнены побегом с светло-алыми и темно-синими цветами и светлой зеленью. Они чередуются с тремя полосами, заполненными — одна темно-синим побегом, другая — белыми мотивами, третья — темно-синим побегом. Край — по золотной земле побег со светло-алыми и темно-синими цветами и светло-зелеными листьями. На золотных концах по два крупных сложных цветочных орнаментальных мотива вершинами к середнику. От удлиненного центрального овала расходятся по 12 головок цветов, светло-алых и темно-синих. Сверху и снизу мотивы обведены незамкнутым обрамлением. В окаймлении концов по двум нижним углам ткана метка русским шрифтом в две строки: на одном конце «въ граде Слуцке», на другом — «Лео Мажарский». Концы обшиты золотной бахромой.

Пояс собрания Государственного Исторического музея № 50/21396 (XX) — шелковый, золотный, односторонний, двухлицевой (разм. 3,78×0,35). Середник его в полосах, заполненных травным узором. Цвета — алый, светло-синий, коричневый и зеленый. На концах по золотному полю по два крупных (29 см) овальных клейма. В клеймах стилизованные, удлиненные венки из алых, светло-синих и зеленоватых цветов, оконтуренных черным шелком. В центре венков помещены небольшие овалы.

В двух углах одного конца — метка «въ граде Слуцке». По концам пояс обшит серебряной бахромой.

---

[1]) При фотографировании один конец пояса наложен на другой так, чтобы видна была вся метка.

[38] Образцами орнаментации середника и окаймления могут служить следующие пояса из собрания Государственного Исторического музея.

Пояс № 14/20097 (XXVI) — золотный, двусторонний, четырехлицевой (разм. 3,00×0,30). Середник его полосатый, с одной стороны полосы гладкие, ярко-алые и половина ярко-синие, с другой — гладкие палевые и светло-коричневые. Во всю ширину проходят узкие разделительные полосы, золотные с зеленым точечным орнаментом. Края — по золотному полю вьюнок из ярко-алых цветов с зеленью; с обратной стороны — по зеленому полю золотный вьюнок. Концы — по золотному полю цветочные мотивы ярко-алых гвоздик с зеленью, поднимающихся из корневищ; цветы обращены головками к середнику. В нижних углах края одного конца латинскими буквами ткана горизонтальная метка «S. F.». Пояс разрезан и концы пришиты.

Фрагмент пояса — конец и часть середника — № 134/20628 (XXVII). Пояс этот золотный, односторонний, двухлицевой (разм. 0,97×0,36). Середник его в поперечных полосах. Полосы золотные, разграничены орнаментом из мелких темно-синих квадратиков. Одни полосы заполнены синим побежком с ярко-алыми цветами. На других полосах в одной половине небольшие белые цветочные мотивы, в другой половине — алые. Край золотный заткан отдельными цветочными мотивами с алыми и темно-синими цветами. На конце по золотному полю тканы два букета цветов головками к середнику. Цветы ярко-алые напоминают гвоздики, листва темно-синяя. В окаймлении конца в одном нижнем углу ткана метка латинскими буквами «Sluck». Бахрома утрачена.

Пояс № 54/20092 (XXVIII). Пояс этот золотный (разм. 2,46×0,29). Середник его золотный в поперечных полосах, отделенных друг от друга разграничительной полоской с темно-коричневым крещатым орнаментом. Крупные полосы разной ширины. В широких полосах — травный узор с ярко-синими и алыми цветами, в других — крупный горошчатый. Горохи золотные, поле более светлое, почти серебряное. В более узких полосах зигзагообразная линия, выполненная синим шелком с заполнением просветов мелкими алыми горошинами, по 4 в просвете. Край золотный с темно-коричневым побежком, листьями зеленого золота и довольно крупными цветами, алыми и ярко-синими. На концах по золотному полю два орнаментальных мотива: выходящий из пня цветок алой гвоздики, а над нею цветок синего василька головками к середнику. В окаймлении конца по двум нижним углам ткана метка латинскими буквами в прямом и обратном порядке «Sluck». Бахрома отсутствует.

Пояс № 11/20095 (XXIX). Пояс этот шелковый, золотный, односторонний, двухлицевой (разм. 3,62×0,36). Середник его в поперечных полосах. Одна половина алая, другая лимонная. Полосы разделены узкой черной каемкой с золотным зигзагом. По золотному краю гирлянда со светло-алыми и голубыми цветами. На концах по золотному полю два крупных букета (выс. 23 см):

один светло-алых, другой светло-синих цветов головками к середнику. На одном конце, в окаймлении, по двум нижним углам ткана метка латинским шрифтом в прямом и обратном порядке «Sluck». Концы обшиты бахромой. Длина конца — 28 см.

Пояс № 58/20106 (XXX). Пояс этот золотный, односторонний, двухлицевой (разм. 2,80×0,28). Середник его в поперечных полосах. Во всю ширину проходят белые полосы, затканные травным побежком с алыми и синими цветами. Белые полосы чередуются с гладкими цветными, наполовину синими, наполовину алыми.

Край золотный, заткан темно-коричневым побежком с мелкими синими и алыми цветками и светло-зелеными листьями. На концах по золотному полю ткано по два цветочных орнаментальных мотива вершинами к середнику. Мотивы состоят из поднимающихся от поземи стеблей с расходящимися симметрично ветвями и цветами. Цветы алые и синие, листва светло-зеленая. Весь мотив оконтурен черной линией. В окаймлении концов по двум нижним углам ткана метка латинским шрифтом — горизонтально расположенные две буквы «S. F.». Концы обшиты золотной бахромой.

[39] В акте передачи Слуцкой персиарни в княжескую казну приводятся цвета шелков для тканья — chamoi — цвета серны (светло-желтый), зеленый, палевый, фиолетовый, голубой, оранжевый, салатный, пепельный, оттенок зеленого, пюсовый (темно-коричневый), темно-ореховый, светло-ореховый, гранатовый, коричневый, mordoré (темно-красный), сафировый (синий), ласточкин, черный, белый, isobelle (бланжевый, телесный), сливовый, розовый, канареечный, кармазиновый (оттенок красного).

[40] Примером орнаментации концов и завершения их бахромой может служить ряд следующих поясов собрания Государственного Исторического музея.

Пояс № 410/79512 (XXXVI). Пояс этот шелковый, золотный, односторонний, двухлицевой (разм. 3, 75×0,30). Середник его в поперечных полосах, полосы до половины алые, другая половина — темно-коричневые. Разделяющие узкие полоски золотные с темно-коричневыми мелкими квадратиками. По краю по золотному полю темно-коричневый вьюнок с блеклой зеленью и светло-алыми и светло-синими цветами. На концах по золотному полю по два куста синих и алых цветов вершинами к середнику. Каждый куст имеет по два ствола, образующих общую кропу. Мотив частично обведен черной контурной линией. В окаймлении концов по двум нижним углам в прямом и обратном порядке ткана метка латинскими буквами «Sluck». Концы обшиты золотной бахромой.

Фрагмент пояса — сохранился один конец и часть окаймления — № 167/55639 (XXXVII). Пояс этот шелковый, золотный, односторонний, двухлицевой (разм. 0,29×0,35). Край — по золотному полю темно-коричневый травный вьюнок, некрупные цветы, алые и темно-синие. На конце по золотному полю два крупных орнаментальных цветочных мотива. На одной половине — на темно-коричневом стебле крупная махровая алая гвоздика с меньшими цветами того же оттенка. На другой половине темно-коричневый стебель

заканчивается синими цветами. Весь узор конца оконтурен черной линией. Цветы обращены головками к середнику. В нижних углах окаймления в горизонтальном направлении в прямом и обратном порядке ткана метка русскими буквами «въ граде Слуцке». Конец обшит золотной бахромой (13 см.).

Пояс № 23/21945 (XXXVIII). Пояс этот шелковый, односторонний, двухлицевой (разм. 3,48×0,35). Середник его в поперечных желтых полосах цвета старого золота и узких разграничительных черных с желтым горошком. Одни широкие полосы затканы темно-коричневым побежком с синими листьями трилистника и пятилепестковыми палевыми цветами. Другие полосы заполнены геометрическим белым орнаментом, в другой половине — светло-синим. Край желтый заполнен отдельными цветочными мотивами. На концах по желтому полю цвета старого золота по два крупных светло-синих цветка, напоминающие ирисы вершинами к середнику. В окаймлении концов по двум нижним углам ткана метка в одну строку в горизонтальном направлении — латинским шрифтом инициалы «S. F.» — «Sluciae fecit». Концы обшиты шелковой бахромой цвета старого золота.

Фрагмент пояса — конец и часть середника — № 156/20085 (XXXIX). Пояс этот шелковый, золотный, односторонний, двухлицевой (разм. 1,19×0,36). Середник его в поперечных полосах. Во всю ширину белые полосы, заполненные орнаментом из синих и алых цветов. Эти полосы чередуются с гладкими цветными полосами, наполовину алыми, наполовину синими. Край золотный, заткан вьюнком с алыми и синими цветами и серебряными листьями. На конце по золотному полю тканы два орнаментальных мотива: букеты алых и синих цветов с зеленью, выходящие из серебряных ваз. Цветы и вазы оконтурены черной шелковой нитью. В окаймлении конца по обоим углам ткана метка — горизонтально расположенные две латинские буквы «S. F.» — «Sluciae fecit». Бахрома утрачена.

Фрагмент пояса — сохранился конец и часть середника — № 138/21929 (XL). Пояс этот шелковый, односторонний, двухлицевой (разм. 1,13×0,35). Середник его в поперечных полосах различной ширины. Широкие золотисто-желтые полосы затканы зеленым вьюнком с светло-алыми и светло-синими цветами. Затем идут золотистые, более узкие с синим зигзагообразным узором, потом широкие, наполовину синие, наполовину алые с белым цветочным орнаментом. Все полосы разграничиваются золотистыми узкими полосками с орнаментом из мелких квадратиков.

Край золотистый заполнен зеленым побежком со светло-синими и светло-алыми цветами. На конце по золотистому полю два орнаментальных мотива. Два вытянутых венка с овалом внутри, от венков отходят двенадцать цветов. В окаймлении конца по двум нижним углам русскими буквами в две строки ткана метка «въ граде Слуцке». Бахрома отсутствует.

[41] Образцом траурного пояса может служить пояс собрания Государственного Исторического музея № 12/21390 (XLII). Пояс этот шелковый, двусторонний (разм. 3,30×0,28). Середник его в поперечных полосах. На одной стороне полосы черные гладкие и белые, затканные мелким цветочным узором. На противоположной стороне расцветка обратная. Край по белому полю заткан отдельными мотивами из черных цветов. На концах по белому

полю ткано по два букета цветов головками к середнику. Каждый букет окружен волнистым обрамлением. По двум нижним углам окаймления конца ткана метка в прямом и обратном порядке латинскими буквами «S. F.» — «Sluck fecit». Концы обшиты шелковой черной и белой бахромой.

[42] В 60-е годы XVIII в. для поднятия местной промышленности литовский подскарбий Антоний Тизенгауз основал в Гродно ряд мануфактур, в том числе шелковую фабрику и персиарню. Гродненская персиарня существовала еще ранее, до Тизенгауза. Это было, по-видимому, незначительное производство, выпускавшее продукцию, не отличавшуюся высоким качеством. Затем первоначальное производство преобразовалось выписанными из Лиона французами.

В своем производстве Гродненская персиарня была тесно связана с Гродненской шелковой мануфактурой, вырабатывавшей ткани по образцу лионских.

Основание Гродненской персиарни было предпринято с целью выработки нового типа шелкового тканого пояса с европейским орнаментом. Эта идея принадлежала королю Станиславу Августу Понятовскому. Осуществление было предоставлено французам. Французские мастера взяли целиком величину, членение и орнаментальную структуру слуцкого пояса.

Так возник в Гродно новый тип польского пояса. Середник сохранил свои полосы, но они заполнились французским орнаментом. Иногда по всему середнику шел узор из отдельных мелких цветов. Концы сохранили число мотивов — два, но эти мотивы разрабатывались во французском вкусе. То же можно сказать о крае. Метка не ткалась. Концы обшивались бахромой.

Известны виды гродненских поясов «ceinture ordinaire», «ceinture en taffetas» и «ceinture à fleurs».

В 1774 г. в Гродно приехал из Лиона мастер F. Selimand, который руководил производством до 1778 г. Время управления фабрикой F. Selimand является расцветом Гродненской персиарни. Талантливый француз сумел найти удачное сочетание французского орнамента с формами слуцкого пояса. Однако мода на пояса с французскими узорами сменилась возвращением к восточным мотивам. F. Selimand, учитывая вкусы потребителей, разработал восточную орнаментацию. Он использовал слуцкие образцы орнамента, трактуя их по-своему, в своей особой манере, придавая им еще большую гармоничность композиции и легкость рисунка. Изысканность колорита также принадлежит F. Selimand.

Первые годы после ухода F. Selimand Гродненская персиарня продолжала работать, сохраняя его традиции. Но в 1781 г. начинается упадок, производство свертывается и в 1783 г. прекращается совсем.

Гродненская персиарня не выставляла производственной метки на поясах своей продукции. Поэтому гродненские пояса определяются путем сопоставления с образцами тканей гродненской шелковой мануфактуры. Возможно, к изделиям Гродненской персиарни могут быть отнесены следующие два пояса собрания Государственного Исторического музея.

Пояс № 69/20680. Это шелковый, золотный, двусторонний, двухлицевой пояс (разм. 3,39×0,28). Середник его в поперечных полосах, гладких, темно-лиловато-коричневых и синих с отдельными лиловато-коричневыми цветочными мотивами; оборотная сторона — полосы гладкие белые и коричневые

с синим цветочным узором. Край — лиловато-коричневый с золотными небольшими отдельными букетами. На оборотной стороне по белому полю тканы золотные с коричневым букеты. На концах по серебряному полю по две ветки цветов с листьями. Ветки лиловато-коричневые обращены цветами к середнику. На противоположной стороне обратная расцветка. Метка отсутствует. Концы обшиты серебряной бахромой.

Пояс № 104/55639. Это шелковый, золотный, односторонний, однолицевой пояс (разм. 3,41×0,29). Середник его в поперечных полосах, золотных, с цветочным ярко-алым, светло-синим и ярко-зеленым орнаментом. Другая полоса его — гладкая, ярко-алая. Край — по золотному полю те же цветы, что и в полосе. На концах на белом поле по два золотных цветочных мотива головками к середнику. Метки не имеется.

Опыт Гродненской персиарни получил дальнейшее развитие в производстве персиарен, расположенных под Варшавой, где продолжал свою деятельность F. Selimand.

[43] Как образцы производства ткачества фабрики в Кобылках, можно привести следующие пояса собрания Государственного Исторического музея.

Пояс № 6/20631 (XLIII). Этот пояс шелковый, двусторонний, четырехлицевой (разм. 3,60×0,40). Ткан пояс в коричневых тонах. Середник его в поперечных полосах с травным узором. На концах — по два венка из пальмовых ветвей. Внутри венков расположены букеты, перевязанные лентами. По двум нижним углам в две строки вытканы метки: в верхней строке «Kob», в нижней — «ylki». Концы обшиты бахромой.

Пояс № 37/21411 (XLIV). Пояс этот шелковый, двусторонний, четырехлицевой (разм. 3,55×0,30). Середник его в поперечных полосах. Одна сторона сиреневая и алая, во всю ширину палевые полосы, затканные зеленым вьюнком с золотными цветами; другая сторона светло-зеленая и малиновая, во всю ширину зеленые полосы затканы светло-палевым вьюнком с золотными цветками. На концах двенадцать орнаментальных мотивов, состоящих из цветочных ветвей, перевязанных лентами с бантами. На одной стороне поле золотное, ленты зеленые с алым. На другой стороне поле зеленое, ленты золотные с алым. В окаймлении концов в одном нижнем углу каждого конца ткана метка в две строки: в верхней «Kobyl», в нижней — «ki» и изображение бегущей лошади. Концы обшиты бахромой.

Своеобразием отличается орнаментация пояса № 76/21386 (XLV). Пояс этот односторонний, цвета — синий, белый, малиновый с серебром (разм. 4,20×0,33). Середник его в поперечных полосах, заполненных орнаментом, который состоит из изображений военных атрибутов — пушки, ядра, колчана со стрелами, барабана, знамени и пр. На концах — изображение двух рыцарей на конях со щитами и поднятыми мечами. Поле концов малиновое, изображения даны синим, белым и серебром. На поле рядом с изображениями инициалы «S. A. R.» под королевской короной «Stanislavus Avgustus Rex». В окаймлении концов в одном из нижних углов каждого конца ткана метка в одну строку «S. Filsjean» — начальная буква имени и полностью фамилия владельца фабрики.

Пояс № 72/21367 (XLVI). Пояс этот шелковый, двусторонний, четырехлицевой (разм. 3,67×0,30). Середник его в поперечных полосах. С одной стороны на одной половине полосы гладкие, ярко-голубые, на другой — гладкие палевые. Во всю ширину середника идут палевые полосы, заполненные темно-коричневым вьюнком с алыми цветами. С другой стороны на одной половине полосы гладкие светло-зеленые — фисташковые, на другой — гладкие алые. Во всю ширину середника темно-коричневые полосы, заполненные палевым вьюнком с алыми цветами. На концах по палевому полю по два орнаментальных мотива, состоящие из удлиненных венков. Венки темно-коричневые с алыми цветами. Внутри венков помещено по одному алому цветку. Все цветы напоминают гвоздику. С другой стороны расцветка обратная. Ниже окаймления концов в полосе, завершающей пояс, ткана метка. На одном конце по двум нижним углам в две строки в прямом и обратном порядке ткано: в верхней строке латинским шрифтом «Wkobyl», в нижней — «ce». На другом конце таким же образом ткано: в верхней строке «S. Filsje», в нижней — «an». Метка интересна тем, что дает полностью фамилию владельца фабрики и название места производства, в то время как другие метки данной фабрики дают полностью либо фамилию фабриканта, либо название места производства.

Иногда встречаются пояса з меткою «S. F.» по двум нижним углам конца. Буквы часто бывают расположены горизонтально по отношению к орнаменту конца. Эту метку при соответствующей разработке орнамента и колорита можно принимать за метку «Selimand Francois».

[44] В 1791 г. Яков Пасхалис получил дворянство, фамилию Якубович и герб.

Время прекращения деятельности F. Selimand в Липкове и конца работы Липковской персиарни неизвестно. Возможно, что это производство прекратилось в 1794 г. во время восстания.

Деятельность F. Selimand в Липкове отмечается усилением европеизации орнамента польского пояса. F. Selimand оставляет восточные мотивы и обращается к западноевропейскому орнаменту.

[45] Образцами изделий фабрики Пасхалиса может служить ряд поясов собрания Государственного Исторического музея.

Пояс № 40/20098 (XLVII). Пояс этот шелковый, золотный, двусторонний (разм. 3,43×0,30). Середник его по золотному полю заткан «чешуйчатым» орнаментом, тканым темно-коричневым шелком. С другой стороны расцветка обратная. На концах на золотном поле по два цветочных орнаментальных мотива, выполненные темно-коричневым шелком. В окаймлении концов по двум нижним углам ткана метка в две строки в прямом и обратном порядке: в верхней строке «Pascha», в нижней — «lis». Метка «Paschalis» указывает, что этот пояс выткан до 1791 г., когда владелец фабрики получил дворянство и новую фамилию Якубович.

Фрагмент пояса № 70/21384 (XLVIII) представляет собой продольную половину. Пояс этот шелковый, золотный, односторонний (разм. 4,62×0,22). Середник его в поперечных полосах. Золотные полосы заполнены цветочным

орнаментом — цветы алые и голубые. Алые полосы затканы золотным узором. Край широкий, золотный, орнаментирован повторяющимися цветочными ветвями и птицами на них. На ветвях — белые и голубые цветы; птицы типа попугая, белые с алыми крыльями, клювом и лапами. На концах было, по-видимому, по три орнаментальных мотива. По золотному полю ткана алая гвоздика, выходящая из корня, обращенная цветком к середнику. По обе стороны гвоздики голубые и алые цветы. Полностью сохранился один мотив и половина другого. В окаймлении концов в нижнем углу в две строки латинскими буквами ткана метка: в верхней строке «Pascha», в нижней — «lis». Этот пояс также относится ко времени до 1791 г.

Пояс № 20/21375 (XLIX). Пояс этот шелковый, односторонний, двухлицевой (разм. 3,45×0,30). Одна половина его алая, другая лиловая. Середник пояса в поперечных полосах. Белые полосы проходят через всю ширину пояса. Все полосы белые и цветные заполнены фигурным орнаментом. Край белый с цветочным побежком. На концах по белому полю по два цветочных орнаментальных мотива цветами к середнику. Мотивы выполнены цветным шелком и оконтурены черным. В окаймлении концов по двум нижним углам ткана метка в одну строку в прямом и обратном порядке — инициалы «P. J.». Оба конца обшиты серебряной бахромой. Пояс относится ко времени после 1791 г., когда владелец фабрики получил фамилию Якубович.

Пояс № 41/20760 (L). Пояс этот шелковый, золотный, двусторонний, четырехлицевой (разм. 3,32 × 0,29). Одна сторона его палевая и алая, другая — желтая и ярко-синяя. Середник пояса в поперечных полосах. Во всю ширину пояса проходят золотные полосы, заполненные цветочным орнаментом, оконтуренным черной нитью. Другая сторона желтая и ярко-синяя, черные полосы с золотным орнаментом, цветные полосы гладкие. Край пояса золотный с цветочным орнаментом. На концах по золотному полю по два букета ярко-алых цветов, выходящих из ваз. Букеты обращены цветами к середнику. На другой стороне — поле черное. В окаймлении концов по двум нижним углам ткана метка в одну строку — инициалы латинским шрифтом «P. J.». На концах пришита золотная бахрома.

Пояс № 1/21926 (LI). Пояс этот шелковый, золотный, двусторонний, четырехлицевой (разм. 3,54×0,37). Середник пояса следующий: одна сторона темно-коричневая и белая, во всю ширину золотные полосы с темно-коричневым травным орнаментом, цветные полосы с довольно крупным горошчатым и крещатым золотным орнаментом; другая сторона золотная и палевая, во всю ширину темно-коричневые полосы с травным золотным орнаментом. В золотных и палевых полосах крупный горошчатый и крещатый алый орнамент.

На концах по золотному полю по два темно-коричневых букета цветами к середнику. С другой стороны расцветка обратная. В окаймлении концов по двум нижним углам ткана метка — пасхальный «агнец» с флажком и по левую сторону буквы «P», по правую — «J». Пояс относится во времени после 1791 г., когда владелец фабрики получил дворянство и герб. Концы обшиты золотной бахромой.

К тому же периоду относится и пояс № 18/21399 (LII).

[46] С прекращением производства в Корце перестает существовать своеобразный польский тип пояса. Производство поясов польского типа просуществовало несколько более четверти века.

Этот вид пояса возник на основе уже разработанного слуцкого типа. Однако польские пояса в противоположность слуцким были мало связаны с народной традицией. В сущности говоря, это была переработка слуцкого пояса, сделанная во французском вкусе. Польская шляхта, тяготевшая ко французской культуре и часто воспринимавшая ее только внешне, определила появление типа пояса с французским орнаментом, построенного на слуцкой основе.

[47] По этим признакам к изделиям Слуцкой персиарни могут быть отнесены следующие пояса собрания Государственного Исторического музея.

Фрагмент пояса — сохранились конец и значительная часть середника — № 165/20629 (LIII). Пояс этот золотный, двусторонний, двухлицевой (разм. 1,50×0,30). Середник его в поперечных полосах. На одной стороне гладкие серебряные полосы чередуются с алыми. В алых полосах ткан орнамент, состоящий из четырех крупных овальных золотых горошин. С другой стороны середник бирюзовый в очень крупных серебряных горошинах, разделенных тонкими золотыми полосами. Край серебряный заткан отдельными небольшими цветочными мотивами — цветы голубые с алой и золотой листвой. На конце по серебряному полю ткано два букета цветов головками к середнику. Цветы голубые, ствол, листья, молодые побеги алые. С другой стороны расцветка обратная. На данном конце метка не прослеживается. Конец обшит золотой бахромой.

По характеру орнамента и конца края этот пояс очень близок к поясу № 68/20627 (X), который имеет метку «Sluck».

Пояс № 65/21380 (LIV). Пояс этот золотный, односторонний, двухлицевой (разм. 3,93×0,32). Середник его в поперечных полосах. Полосы золотные с мелкими цветами, на одной половине светло-алыми, на другой — густо-алыми. Другая полоса — одна половина золотная с узором четырехлепестных розеток, оконтуренных темно-коричневым шелком, другая — темно-алая с золотым узором розеток. Край — по золотному полю с одной стороны вьюнок со светло-алыми и светло-синими цветами, с другой стороны такой же вьюнок с темно-алыми цветами. На концах по золотному полю тканы по два куста, выходящих из поземи вершинами к середнику. На одной половине стебель темно-коричневый, цветы светло-алые, листья зеленые с очень волнистыми краями. На другой половине стебель темно-коричневый, цветы темно-алые, зелень сине-зеленая. Метки нет. Оба конца обшиты серебряной бахромой.

[48] Как образцы, возможно, французского производства можно отметить следующие пояса собрания Государственного Исторического музея.

Пояс золотный № 168/20100 (LV). Сохранился он полностью. Пояс этот представляет собою два фрагмента. Ткан пояс в светло-алых тонах с золотной нитью разных оттенков. Середник его полосатый. На концах ткано по одному орнаментальному мотиву — корзина цветов, главным образом роз, обращенная цветами к середнику. По обеим сторонам корзины расположены древесные стволы. Под корзиной на небольшом холме — две птицы и собака. По

нижнему краю конца во всю ширину была ткана метка, к сожалению, почти совершенно срезанная.

По характеру орнаментации пояс резко отличается от изделий персиарен Речи Посполитой. Корзина с цветами, птицы на пригорке, собака возле них — мотивы, не свойственные орнаментации слуцких поясов. Трактовка этих мотивов также не свойственна слуцким поясам.

Такими же чертами отличаются и пояса № 113/21369 и № 107/20759 (LVI и LVII).

Пояс № 113/21369 — шелковый, двусторонний (разм. 2,69×0,32). Цвета его — светло-алый и белый. Середник пояса в поперечных полосах. Алые полосы гладкие, по белым косые полосы алого цвета. На другой стороне расцветка обратная. На концах по одному мотиву. По светло-алому полю белым шелком ткана пальмета, окруженная завитками во вкусе второй половины XVIII в. По краю конца обрамление из мелких цветов. На другой стороне расцветка обратная. Концы обшиты шелковой бахромой.

Пояс № 107/20759 — шелковый, золотный, односторонний (разм. 3,22× 0,28). Середник его в поперечных полосах. Белые гладкие полосы чередуются с полосами в мелкую клетку — алую с палевым. Полосы разграничиваются золотными линиями. Край — по серебряному полю вьюнок с голубыми и светло-алыми цветами.

На концах по золотному полю по два орнаментальных мотива в виде корзин с цветами. Цветы алые головками к среднику. Концы обшиты серебряной бахромой.

[49] В Русском музее в Ленинграде хранится ряд армяно-грегорианских культовых предметов, шитых из слуцких поясов. Взять, например, епитрахиль № 826. Материал — ткань середника золотная, в поперечных полосах. Одни полосы заполнены орнаментом из синих и желтых цветов, другие — белым геометрическим. Полосы разграничиваются орнаментом из мелких черных ромбов. По краю орнамент из синих и желтых цветов. Низ епитрахили образует концы пояса. Орнамент состоит из двух букетов синих и желтых цветов, обращенных цветами к среднику. Слева в углу конца ткана метка русскими буквами в две строки: в верхней строке «въ граде», в нижней — «Слуцке». Справа в углу в две строки в зеркальном отражении — в верхней строке «Леома», в нижней — «жарский».

Реже встречаются предметы православного церковного обихода, пошитые из слуцких поясов. Из предметов православного церковного обихода можно указать как образец фелонь 780/16183 собрания Государственного Исторического музея. Материал — ткань середника пояса. По золотному полю поперечные полосы. В полосах мелкий цветочный орнамент.

[50] Примером подобных явлений могут служить следующие экспонаты.

Фрагмент пояса собрания Государственного Исторического музея № 164/20096 (LVIII). Сохранилась половина пояса во всю длину. На рисунке даны обе сохранившиеся половины концов. Пояс этот шелковый, золотный, односторонний (разм. 3,78×0,17). Середник его в поперечных полосах. По-

лосы светло-зеленые, гладкие. Они разделяются узкими золотными, волнистыми полосками, обрамленными темно-коричневым шелком.

Край золотный заткан травным темно-коричневым вьюнком и темно- и светло-синими цветами. На концах на золотном поле по одному крупному (23 см) орнаментальному цветочному мотиву в виде куста синих васильков и голубых тюльпанов, выходящих из синей вазы с опущенными краями. Ваза стоит на довольно большой фигурной подставке светло-коричневого цвета.

В окаймлении концов ткана метка русскими буквами в две строки: на одном конце «въ граде Слуцке», на другом — «Лео Мажарский».

Пояс собрания Государственного Исторического музея № 405/79320 (LIX). Пояс этот шелковый, односторонний (разм. 3,22×0,36). Состоит он из фрагментов. Середник его пришит к концам, по-видимому, принадлежавшим к другому поясу.

На концах по светло-желтому полю по два крупных (24 см) орнаментальных цветочных мотива — на длинном стебле очень крупная махровая алая гвоздика. От нее в стороны расходятся более мелкие алые цветы с яркой сине-зеленой листвой. Цветы обращены головками к середнику. Весь мотив обведен черной линией. Метка не выткана. Концы обшиты шелковой бахромой (дл. 14 см).

Фрагмент золотного, одностороннего, двухлицевого пояса собрания Государственного Исторического музея № 183/21365 (LX). Пояс этот разрезан во всю длину и сшит. Сохранился один конец, один край и сшитый середник.

Середник золотный в поперечных полосах. Во всю ширину середника золотные полосы с зеленым травным узором со светло-голубыми и светло-алыми цветами.

Конец — по золотному полю два куста со светлой зеленью и некрупными светло-синими и алыми разных оттенков цветами головками к середнику. Весь мотив оконтурен черной нитью.

На одном конце, в окаймлении, в нижнем углу ткана метка латинскими буквами в обратном направлении «Sluck». Бахрома отсутствует.

ЛІТАРАТУРА

А. Астрэйка. Беларускі ткацкі арнамент. Мінск, 1929 г.

Беларускі народны арнамент (альбом). Мінск, 1955 г.

Белорусское народное творчество (альбом в двух томах). Минск, 1951 г.

Беларускае народнае мастацтва. Мінск, 1951 г.

Витебская старина, т. V, ч. I, Витебск, 1888 г.

К. В. Веселовская. Обзор этнологической работы в Белоруссии за период 1917—1925 гг. Этнография, 1926, № 1—2.

Вестник общества древне-русск. искусства при Московском публичном музее. Материалы, 1876 г.

Временник, кн. VII. М., 1850 г. Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 7090 и 7091 годов.

Герберштейн. Записки о Московских делах. Издание Суворина, 1908 г.

Вл. Даль. Толковый словарь, т. II, 1905 г.

Кирша Данилов. Древние российские стихотворения. Издание Суворина, 1878 г.

Дела тайного приказа, кн. 3. Русская библиотека, т. XXIII.

М. Дмитриев. Обряды и обычаи западнорусских крестьян. Памятная книжка Гродненской губернии на 1869 г. Гродно, 1869 г.

М. В. Довнар-Запольский. Белорусская свадьба и свадебные песни. Киев, 1888 г.

И. Забелин. Домашний быт русских царей. М., 1872 г.

И. Забелин. Быт русских царей, ч. II, М., 1915 г.

М. Забылин. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880 г.

Самуил Коллинс. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне (перевод Киреевского). Чтения, кн. I, 1846 г.

Ю. Крачковский. Быт западнорусского селянина. М., 1874 г.

Кильбургер. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась через всю Россию в 1674 году. СПб., 1810 г.

Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. VI, 1892 г.

Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927 г.

И. Лепехин. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского Государства, 1768 г. М., 1769 г., СПб., 1771 г.

Максимов. Крылатые слова. СПб., 1890 г.
И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.— Л., 1950 г.
И. В. Мешалин. Материалы по истории крестьянской промышленности. М.— Л., 1950 г.
Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895 г.
В. Пичета. Образование белорусского народа. Вопросы истории, 1946, № 5—6.
Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. VIII, Вильно, 1912 г.
Роспись произведениям отечественной промышленности, выставленным в залах Кремлевского дворца в ноябре 1813 года. М., 1831 г.
Русская Старина, 1883, октябрь.
Русский архив, 1886, № 3.
Павел Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, доспехов... СПб., 1896 г.
Северная почта, 1812, № 19.
В. Семенов. Россия, т. IX, СПб., 1905 г.
И. А. Сербов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, т. 94, Петроград, 1916 г.
И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. I, М., 1837 г.
С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, СПб.
Собрание государственных грамот и договоров, ч. I.
Н. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III.
Указатель к первому тому Полного собрания летописей, СПб., 1907 г.
Д. Флетчер. О государстве Русском. Издание Суворина, 1906 г.
М. Чулков. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Гос. Имп. Петру В. и ныне благополучно царствующей Гос. Имп. Екатерины В. М., 1785 г.
П. Б. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. II—III, СПб.
Р. Шырма. Беларускія песні, Мінск, 1955 г.
Р. Шырма. Беларускія народныя песні, загадкі і прыказкі, т. I—II, Мінск, 1947 г.
Этнографический сборник, вып. I, изд. Имп. русск. географич. общества, СПб., 1853 г.
Этнографический сборник, вып. II, изд. Имп. русск. географич. общества, СПб., 1854 г.
Этнографический сборник, вып. III, изд. Имп. русск. географич. общества, СПб., 1858 г.

ЗМЕСТ

На белорусском и русском языках

СЛУЦКИЕ ПОЯСА

Издательство Академии наук БССР
Минск, проспект им. Сталина, 68

Рэдактар Выдавецтва
І. ЧЫГРЫНАЎ

*

Мастак
Ф. НАВІКОЎСКІ

*

Тэхнічны рэдактар
І. ВАЛАХАНОВІЧ

*

Карэктар
Т. ТРЫГУБОВІЧ

Зацверджана РВС АН БССР

*

АТ 11090. Здана ў набор 11/III 1960 г. Падпісана да друку 10/X 1960 г. Тыраж 3000 экз. Папера 84×108 1/16. Друк. арк. 15,0. Ум. арк. 24,6. Уч. выд. арк. 13. Выд. заказ 28. Друк. заказ 755. Цана 22 р. 50 к.
З 1/I 1961 г.—2 р. 25 к.

*

Паліграфічны камбінат ім. Я Коласа
Мінск, Красная, 23

Друкарня Выдавецтва АН БССР
Мінск, праспект Сталіна, 68.

Цана 22. 50 к.
З 1.I. 1961 г.-2р. 25 к.

